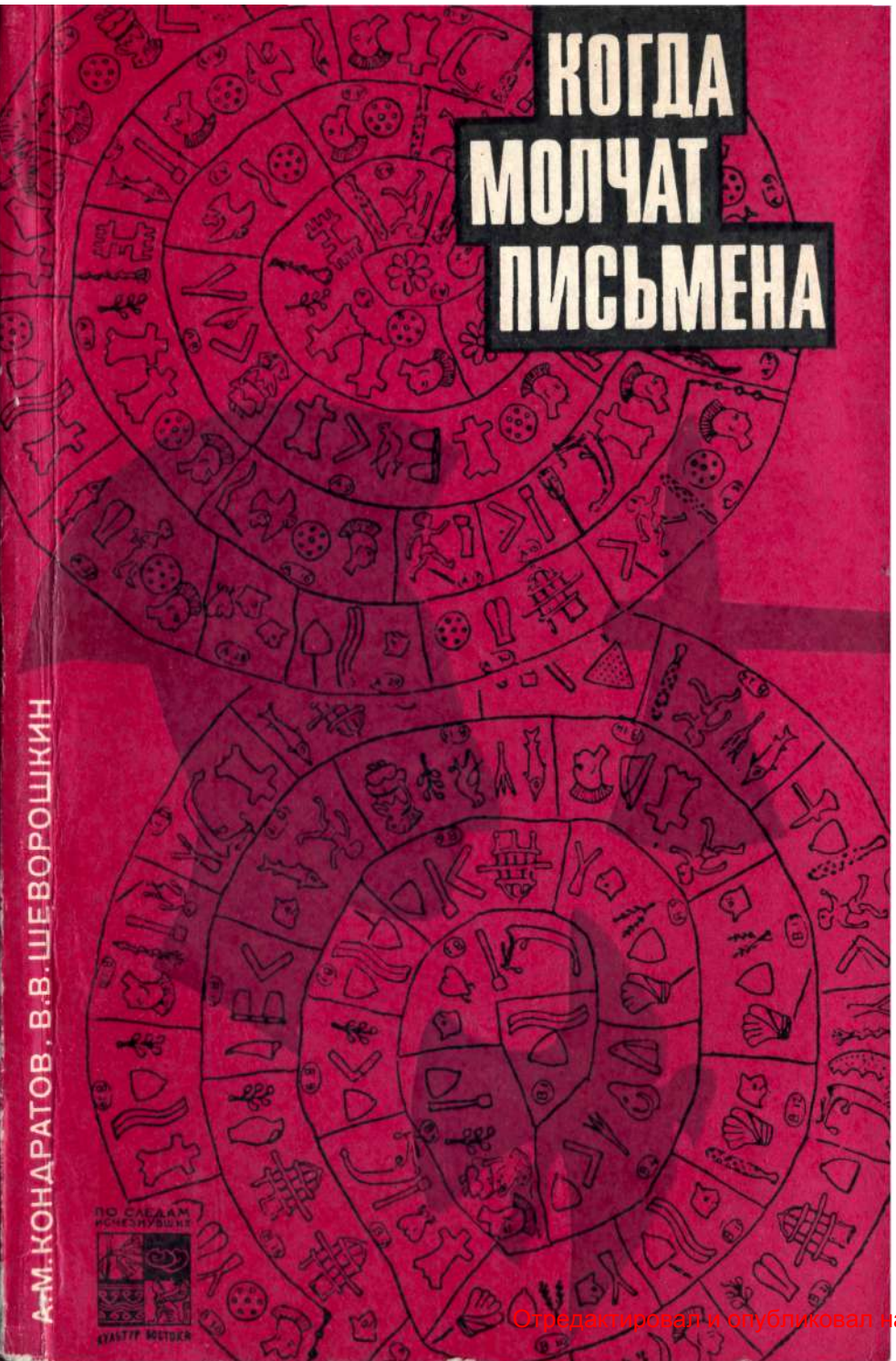
КОГДА МОЛЧАТ ПИСЬМЕНА



А.М.КОНДРАТОВ, В.В.ШЕВОРОШКИН

ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗНУВШИХ

КУЛЬТУР МИРОВОК

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.М.КОНДРАТОВ,
В.В.ШЕВОРОШКИН

КОГДА МОЛЧАТ ПИСЬМЕНА

Загадки древней Эгеиды

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1970

Кондратов А. М., Шеворошкин В. В.

К64 Когда молчат письмена. Загадки древней Эгеиды. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», М., 1970.

227 стр. с илл. («По следам исчезнувших культур Востока»).

Авторы этой книги, известные своей практической работой в области дешифровки древних письменностей, рассказывают об успехах и неудачах дешифровки письмен Эгеиды — письменностей народов, живших на побережье и островах Эгейского моря. Достаточно сложные теоретические и практические проблемы дешифровки излагаются в живой и доступной форме. Кроме того, несмотря на популярный характер книги, здесь впервые публикуются некоторые новые данные, касающиеся письмен Средиземноморья.

7-1-1

107-69

902.9+4А

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга — об исчезнувших народах, их культуре, их языке. О народах, обитавших некогда в древнем Средиземноморье — на территории нынешней Италии, Греции, Турции. О древней культуре, оказавшей значительное влияние на культуру греков и римлян и через них — на европейскую культуру в целом. О языках, которые звучали много столетий тому назад на обширных территориях и о которых мы знаем пока что очень и очень немного. О письменах — тех, что долгое время хранили молчание, и тех, что молчат и поныне.

Что делать, когда молчат письмена?

Можно попытаться проникнуть в тайну исчезнувшего народа, изучая сообщения древних авторов — современников тех, кто создал умолкнувшие ныне письмена. Можно привлечь данные археологии и других смежных наук. И все же подчас ничто не может дать ответа на вопрос, кем были те, что создавали древние тексты. На каком языке они говорили? Откуда они пришли? Есть множество подобных вопросов, ответить на которые помогли бы нам письмена, если бы они заговорили.

Сколько разных догадок строилось по поводу того, на каком языке говорили люди, пользовавшиеся так называемым «линейным письмом Б». И как был удивлен научный мир, когда выяснилось, что этим письмом пользовались не этруски, не хетты, не семиты, а все те же греки. А выяснилось это лишь после того, как удалось прочитать их письмена, — мы рассказываем об этом в нашей книге.

А когда прочли линейное письмо Б, стало ясно, что еще более древнее письмо — линейное А и самое древнее — критское иероглифическое письмо принадлежат какому-то другому народу, говорившему не на греческом языке, народу, обладавшему высокой культурой и обитавшему на Крите и других территориях около четырех тысяч

лет тому назад. Этот народ, возможно, создал и иные письмена древности, например письмо знаменитого Фестского диска, прочесть которые пытались и пытаются люди самых разных профессий в самых разных уголках земного шара.

Об этих попытках проникнуть в тайну умолкнувших письмен, о тех вопросах, которые поставили перед наукой древние жители «догреческого» Крита, рассказываем мы в нашей книге.

Мы рассказываем и о других загадочных народах Средиземноморья — об этрусках, чей язык ученые не могут понять до сих пор, о древних хеттах, в тайну языка которых ученые проникли сравнительно недавно — полвека тому назад. В последние годы многие ученые пришли к выводу, что хетты в глубокой древности населяли не только Малую Азию — территорию современной Турции, но и территорию Греции. Об этом говорит особая наука — ономастика; об этой науке мы тоже рассказываем в нашей книге.

В последние годы появилось много книг о хеттах. Но до сих пор еще очень мало пишут о потомках древних хеттов и родственных им лувийцев, о тех народах, что обитали в древних государствах Малой Азии — Лидии, Карии и Ликии. Язык ликийцев ученые стали понимать уже в конце прошлого века; письмена лидийцев заговорили лишь сорок лет назад, а в тайну карийских письмен удалось проникнуть совсем недавно. Мы рассказываем о том, как прочли ученые письмена древней Малой Азии и какие надписи до сих пор остаются непонятными. Как будто на смену прочтенным недавно надписям приходят новые, расшифровать которые, может быть, суждено тем, кто держит сейчас в руках эту книжку.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА 1

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ КРИТ

ОСТРОВ ЕСТЬ КРИТ...

Остров есть Крит посреди виноцветного моря,
прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми
изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь
ахеян
С первоплеменной породой воинственных критян;
кидоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих. Минос управлял им в
то время,
В девятилетие раз общаясь с великим Зевесом,—

повествует Гомер в XIX песне «Одиссеи». А еще более древние греческие мифы рассказывают о том, что великий Зевс был отцом правителя Крита — Миноса; приняв образ прекрасного быка, он похитил красавицу Европу, дочь финикийского царя, и, переплыв море, доставил ее на своей спине на Крит и там сделал своей женой. Дети Зевса и Европы: Минос, Сарпедон и Радамант стали великими правителями острова Крит.

О правлении Миноса говорят не только мифы и «Одиссея», но и труды античных историков и философов: Геродота, Диодора, Фукидида, Аристотеля, Платона. Древние изображали царя Миноса мудрым и дальновидным правителем, создавшим города и дворцы, издавшим первые писаные законы. В царстве Миноса, говорят мифы, работал великий мастер Дедал.

Дедал умел создавать произведения искусства, которые казались живыми. Он был учителем всех последующих скульпторов и художников. По приказу Миноса этот великий скульптор построил в столице Крита, городе Кноссе, удивительное сооружение — Лабиринт, где обитал Минотавр («бык Миноса») — чудовище с человечьим телом и бычьей головой, сын Миноса, посланный Зевсом критскому царю как предостережение: не считать себя равным богам!

Минотавр, питавшийся человечьим мясом, жил в центре Лабиринта. Чтобы попасть туда, нужно было пройти многочисленными запутанными ходами, и человек, войдя в Лабиринт, либо погибал от голода и жажды, заблудившись в его ходах, либо становился жертвой страшного чудовища.

Каждые девять лет, повествует легенда, семь прекраснейших девушек и семь сильнейших юношей покидали родные Афины и плыли на Крит, чтобы стать там жертвой ужасного Минотавра. И только греческий герой Тесей избавил мир от Минотавра, убив его в бою. Он выбрался из Лабиринта с помощью клубка ниток, подаренного ему Ариадной, прекрасной дочерью царя Миноса.

Много красивых и поэтических легенд сложили древние греки о Крите, его обитателях, его сокровищах. Имеют ли они — как и гомеровский эпос — реальную основу?

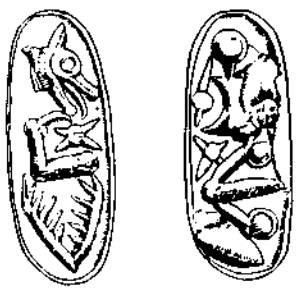
Прошло не одно и не два, а целых двадцать столетий, и предания античности перестали быть сказками. На острове Крит была открыта блестящая цивилизация, колыбель современной европейской культуры. Римляне были учителями кочевых племен, пришедших в Западную Европу в начале нашей эры. Учителями римлян были этруски и греки. Учителями последних были жители Крита.

На Крите мы находим произведения искусства, которые послужили образцом и источником вдохновения для художников Микен, Пилоса, Тиринфа и других городов гомеровской Греции. Именно здесь достигло высокого совершенства искусство фрески. На Крите мы находим великолепные росписи, по совершенству и тонкости превосходящие росписи материковой Греции, которые, по всей вероятности, также делались либо критскими мастерами, либо их учениками.

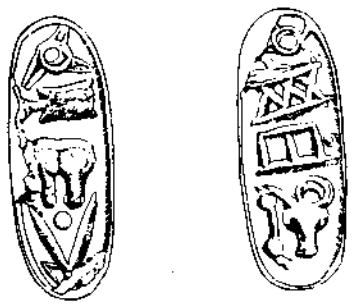
Археологи были поражены, обнаружив в древнейших греческих городах вазы, расписанные в совершенно иной манере, чем классические античные. Вазы Крита оказались ключом к этой особой манере. Миниатюрные критские печати послужили разгадкой для непонятных до тех пор сцен, изображенных на печатях, найденных в материковой Греции. Кстати, именно эти печати и послужили толчком к открытию цивилизации Крита.

ДВОРЕЦ ЦАРЯ МИНОСА

В конце прошлого века один путешественник, только что вернувшийся из Греции к себе на родину, в Англию, преподнес в дар Эшмольскому музею в Оксфорде небольшую сердоликовую печать со странными изображениями. Печатью заинтересовался сэр Артур Эванс — хранитель музея. Он долго ломал голову над ее происхождением, однако ни к какому выводу он не пришел. Через несколько лет Эвансу удалось поехать в Афины, где он обнаружил еще несколько печатей, очень похожих на ту, что хранилась в музее. Печати были трех- и четырехсторонние, овальной формы, содержали изображения рисуночных знаков, похожих на иероглифы. Все обладатели печатей утверждали, что печати привезены с Крита. Так поиски привели Эванса на Крит, где он собрал множество предметов, относящихся к эпохе «царства Миноса», воспетого Гомером. Но больше всего удивило и обрадовало Эванса то, что древние печати и геммы, за которыми он охотился, были теперь любимыми украшениями и амулетами критских крестьянок. Исследователю без особого труда удалось приобрести большое число печатей у гостеприимных местных жителей. Если обладательницы амулетов и украшений не



Критские «печати»



Критские «печати»

хотели расставаться со своими сокровищами, то Эванс снимал с печатей слепки.

Эванс навсегда связал свою судьбу с Критом. В марте 1900 года ему удалось начать раскопки на территории древней столицы острова — города Кносс. Эванс хорошо понимал, что раскопки дадут намного больше, чем случайные находки на острове. Поэтому Эванс начал копать именно в Кноссе — еще Генрих Шлиман, «открывший» Трою, начал там «разведывательские» археологические работы за три года до Эванса. Методы работы Эванса резко отличались от шлимановских: если Шлиман копал как попало, стремясь во что бы то ни стало обнаружить сокровища легендарных царей, то Эванс, который многому научился, работая в музее, вел раскопки весьма осторожно, методически, на научной основе[1]. Как только обнаруживались поврежденные памятники, их сразу же реконструировали.

Эвансу посчастливилось раскопать кносский дворец — легендарный Лабиринт царя Миноса. Руины этого огромного монументального сооружения, состоявшего из нескольких этажей, и сегодня поражают великолепием своей архитектуры. Дворец состоял из большого числа помещений, выбраться из которых, не зная дороги, было нелегко — отсюда и легенда о лабиринте как об огромной ловушке.

Широкая каменная лестница ведет во дворец. По бокам ее расположены колонны, имеющие своеобразную и очень красивую форму: они расширяются не книзу, а кверху. Во дворце есть тронный зал, парадные помещения, комнаты для отдыха, бассейны, хозяйственные помещения. Был там и первый в Европе водопровод.

Во время раскопок Эванс обнаружил богатейшие кладовые, где хранились когда-то оливковое масло, зерно, вино. Огромные сосуды — пифосы — достигали роста человека; чтобы поднимать их, к ним приделывали четыре ряда ручек. Найденные при раскопках вазы, кубки, чаши из камня, металла, глины были не просто предметами домашнего обихода — их украшали изумительные росписи. Большое внимание уделялось и самой форме сосуда: вазы, как правило, делались в виде цветка на стебле, чаши имели вид раскрытых бутонов.

Изображения на сосудах воскрешают картины жизни и быта: кулачный бой, военачальника, отдающего приказ подчиненному, ритуальную игру с быком. Еще более ярки сцены критской жизни, запечатленные на фресках, покрывавших стены дворца.

[1] Правда, и Эванс иногда допускал «нарушения», непростительные для современного археолога.

Стены тронного зала украшены изображениями двух лежащих грифонов — мифологических животных, полуорлов-полульвов. Фрески на стенах женской половины дворца привлекают внимание изображением синих дельфинов, плывущих в обществе разноцветных рыб. В одном из помещений дворца, на стене, изображена такая сцена: вокруг святилища собрались люди, среди которых — придворные дамы в нарядных платьях и с роскошными прическами. Они как будто заняты непринужденной, видимо, очень увлекательной беседой.

ЭГЕИДА — ЭТО АТЛАНТИДА?

Открытие цивилизации Крита произвело огромное впечатление на все культурное человечество. Еще бы: была найдена колыбель европейской культуры! Но, быть может, жители Крита, культуру которых унаследовали греки, в свою очередь имели наставников? Может быть, не только критская, но и все древнейшие цивилизации восходят к одному общему источнику?

Этот вопрос четко и образно сформулировал русский поэт и ученый Валерий Брюсов:

«Та общность начал, которая лежит в основе разнообразнейших и удаленнейших друг от друга культур „ранней древности": эгейской, египетской, вавилонской, этрусской, яфетидской, древнеиндусской, майской и, может быть, также тихоокеанской и культуры южноамериканских народов, не может быть вполне объяснена заимствованием одних народов у других, взаимными их влияниями и подражаниями. Должно искать в основе всех древнейших культур человечества некоторое единое влияние, которое одно может объяснить замечательные аналогии между ними. Должно искать за пределами „ранней древности" некоторый „икс", еще не ведомый науке культурный мир, который первый дал толчок к развитию всех известных нам цивилизаций. Египтяне, вавилоняне, эгейцы, эллины, римляне были нашими учителями, учителями современной цивилизации. Кто же был их учителями? Кого мы можем назвать ответственным именем „учителя учителей"?»

Брюсов завершает свой вопрос словами: «Традиция отвечает на этот вопрос — Атлантида!».

Атлантида, затонувшая страна, о которой человечеству поведал около 25 веков назад великий греческий философ Платон... Несколько тысяч статей и книг посвящено загадке Атлантиды, и, пожалуй, трудно найти культурного человека, который бы не слыхал об этой исчезнувшей земле.

Можно ли верить сообщению Платона? И если да, то где, в каком месте земного шара следует искать следы атлантов, их высокой цивилизации? На побережье Гвинейского залива и в Сибири, в древнем Египте и в джунглях Амазонки, в песках Сахары и в горах Боливии и Перу, на полуострове Юкатан и в Кавказских горах, на острове Пасха и на острове Шпицберген, а также во многих других странах искали энтузиасты-атлантологи доказательства правоты Платона. И вполне естественным было их желание найти следы цивилизации атлантов после того, как археологи открыли неведомый дотоле мир эгейской культуры.

В 1909 г. в английской газете «Таймс» появилась анонимная заметка «Погибший материк», в которой отождествлялись Атлантида Платона и цивилизация Крита (в то время раскопки на Крите с успехом вел Артур Эванс). А еще через четыре года в «Journal of Hellenic studies», крупнейшем печатном органе археологов и историков античности, появилась статья профессора Дж. Фроста (кстати, он же был автором первой заметки).

Профессор Фрост считал, что такое крупное и страшное событие, как разрушение кносского дворца и гибель всесильных минойцев, послужило Платону источником для создания его Атлантиды, так как описание погибшей страны, данное в платоновском диалоге «Критий», позволяет увидеть в нем разительное сходство с минойским Критом.

Англичанин Бейли в книгах «Морские владыки Крита» и «Жизнь древнего Востока» поддержал профессора Фроста, считая, что Платон, описывая Атлантиду, на самом деле описывал гавань Кносса, кносский дворец и т. д. На фресках Крита можно увидеть сцены из жизни платоновских атлантов, например жертвенное заклание быка.

Значит, Атлантида — это просто-напросто погибшая культура Крита? Многие исследователи считают, что это не так. По их мнению, минойцы, жители Крита, восприняли свою культуру от атлантов, чья затонувшая страна находилась либо в Эгейском море, к югу от Крита (как предполагал ныне покойный президент Всесоюзного географического общества Л. С. Берг), либо же в Атлантике (как предполагают большинство современных атлантологов). Так ли это? Являются ли критяне наследниками культуры Атлантиды?

«До сих пор нет ни одного памятника, ни одной пылинки, которая бы говорила нам о затонувшем материке, — писал в прошлом веке в книге „Атлантида. Мир, существовавший до потопа" Игнатиус Донелли, положивший начало усиленным поискам Атлантиды.— Если бы удалось найти хотя бы одно здание, одну статую, одну-единственную табличку с атлантскими письменами, она поразила бы человечество и была бы ценнее для науки, чем все золото Перу, все памятники Египта, все глиняные книги великих библиотек Двуречья». Со времен Донелли минул почти век, но и по сей день не найдено ни одного памятника культуры Атлантиды. Зато и на самом

Крите, и на других островах Эгейского моря, и на Балканском полуострове обнаружено огромное число археологических свидетельств того, что культура минойского Крита выросла на местной почве и ее расцвет связан с внутренним развитием общества, а не с приходом мудрых учителей — атлантов.

ВЛАДЫКИ МОРЯ

Восемь тысяч лет назад на островах Эгейского архипелага, на Балканах и в Малой Азии обитали охотничьи кочевые племена. Постепенно эти племена начинают оседать, у них появляются зачатки земледелия, а на смену каменным орудиям приходят медные и бронзовые. Начинается разделение первобытной общины на имущих и неимущих: об этом наглядно говорят богатые клады и погребения. Неизбежный результат такого разделения — рождение государства, как это было в Египте, Двуречье, Индии. На острове Крит возникают первые в Европе рабовладельческие государства.

Крит, расположенный на равном расстоянии от Европы, Азии и Африки, занимает прекрасную стратегическую позицию. «Кажется, — пишет Аристотель в своей „Политике", — что остров создан для того, чтобы повелевать Грецией. Его местоположение — одно из самых счастливых: остров господствует над всем морем, по берегам которого расположились греки. Крит отстоит весьма близко от Пелопоннеса в одном направлении и от Малой Азии, поблизости от мыса Триопия и напротив Родоса по другому направлению. Вот почему Минос овладел морским могуществом и завоевал острова, из коих он составил свои колонии».

В Египте и Двуречье шла упорная борьба между конкурирующими городами-государствами, которая кончалась победой сильнейшего. Эта борьба велась и на Крите — победителем оказался город Кносс. И, как в древнем Египте, централизация власти повела к расцвету экономики, созданию иероглифической письменности, монументального искусства, совершенствованию ремесел и искусств.

Египетская, месопотамская и индийская цивилизации — древнейшие в мире — родились в долинах великих рек. Цивилизация Крита, возникшая на острове, естественно, во многом отличалась от них. Главное отличие состояло в том, что государство Крита было великой морской державой.

В глубокой древности началось строительство морских судов, дальние плавания по Эгейскому морю. А во времена расцвета Критской державы флот правителей Кносса не имел себе равных во всем древнем мире! Весельные и парусные корабли, легкие галеры и мощные грузовые суда бороздили волны Средиземного моря. Критяне достигали берегов Египта и Испании, Босфора и Гибралтара, а возможно, даже выходили в Атлантический океан. Критские мореходы и торговцы поддерживали тесные контакты с Египтом (Кефтиу — Крит очень часто упоминается в египетских папирусах) и даже с Двуречьем (на Крите найдены характерные месопотамские печати-цилиндры).

Благодаря мощному флоту правители Крита смогли распространить свое владычество на окружающие страны. Греция и Кикладские острова, часть Сицилии и Сирии платили дань «владыкам моря», как называли критян античные историки. В середине II тысячелетия до н. э. греческие племена ахейцев вторглись в Южную Грецию и покорили Крит. Но затем пришельцы-варвары приняли, как эстафету, культуру поверженных, заложив основу эллинской цивилизации. Культура древнего Крита оказала свое влияние не только на античную культуру, но и на средневековую. Религия древних греков также испытала на себе определенное влияние древней критской религии.

На Центральном и Восточном Крите обнаружены неолитические поселения. Очень древние поселения обнаружены, например, на том месте, где впоследствии возник город Кносс. Найдены и древнейшие орудия — острые, хорошо отполированные каменные топоры и ножи, костяные иглы и шила.

Жилища часто устраивались в скалах, вдалеке от моря.

Это были круглые хижины или дома, сложенные из камня и необожженного кирпича. Крыша делалась из прутьев, которые покрывались глиной. Обычно дома состояли из двух комнат, но на территории Кносса были обнаружены и более сложные сооружения.

Позднее техника строительства значительно усовершенствовалась.

Разнообразной была неолитическая керамика: в эту древнюю эпоху уже применялся обжиг посуды. С большим вкусом подбирались цвета, в которые окрашивалась посуда (ср. название «радужная керамика»). Иногда посуду украшали узоры (например, по светлому полю темные ломаные линии).

К эпохе новокаменного века относятся маленькие статуэтки, изображающие женщин; это — свидетельство матриархата.

Главным занятием ранненеолитического населения была охота. На этой стадии на Крите, очевидно, существовал родо-племенной строй. Большие дома в Кноссе принадлежали нескольким семьям, которые вели общее хозяйство, — такие постройки свидетельствуют о родовом строе.

К более поздней эпохе, а именно ко второй половине III тысячелетия до н. э., относится возникновение эгейской культуры. Раннеэгейский период характеризуется использованием меди. Вначале медь использовалась в основном для украшений; это были кольца, бусы,

заколки. Такие же украшения делались из золота и серебра. Медь очень ценилась, добывали ее с большим трудом. Позднее появляются медные и бронзовые орудия; постепенно для изготовления орудий начинает применяться только бронза.

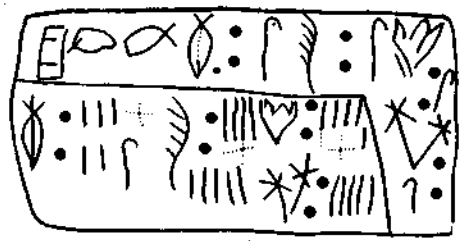
Критская «печать» (Кносс)

Ранняя бронза — такова характеристика древнейших слоев Трои в Малой Азии (2600—2200 гг.), раннеэлладской эпохи в Греции (2600—1900 гг.), раннеминойской — на Крите (2600—2200 гг.) и раннекикладской — на Кикладах.

Критская «печать» (Кносс)

Наиболее полное представление о раннеминойской эпохе на Крите дают раскопки гробниц — ведь древние снабжали покойников всем необходимым для загробной жизни. Гробницы состояли из нескольких помещений. Это были родовые склепы. В склепах ученые нашли медные кинжалы и секиры. Такие же секиры были изображены на стенах Лабиринта; позднее они назывались *лабрис* — слово это, очевидно, идет из Малой Азии и значит «каменный топор». Было обнаружено множество сосудов, весьма искусно окрашенных; находили сосуды, сделанные в виде фигурок людей или животных, были и скульптурные группы, например люди, делающие акробатические упражнения на быке; известны каменные сосуды, в том числе и мраморные.

Интересны критские печати, которые тоже встречаются в гробницах. Они сделаны из камня или из слоновой кости. По форме они круглые, трехгранные, цилиндрические или конические. На них имеются разные изображения — львы, скорпионы, птицы, кошки, обезьяны, сцены охоты, гончары за работой, спорящие женщины, игра в шашки, корабли, плывущие по морю, разнообразные рыбы. Такие рисуночные изображения могут постепенно переходить в иероглифические, письменные. Любая письменность в конечном итоге восходит к рисунку. Из рисунков произошла, например, знаменитая древневосточная клинопись.



Упрощенное иероглифическое письмо Крита (Фест)

Интересна культура Кикладских островов (Наксос, Парос, Мелос и др.). Далеко за пределами островов славились кикладские изделия из камня. Кикладцы делали замечательную каменную посуду — кубки, миски, украшенные орнаментом. Они же изготовляли каменные статуэтки, изображавшие женские божества; иногда каменные фигурки изображают музыкантов.

Расцвет Крита приходится на первую половину II тысячелетия до н. э. (это — среднеминойский период).

По легенде, Минос изгнал с Крита своего брата — царя Сарпедона. Сарпедон был царем ликийцев, якобы переселившихся с Крита на материк; очевидно, часть ликийцев некогда действительно жила на Крите; в ликийских надписях упоминается имя Сарпедон; критские и малоазиатские ликийцы назывались одним именем — термилы. Это предание, видимо, отражает период раздробленности. В XVI в. Минос подчинил себе весь Крит (собственно, Миносов было, видимо, несколько — один сменял другого: имя Минос, подобно имени Цезарь, стало нарицательным, получило значение «царь», «верховный правитель»).

Жители Крита этой эпохи занимались рыболовством и торговлей. Критские изделия находят далеко за пределами острова.

А на самом Крите обнаружены украшения и другие изделия из Египта, Вавилонии, Сирии, Кипра. Культурное влияние Крита на другие районы эгейского мира было огромным, однако и критская культура испытывала определенное воздействие иноземных культур.

Критское государство имело централизованное управление (во дворце было много чиновников; строго учитывались богатства, находившиеся в кладовых дворца). В городах Крита трудились ремесленники, земледельцы и скотоводы, которые отдавали чиновникам царя часть своих изделий. Видимо, губернаторами в отдельных провинциях были родственники царя. На Крите имелась и регулярная армия: например, есть изображение отряда воинов-негров, идущих за своим командиром; в табличках часто перечисляются колесницы, орудия: копья, луки, кинжалы, мечи. Под властью Крита были многие другие территории — Кикладские острова и «сердце Эллады» — Аттика.

У минойцев была своя религия. В горах обнаружены святилища — небольшие здания, в которых совершались религиозные обряды. В святилища приносились дары, чтобы умилостивить богов. В пещерных храмах (святилищах) для возлияний имелись специальные столы с надписями. Такие же надписи имелись на ковшах, в которых, очевидно, находилось жертвенное масло. Судя по всему, там же происходили ритуальные танцы; изображения танцующих имеются на фресках.

Весьма распространен на Крите был культ быка, о чем свидетельствуют его изображения на фресках, а также «священные рога» — над святилищами и в святилищах. Быки приносились и в жертву. Возможно, секира служила вначале как топор для жертвоприношений. Был распространен и культ змеи; видимо, змея считалась добрым домашним божеством.

Критяне, как мы уже говорили, верили в загробную жизнь. Они клали вместе с умершим разные предметы быта — сосуды, орудия, украшения.

Греки-ахейцы, придя с севера, разрушили критские дворцы и дома. Критская культура приходит в упадок. Однако через некоторое время Кносс снова становится центром Крита — теперь уже не минойского, а греческого, ахейского.

Много легенд рассказывали греки о Крите, который был для них островом загадок. Какие исторические события отражены в причудливых греческих легендах о Крите? К какой расе относились народности, населявшие Крит до прихода греков? На каких языках говорили они? Кто создал и кто разрушил великолепный дворец Миноса? Эти и многие другие вопросы ставят перед нами современные науки — археология, история, этнография, мифология.

Ключом к решению этой проблемы являются многочисленные критские надписи: население Крита, обладавшее удивительно высокой культурой, уже в очень древнюю эпоху научилось писать. Многие загадки Крита перестали бы быть загадками, если бы удалось прочесть эти письмена.

При дворце Миноса, который раскопал Эванс, имелись, как мы уже говорили, огромные кладовые; было найдено также множество изделий гончаров, каменотесов, кузнецов. Сложная система дворцового хозяйства требовала тщательного учета. И Эванс верно определил назначение многих сотен найденных им глиняных табличек, покрытых сделанными на скорую руку записями: это были хозяйственные документы. Находили во дворце и печати, но больше всего было этих табличек.

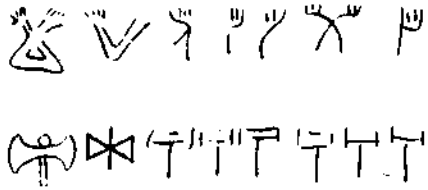
Потом, когда раскопали другие дворцы на Крите и дворцы на греческом материке (в Пилосе и Микенах), предположение о назначении табличек подтвердилось: в некоторых дворцах были найдены такие же таблички; в обычных домах табличек не находили.

Правда, это совсем не означает, что таблички из глины (как правило — в виде пальмового листа или квадратной формы) были основным письменным материалом жителей Крита. Напротив, письмена на глине были лишь «текущими отчетами», таблички сохранялись в течение года, а затем уничтожались.

Очевидно, для ведения огромного хозяйства должны были существовать более солидные и долговечные «гроссбухи». Материалом для них, по всей вероятности, служил папирус или нечто подобное. Но откуда мы можем знать об этом, если ни один папирус древнего Крита не пощадило время? Дело в том, что форма знаков письмен на табличках явно «не приспособлена» к такому материалу, как глина (другое дело — «глиняные книги» Двуречья, сохранившиеся на века с их знаками-клиньями, специально созданными для письма по глине).

Эванс высказал много интересных и верных замечаний о критских письменах. Еще до раскопок дворца Миноса он обнаружил на Крите небольшие предметы, покрытые знаками, не похожими на рисуночные. Видимо, эти знаки происходили от рисуночных, но потеряли свой первоначальный облик. То же можно сказать о знаках на глиняных табличках (эти схематические знаки в их совокупности называются линейным письмом).

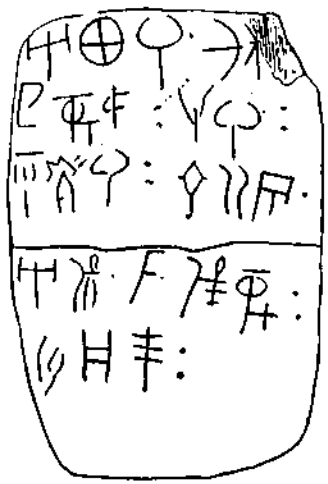
Сэр Артур Эванс на многие годы задержал публикацию глиняных табличек с линейным письмом и тем, несомненно, нанес значительный урон науке. Основная масса табличек была опубликована



Превращение иероглифических письменных знаков в линейные

после смерти Эванса. Существует право первооткрывателя: автор археологической находки имеет право первым ее опубликовать. Эванс злоупотребил этим правом. Когда профессор Иоганнес Сундваль (который несколько лет назад скончался в Финляндии) скопировал в музее на Крите несколько табличек и затем опубликовал свои копии, Эванс был страшно разгневан: в письме одному из авторов настоящей книги Сундваль живо обрисовал гнев Эванса, хотя уже много лет прошло с той поры. Если бы все таблички, которые нашел Эванс, были опубликованы вовремя, они, наверное, были бы уже расшифрованы. Но ведь сэр Артур сам хотел расшифровать линейное письмо!

Надо отдать Эвансу справедливость: он не занимался разного рода фантастическими измышлениями, как это делали во все века и делают поныне некоторые неквалифицированные дешифровщики. Однако он не сумел дешифровать линейное письмо именно потому, что создал неверную теорию и придерживался ее всю жизнь: он считал, что авторами табличек не могли быть греки (и действительно, та часть табличек, которая записана линейным письмом А, несколько отличающимся по набору знаков и оформлению надписей от линейного Б, написана не по-гречески; однако все таблички линейного Б — а их великое множество — греческие),



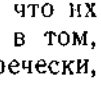
Табличка с линейным А из Айа-Триады (Крит)

ПЕРВЫЕ ШАГИ ДЕШИФРОВКИ

Можем ли мы предполагать, что Эванс расшифровал бы таблички, если бы он допустил мысль о том, что их авторами были греки? Очевидно, можем. Дело в том, что Эванс правильно прочел несколько слов по-гречески, но потом отказался от своего открытия: как он мог допустить, что язык табличек — греческий! Всякой дешифровке должна предшествовать предварительная работа по определению системы письма и т. д. С этой работой Эванс справился блестяще. Он верно разделил критское письмо на классы, более или менее верно датировал эти классы. Глиняные таблички он разделил соответственно видам письма на классы А и Б (текстов на линейном А — более 300, на линейном Б — в десять раз больше).

Эванс верно определил и назначение ряда знаков линейного письма: большинство знаков, как предположил Эванс и как это подтвердилось впоследствии, передавало слоги типа «согласный+гласный» (причем некоторые знаки передавали слоги, представленные одними гласными: *а, о, у, э, и*). Как же, не зная письма, Эванс мог точно угадать, какая система использовалась в этом письме? Дело в том, что, хотя разных знаков линейного письма было не так уж много — меньше сотни, алфавитным такое письмо быть не могло: букв в алфавите все же меньше (обычно около 30; иногда 40 и больше, но не 100 и даже не 80). Письмо явно было слоговым.

Но какого типа? Есть виды слогового письма, которыми можно записать не только слоги СГ (согласный+ +гласный) или Г (гласный), но и более сложные, например СГС (слоги вроде *кан, тор, мит*) и др. Но если бы перед нами было такое письмо, знаков было бы много больше сотни. Остается предположить, что критяне пользовались слоговым письмом определенного типа (которым, кстати, пользовались в древности и другие народы Средиземноморья), включающим только слоги СГ и Г. (Сразу же оговоримся: как теперь установлено, в линейном письме изредка использовались знаки, означающие слоги более сложного типа, а именно ССГ.)

Эванс определил и другое: он показал, что в линейном письме использовались не только слоговые знаки. Так, он правильно расшифровал систему цифр, которые встречались в записях на глиняных табличках: знак | изображал единицу, знак — означал десяток, ○ — сотню,  — тысячу, такой же знак с точкой внутри — десять тысяч. Комбинации этих знаков могли изображать сколь угодно сложные числа (система эта похожа на систему римских цифр, которыми мы пользуемся и сегодня).

Эванс публиковал критские письмена (главным образом иероглифические) в великолепных изданиях, называвшихся «Scripta Minoa» (т. 1, 1909) и «Palace of Minos» (1935). Его заслуги перед наукой, несомненно, огромны. Поэтому особенно досадно, что этот крупнейший ученый фактически препятствовал работе по дешифровке линейного письма [1].

ВСЕ ПОПЫТКИ НАПРАСНЫ

Но несмотря на скудость языкового материала, ученые различных стран пытались разгадать тайну линейного письма.

В 1931 году С. Гордон пытался прочесть эти письмена, подставляя под знаки баскские чтения, «на тот случай, — как он сам писал, — если эти языки окажутся близкородственными». Позднее привлекались и другие неиндоевропейские языки, с помощью которых дешифровщики хотели прочесть загадочные тексты, но все эти попытки были безуспешны.

Знаменитый чешский ученый, расшифровавший письмена хеттов, Б. Грозный сделал в 1949 году попытку прочитать крито-микенские знаки, сравнивая их со знаками хеттов, шумеров, жителей долины Инда, финикийцев, древних киприотов. Однако к успеху эта попытка не привела, как вообще не приводят к успеху подобные «дешифровки», авторы которых видят в исследуемых надписях смешение знаков из различных письменностей, отдаленных друг от друга как во времени, так и в пространстве. Грозный пытался обнаружить таким образом индоевропейский язык, близкий хеттскому; на деле у него получился странный язык, в котором смешались разнородные элементы, а содержание, вычитанное им из табличек,

[1] Том второй корпуса надписей «Scripta Minoa» был опубликован лишь в 1952 году, уже после смерти Эванса.

было лишено ясного смысла — так оценивают специалисты по дешифровке эту работу Грозного.

Вот что пишет известный знаток линейного Б академик Дж. Чэдуик о «дешифровке» Грозного[1]: «Его метод, если тут вообще можно проследить какой-либо метод, заключался в том, что он сравнивал знаки линейного письма со знаками других систем письма, не только классического кипрского[2], но также египетского, хеттского иероглифического, протоиндийского (письменность долины Инда), клинописного, финикийского и других ранних письменностей. Конечно, найти какое-либо отдаленное сходство между линейным Б и каким-нибудь другим письмом очень легко. Кроме того, некоторые обнаруженные параллели в действительности оказались натяжками. Произвол, царящий в работе Грозного, настолько очевиден, что никто не принимал этой работы всерьез».

В 1953 году в Софии на русском языке была опубликована книга, называвшаяся «Проблемы минойского языка». Ее автор, академик Владимир Георгиев представил свой вариант прочтения глиняных табличек. Он считал, что большинство табличек написано по-гречески (мысль, как это было доказано впоследствии, сама по себе правильная), но в своих чтениях Георгиев допускал большие натяжки. Чэдуик приводит сочетание слов, которое Георгиев прочитал как «великому орлу — бабушке». На самом деле это сочетание читается так: «в месяце кораэфиосе».

И все же, несмотря на неудачи, еще до окончательной дешифровки ученым удалось провести кое-какие предварительные исследования, облегчившие дешифровку линейного Б. Мы уже говорили о важных достижениях Эванса; были опубликованы и другие интересные работы.

В 1943—1950 годах доктор математики Алиса Кобер провела исследование загадочных письмен Микен и Крита под новым углом зрения: составив таблицу из устойчивых сочетаний знаков, она смогла обнаружить окончания мужского и женского рода и некоторые другие грамматические окончания. И хотя Алисе Кобер так и не удалось прочитать с полной уверенностью хотя бы один слог, ее вклад в дешифровку линейного письма значителен.

Как отмечает Чэдуик, Алиса Кобер «первой начала систематическое исследование с целью проникнуть в природу языка, скрытого за барьером письменности». Путь к дешифровке был расчищен работой Алисы Кобер. Пройти по этому пути было суждено другому человеку. Сделал это тридцатилетний Майкл Вентрис, чье имя ныне ставится в один ряд с именем Шампольона. Уже к 1953 году Вентрис дешифровал линейное письмо Б, а через несколько лет, в 1956 году, весь мир облетела трагическая весть: Вентрис погиб в автомобильной катастрофе. Ему было тогда 34 года.

[1] Цитаты приводятся по русскому переводу книги академика Дж. Чэдуика «Дешифровка линейного Б». Полностью книга будет опубликована в сборнике переводных работ «Проблемы дешифровки» (в печати).

[2] Кипрское слоговое письмо действительно родственно критскому.

МАЙКЛ ВЕНТРИС

В книге «Дешифровка линейного Б» академик Чэдуик пишет: «В 1936 году в музее Барлингтон-хауз, в Лондоне, на выставке, посвященной пятнадцатилетию Британской Археологической школы в Афинах, в числе экскурсантов был четырнадцатилетний школьник. Вместе с другими он слушал лекцию седого старца — сэра Артура Эванса, великого археолога, который рассказывал о своем открытии давно забытой цивилизации на греческом острове Крит и о загадочной письменности, которой пользовался легендарный доисторический народ. В этот час и было посеяно семя, которому суждено было потрясти мир своими плодами шестнадцать лет спустя. Мальчика, о котором идет речь, уже тогда глубоко интересовали древние письменности и языки. Когда ему было семь лет, он купил и изучил книгу о египетских иероглифах, написанную на немецком языке. Теперь же он поклялся принять вызов, брошенный недоступным для чтения критским письмом, он начал читать книги о нем и даже переписываться со специалистами. И впоследствии он добился успеха там, где им не повезло. Имя его было Майкл Вентрис».

Майклу легко давались языки. С детства он знал польский: родом из Польши была мать Майкла, красивая одаренная женщина, очень много занимавшаяся воспитанием мальчика. Начальный курс обучения Майкл прошел в Швейцарии, где он овладел немецким и французским языками. Тогда же он научился говорить и на швейцарском диалекте немецкого языка, чем впоследствии снискал особое расположение швейцарских ученых. В средней школе в Лондоне Майкл Вентрис изучил древнегреческий и латинский языки, позднее он обучился новогреческому, итальянскому и шведскому языкам. Некоторые языки он учил «на слух». Так он занимался, например, русским языком: научился говорить, не умея писать. Советский ученый С. Я. Лурье вспоминал, как Вентрис прислал ему письмо,

написанное по-русски, но не русскими, а латинскими буквами (впрочем, может быть, все объясняется тем, что у Вентриса не было машинки с русским шрифтом).

Для овладения очередным языком Вентрису было достаточно нескольких недель.

Интереса к непонятному критскому письму, который пробудил в нем Эванс, Вентрис никогда не терял. Будучи школьником, Вентрис написал статью об этом письме и послал ее в крупнейший американский археологический журнал. Статья была напечатана, однако Вентрису пришлось скрыть от редактора свой возраст: дело происходило в 1940 году, когда Вентрису было восемнадцать лет, а это слишком несолидный возраст для авторов столь серьезного журнала. И все же к своим занятиям критским письмом Вентрис не относился серьезно. Это было для него своего рода хобби. Поэтому после школы Вентрис пошел не в университет, где он мог бы заниматься критским письмом, обучаясь на филологическом факультете, а в архитектурный институт.

Занятия в институте Вентрису пришлось прервать из-за войны. Он записался добровольцем в армию, где прослужил четыре года авиационным штурманом. И здесь он не расставался с копиями критских глиняных табличек, исписанных линейным письмом.

Вернувшись в 1945 году из Германии, где он служил в британских оккупационных войсках, Вентрис с головой окунается в студенческую жизнь. Он участвует в студенческих мероприятиях, чертит интересные архитектурные проекты, которые дают ему право на стипендию (стипендии удостаивались лишь студенты, обладающие выдающимися способностями). Окончив институт, Вентрис быстро приобретает известность в архитектурных кругах. Вскоре ему поручают редактирование научного отдела в крупном архитектурном журнале.

Работу над расшифровкой критского письма Вентрис не прекращает. Он засиживается по вечерам, вновь и вновь просматривая копии надписей, производя подсчеты, составляя таблицы, штудируя специальную литературу. Отчеты о результатах своих работ он размножает на машинке и рассылает свои рабочие заметки ведущим ученым. Какой язык скрывают критские таблички? Не этрусский ли? Эта мысль давно не дает ему покоя — еще в первой, школьной статье Вентрис пытался доказать, что язык табличек — этрусский. Но постепенно

Вентрису становится ясно, что это не так. И вот наконец приходит решение. Решение настолько убедительное, что Вентрис выступает по радио с рассказом о результатах своей работы. Линейное письмо Б расшифровано — язык табличек оказался древнейшим греческим диалектом! Нужно ли говорить, какое потрясающее впечатление произвело сообщение Вентриса на весь ученый мир.

ТРОЙКИ АЛИСЫ КОБЕР

Вернемся, однако, к тем результатам исследования линейного письма, которые получила Алиса Кобер; это их использовал Вентрис при построении своей знаменитой «сетки». Кобер установила, что слова в табличках могли определенным образом изменяться, они обладали окончаниями. Это были окончания разных падежей и чисел (единственного и множественного). Понятно, почему это были в основном окончания имен существительных, а не глаголов: инвентарные списки, какими являлись таблички, представляли перечни различных предметов, животных и т. д.

Вентрис не только уточнил результаты Кобер — он вдохнул в них жизнь. Кобер произвела лишь формальный анализ: она не предлагала чтений каких-либо знаков, хотя и сознавала, что, работая последовательно в указанном ею направлении, исследователи научатся со временем читать глиняные книги. Вентрис первым правильно прочел таблички.

Поясним результаты исследований Кобер и Вентриса таким примером.

Представьте себе, что мы пишем по-русски, пользуясь слоговым письмом. Слова вроде *хо-ро-ша-я, хо-ро-шо, хо-ро-ши-е, хо-ро-ше-го* и другие будут содержать основу *хо-ро*, которая пишется без изменения, и «окончания» ***ша-я, шо, ши-е, ше-го***, которые каждый раз пишутся по-разному (ведь *ша, ши, ше* — это разные слоговые знаки!) [1]. Но вот мы встречаем слово *хо-ро-ше-му*: оно содержит знак

[1] Допустим, слог *хо* изображается в виде ┼, знак *ро* — в виде ▽, знак *ша* — в виде ⊥, а знак *я* — в виде Я (ведь такие буквы, как *я, е, ю*, суть слоговые знаки: *йа, йэ, йу*). В таком случае слово *хорошая* будет записано четырьмя знаками: ┼▽⊥Я.

ше, как и *хо-ро-ше-го*. Тот же знак *ше* содержит *хо-ро-ше-е*[1]. Отсюда мы можем сделать предположение (которое в дальнейшем будет либо подтверждено, либо отвергнуто), что основа нашего слова была не просто *хо-ро*, а *хо-ро-* плюс согласный, который присутствует не только в словах *хо-ро-ше-го, хо-ро-ше-му*, но и в других словах от той же основы — *хо-ро-ша-я, хо-ро-ши-е* и т. д. Иными словами, мы устанавливаем, что знаки *ше, ши, ша, шу* (например, в слове *хо-ро-шу-ю*) обозначают слоги, начинающиеся с одного и того же согласного! Соответственно и окончаниями будут не формы *-ше-го, ши-е* и т. д., а гласные слогов *ше, ши* плюс последние знаки слов, т. е. *-его, -ие*, и т. д. Но если в словах *хо-ро-ша-я, но-ва-я, зо-ло-та-я* одинаков последний знак, то, видимо, слоги *ша, ва, та* содержат один и тот же конечный гласный? Такое предположение весьма вероятно. Результат нашего опыта можно представить в виде таблички:

ша	*ше*	*ши*	*шу*	...
ва				
та				
...				

Правда, в этой табличке знаки уже имеют слоговые обозначения, но ведь эта табличка могла иметь и такой вид:

10	*6*	*17*	*2*	...
5				
24				
...				

Здесь числа условно обозначают какие-то слоги, звучание которых не установлено, но известно, — как это следует из предыдущего, — что в каждой вертикальной строке стоят слоги, оканчивающиеся на один и тот же гласный, а в горизонтальной — слоги, начинающиеся с одного и того же согласного. Если бы нам удалось, учитывая закономерности текста, добавить в табличку новые знаки, скажем

10	*6*	*17*	*2*
5	*31*	*8*	*40*
24	*35*	*1*	*33*,

то соответствующая буквенная запись должна была бы приобрести такой вид:

ша	***ше***	***ши***	***шу***
ва	*ве*	*ви*	*ву*
та	*те*	*ти*	*ту*

(ср. например, *го-ло-ва, го-ло-ве, го-ло-вы* и т. п.).

Чем больше разрасталась бы табличка, тем меньше оставалось бы неясных, неидентифицированных, как говорят ученые, знаков-слогов. Можно представить себе и такую картину: все знаки помещены в табличку, т. е. взаимосвязь между ними установлена. Но какие именно слоги передает каждый знак — неясно. Подставляя в табличку слоги разных языков, можно попробовать прочитать тексты — ведь если язык выбран правильно, мы в конце концов должны правильно определить и звучание слогов, особенно если нам известно, что те или иные слова представляют падежные формы, формы собственных имен и т. д. В нашем случае мы должны будем прийти к выводу, что тексты записаны на русском языке.

[1] Если, скажем, слог *ше* передается в виде V, *ши* — в виде △, а *е* — в виде E, то слово *хорошее* будет записано в виде +▽△E, а *хорошие* — в виде +▽VE. Нетрудно увидеть, что без изменений во всех этих случаях остается «основа» +▽ (*хоро-*).

Вентрис шаг за шагом расширял сетку, начало которой положила Кобер. Работа продвигалась медленно, ибо выявление взаимосвязи знаков оказалось делом крайне трудным. Наконец сетка была готова (правда, не все знаки были помещены на «свои места», но это выявилось позднее). Сетка имела строение, сходное со строением тех таблиц, о которых мы говорили. В верхней части сетки имелись указания на то, в каких грамматических формах и после каких знаков встречаются знаки данной вертикальной графы. Имелась графа и для слогов, состоящих из единичных гласных. Вентрис попробовал подставить в эту сетку этрусский язык — ничего не вышло. Но вот он обращается к греческому языку, называя этот эксперимент «легкомысленным отвлечением от дела...». И эксперимент удается, да как!

Греческие слова обнаруживаются в табличках именно в тех местах и в той грамматической форме, в какой они должны были бы здесь находиться. Вот таблички из Кносса: на многих из них написано одно и то же слово, видимо название города. И действительно, мы читаем: *Ко-но-со*. Так в линейном письме передается греческое название города Кноссос, Кносс. В табличках из Пилоса находим другое слово — *Пу-ро*, т. е. *Пи-ло*, Пилос[1]. Становится ясным, почему в табличках отсутствует столь характерное для греческого окончания именительного падежа *с*: оно просто не писалось. Греки, позаимствовав письмо у местных жителей после своего прихода на Крит, не позаботились об усовершенствовании графики, созданной для записи минойских, но не подходящей для записи греческих слов. Необычайная графическая форма, которую приобретали греческие сло-

[1] Знаком *и* мы передаем не только греческий звук [и], но и звук [у] (который в позднее время произносили как [и] или, вернее, как немецкое *ü* или французское *u*); знаком *р* в микенском письме передавалось как [р], так и [л].

-	a	e	i	o	u
	8	38	28	61	10
p	3	72	39	11	50
t	59	4	37	5	69
d	1	45	7	14	51
k	77	44	67	70	81
q	16	78	21	32	
j	57	46		36	
w	84	75	40	42	
m	80	13	73	15	23
n	6	24	30	52	55
r	60	27	53	8	26
s	31	9	41	12	58
z	17	76		20	

Таблица слоговых знаков линейного Б (по А. Хойбеку)

ва, дала повод скептикам сомневаться в дешифровке Вентриса.

Однако эта же линейная письменность не только искажала язык, но и сохраняла более древний облик греческих слов — именно такой, какой они теоретически должны были иметь в ту эпоху, когда греки пользовались линейным письмом. Это ли не блестящее подтверждение правильности дешифровки!

Какие же особые качества позволили Вентрису достичь того, чего он достиг? Отвечая на этот вопрос, друг и соратник Вентриса Дж. Чэдуик отмечает прежде всего его необыкновенную работоспособность, умение сосредоточиться, предельную точность и аккуратность.

«Но было еще много такого, что трудно описать, — продолжает Чэдуик. — Его мозг работал с поразительной быстротой, так что он успевал всесторонне обдумать предложение и понять все, что оно может дать, чуть ли не раньше, чем собеседник успевал его высказать... Сам он был так хорошо знаком с табличками, что большие куски текста как бы отпечатались у него в мозгу задолго до того, как они были дешифрованы и наполнились значением. Но *простой фотографической памяти еще недостаточно*, — вот тут ему и помогло его образование архитектора. Архитектор видит в здании не просто фасад... он проникает вглубь и различает за внешним видом основные части всего сооружения. Точно так же среди запутанного множества таинственных знаков Вентрис умел различать формы и закономерности, которые выдавали кроющуюся за этим хаосом структуру. Именно этим качеством — способностью видеть порядок в кажущемся беспорядке — отмечены работы всех великих людей».

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ НАУКИ

Благодаря открытию Вентриса появилась и стала быстро развиваться новая наука — микенология. Само название науки показывает, что она призвана изучать крито-микенские надписи, т. е. надписи линейного письма Б, найденные на Крите и на греческом материке.

В апреле 1956 года во Франции в Жифе впервые собрались микенологи из разных стран мира. Известные ученые, приехавшие туда, очень тепло отзываются о Вентрисе как о человеке исключительного личного обаяния и душевного благородства. На присутствующих произвела большое впечатление беглая французская речь Вентриса; *со швейцарцами он говорил на их родном диалекте*, с

греками — по-гречески. Он очень внимательно прислушивался к мнению других, задавал вопросы, касающиеся самой сути того или иного доклада, и сам охотно отвечал на вопросы участников коллоквиума. Всех поражали глубокие познания Вентриса в области греческой филологии, — а ведь по специальности он был архитектор. Будучи темпераментным человеком, Вентрис и на коллоквиуме находил время для смеха и шуток, заражая присутствующих своим весельем. «Яркое сочетание юношеского задора и зрелого ума — такое впечатление выносил каждый от встречи с этим человеком», — вспоминает швейцарский ученый Э. Риш.

В своей книге о Вентрисе Дж. Чэдуик следующими словами открывает главу «Дешифровка и ее критики»: «Однажды днем в мае 1953 года в моей кембриджской квартире зазвонил телефон. Звонил Майкл Вентрис из Лондона. Он был очень возбужден. Вообще-то Вентрис редко терял спокойствие, но этот момент был для него поистине драматичным. Причиной возбуждения Вентриса было письмо профессора Блегена, который вел раскопки в Пилосе. Мы знали, что в 1952 году Блеген нашел много новых табличек, но никому еще не удавалось рассмотреть их внимательно: всю зиму их очищали и приводили в порядок».

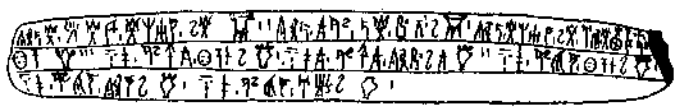
Далее цитируется письмо К. Блегена, в котором сообщалась сенсационная новость. Была найдена табличка с изображениями сосудов на трех ножках или без ножек, с тремя или четырьмя ручками или без ручек. И вот как были записаны слова, обозначающие сосуды:

ти-ри-по (т. е. *трипо-*) — сосуд на трех ножках,

ти-ри-о-ве (*триове-*) — сосуд с тремя ручками,

ке-то-ро-ве (*кетрове-*) — сосуд с четырьмя ручками.

Поскольку язык табличек — греческий, индоевропейский, сразу же становится понятным значение основ, входящих в эти обозначения: *три-* 'три', *трипо-* 'треножник' — греч. *трипус* (из *три-под-с*, где *-с* — окончание именительного падежа); *кетро-* из *кветро-* 'четыре' (наше слово *четыре* содержит тот же корень; особенно показательно здесь сравнение с латинским *кваттуор* 'четыре').



Табличка из Пилоса с изображением треножников и сосудов, подтвердившая правильность дешифровки М. Вентриса

Это было потрясающим доказательством правильности дешифровки, и подавляющее большинство ученых именно так и восприняли это известие.

И действительно, эта табличка окончательно убедила многих, но не всех, как это ни странно. В числе немногочисленных скептиков, сомневавшихся в правильности дешифровки Вентриса, оказался учитель Чэдуика А. Дж. Битти.

ДЕШИФРОВАНО ЛИ ЛИНЕЙНОЕ Б?

Уже в первой статье, посвященной дешифровке линейного письма Б, профессор Битти проявил себя наиболее серьезным и активным противником Вентриса. Почему, спрашивал Битти, система записи, которую предлагает Вентрис, не различает долгих и кратких гласных, звонких, глухих и придыхательных согласных? Ведь эти различения «жизненно важны» для греческого языка, на котором написаны тексты линейного Б!

Вентрис предложил чтение 66 слоговых знаков, продолжал далее Битти, но ведь при подстановке этих чтений возможно множество вариантов понимания получающихся сочетаний звуков. Вот, например, сочетание знаков *а* и *ка* — оно может дать несколько сотен звуковых сочетаний (причем десятки из них могут быть значащими словами): *ака, анка, акан, анкар, арка, аркан* и т. п. (в письме, дешифрованном Вентрисом, конечные согласные слогов не писались).

И все же, отмечал Битти, несмотря на это, значительная часть текстов линейного Б не поддается переводу, не дает осмысленного греческого текста! К тому же язык надписей далек от всех норм греческого языка, известных нам, — в нем, например, в конце слога не обозначаются согласные *н, с, л, р, м* и гласный *и*, слово χαλκος (*халкос*), означающее 'медь', пишется *ка-ко* и т. п.

Наконец, в заключение Битти высказывает сомнение в справедливости «сетки» Вентриса, считая, что она просто-напросто была им придумана, а не доказана. Впрочем, сомнение это было необоснованным: из самих рассуждений маститого филолога-классика следовало, что он совершенно не понимает ни построения «сетки», ни ее назначения. Нашлись у микенологов убедительные ответы и на другие доводы Битти.

Знаки слогового письма, которым написаны тексты, найденные на Кипре, не различают долгих и кратких гласных, звонких, глухих и придыхательных согласных — так же, как и знаки линейного Б. А ведь язык кипрских текстов — тоже греческий! И в этом не сомневается ни один из филологов. Почему же «вольности», допускаемые для греческих текстов Кипра, не разрешаются текстам на греческом языке Крита и Греции?

То же самое можно сказать и о многозначности и непереводимости текстов линейного Б. Тексты Кипра ученые начали читать около ста лет назад, и все-таки до сих пор не удается полностью перевести длинные надписи. Что же можно тогда говорить о понимании текстов линейного Б — ведь между открытием Вентриса, сделанным в 1952 году, и требованиями Битти, выдвинутыми в 1956 году, не прошло и пяти лет!

Кстати сказать, сами тексты содержат возможность проверки вариантов чтений — ведь рядом со многими словами, записанными слоговыми знаками, стоят «немые» знаки — указатели, детерминативы (или идеограммы, передающие это же слово с помощью одного «изобразительного» знака). Ставились они для того, чтобы писцы древней Греции и Крита могли выбирать правильный вариант чтения. Таким образом, при расшифровке эти иероглифические «дубли» могут либо подтверждать, либо опровергать предполагаемое чтение слоговых знаков. И потому, чтобы опровергнуть чтения, предложенные Вентрисом, Битти должен был указать, в каком контексте слоговое чтение знаков не соответствует смыслу «изобразительного» знака-иероглифа.

Вряд ли разумно требовать, чтобы язык линейного Б полностью соответствовал нормам классического греческого языка, сложившимся доброе тысячелетие спустя: язык со временем меняется. К тому же в текстах на глиняных табличках применялась несовершенная система письма — ведь написаны были они не буквенным письмом, а слоговым, в котором многие звуки передавались приблизительно или вообще не передавались, и данные языкознания говорят не в пользу Битти, а в пользу Вентриса: грамматика и лексика текстов линейного Б действительно близка грамматике и лексике древних гомеровских поэм и архаичному ахейскому диалекту.

Слова, прочитанные Вентрисом по-гречески, подтверждаются смыслом стоящих рядом с ними иероглифов-идеограмм. А знаменитый список сосудов, найденный Блегеном, является самым убедительным тому доказательством.

МИКЕНОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Ведущие ученые всех стран, где изучается греческий язык, включая и нашу страну, признали правильность дешифровки линейного Б. Микенология, наука, созданная этой дешифровкой, растет и развивается. Со времени появления совместной статьи Вентриса и Чэдуика, посвященной первым результатам расшифровки, и до конца 1956 года вышло в свет 155 статей и брошюр шестидесяти одного автора из восемнадцати стран. И темпы публикаций за истекшее время не снизились, а возросли. Недаром Беннет счел необходимым основать специальный библиографический ежемесячник под названием «Нестор» — в нем указывается, какие новые работы по микенологии и смежным с нею наукам опубликованы за последнее время. В «Несторе» публикуются и регулярные сообщения о новых раскопках в Эгеиде, о новых находках глиняных табличек.

В разных странах мира созываются регулярные конференции микенологов, издаются специальные журналы по микенологии, выходят большие монографии.

В 1967 году в Риме был созван Первый международный конгресс микенологов, в котором участвовали Чэдуик, Хойбек, Нойман, Брайс (издатель текстов линейного письма А), Т. В. Блаватская, Оливье, Мюленштайн, Массон и многие-многие другие лингвисты, историки, археологи. Сейчас опубликованы материалы этого интересного форума ученых, составившие три объемистых тома. Исследования по микенологии продолжаются.

В нашей стране также публиковались статьи и книги по микенологии. Большой вклад в эту науку внесли Соломон Яковлевич Лурье и Яков Абрамович Ленцман, ныне покойные. Первому принадлежит книга «Язык и культура микенской Греции», второму — «Рабство в микенской Греции». В этих трудах общественные отношения в микенской Греции исследуются на основе све-

дений, содержащихся в глиняных табличках. В настоящее время проблеме микенских текстов посвящены некоторые исследования профессора Н. С. Гринбаума, работающего в Кишиневском университете.

Не только ученым известно о дешифровке Вентриса и о созданной им науке. Во всем мире о письменах на глиняных табличках печатаются статьи в популярных журналах и издаются популярные книги[1]. Книга Чэдуика о Вентрисе («Дешифровка линейного Б») переведена на одиннадцать языков, в том числе на русский. Эту главу мы и закончим словами Чэдуика о Вентрисе — создателе микенологии, человеке, имя которого всегда будет волновать молодые умы: «Из всех известных мне людей Вентрис был более всех убежден, что между учеными должно существовать широкое и открытое сотрудничество... Вентрис так хорошо относился ко всем людям и так доверял им, что даже не представлял себе, что могут существовать ученые, завидующие успехам других».

[1] В популярной форме о дешифровке Вентриса рассказал в своей книге «Заговорившие таблички» С. Я. Лурье. О дешифровке Вентриса говорится и в других популярных (отечественных и переводных) книгах, например в книжке Р. И. Рубинштейн «Разгаданные письмена» или интереснейшей книге Э. Добльхофера «Знаки и чудеса».

ГЛАВА 2

ГРЕЦИЯ ДО ГРЕКОВ

АХЕЙСКАЯ ЭГЕИДА

Эгеида... С древних времен дошла до нас легенда о Тесее, который отправился на Крит, чтобы убить сказочное чудовище — Минотавра — и освободить «мать греческих городов», Афины, от тяжкой дани. Тесей победил Минотавра и поспешил с этой радостной вестью на родину, позабыв сменить свои черные паруса на белые. Для отца Тесея, которого звали Эгей, черный парус был знаком того, что его сын погиб. В отчаянии бросился Эгей в море и утонул — с тех пор и поныне это море зовется в честь отца Тесея Эгейским.

Правда, ученые критически относятся к такому поэтическому толкованию — весьма возможно, что это название восходит к греческому слову *айгос,* что значит 'волна'. А еще более вероятно, что название морю дали не греки, а более древние народы, населявшие Эгеиду много тысячелетий назад.

Множество языков и наречий звучало в древней Эгеиде — родине европейской цивилизации. Множество народов вторглось в ее пределы, и большинство оседало в Эгеиде навеки. Ибо земли, расположенные в бассейне Эгейского моря, — побережье Малой Азии, Греция, Крит, Киклады и другие острова, — с древнейших времен привлекали людей своими поистине сказочными природными условиями, своим центральным положением в древнем мире. Находясь на пересечении торговых путей Малой Азии, Египта, Средиземноморья, Эгеида по сути дела была центром мира древних.

Со школьной скамьи мы знаем о том, что Эгеида —

земля греков. Но «классические» греки появились здесь сравнительно поздно.

Задолго до расцвета классической эллинской культуры на островах Эгеиды и в материковой Греции жил народ, создавший замечательные произведения искусства, воздвигший дворцы и крепости. К середине второго тысячелетия до н. э. относятся таблички линейного письма Б, дешифрованные Вентрисом. Они написаны по-гречески. А это означало, что греки появились в Греции задолго до дорийцев классической эпохи. Предания донесли до нас название этих «первых греков» — их звали ахейцами (или ахеянами). Поэтому цивилизацию Микен, Тиринфа, Пилоса и других древнейших городов принято называть ахейской (есть и другие, менее удачные названия — микенская, раннеэлладская). В XVII—XVI вв. до н. э. начинает возрастать богатство и могущество правителей Микен — тогда еще не города, а укрепленного поселения на холме.

Обособленные мелкие царства возникают не только в Микенах, но и в других городах-крепостях. А единство культуры почти на всей территории Греции говорит о том, что между этими примитивными государствами существовали тесные связи: оживленная торговля шла с островами Эгейского моря и даже с отдаленным Египтом (торговцы пользовались тем самым слоговым письмом ахейцев, которое расшифровал Вентрис).

XV—XIII вв. до н. э. — период высшего расцвета ахейской культуры. Греция покрывается густой сетью деревень, небольших городов и величественных столиц, наиболее крупными из которых были Микены, Тиринф, Пилос, Фивы, неподалеку от Афин (Афины были также построены ахейцами). Города становятся центрами торговли, самых разнообразных ремесел и административного управления. Между отдельными городами-государствами начинается борьба за власть — об этом убедительно говорят мощные стены Тиринфа и других ахейских городов-столиц.

Однако правители ахейских царств вступали не только в борьбу, но и в союз друг с другом, и самыми знаменитыми «совместными делами» был захват острова Крит, разрушение его столицы, города Кносса, и легендарная Троянская война. Опустошение Крита — результат хорошо организованной военной экспедиции, как отмечают археологи, причем участвовали в ней, по всей видимости, не только государства материковой Греции, но и мелкие государства, располагавшиеся на островах Эгейского моря. Разгром Крита, который ранее был полновластным владыкой Средиземного моря, позволил ахейцам начать захват островов Эгеиды, а позже — и «медного острова» Кипр, который был колонизован ими в конце XIII в. до н. э.

Ахейцы стали поселяться не только на островах, но и на восточном берегу Эгейского моря — в Малой Азии. Для сокрушения грозного соперника — Троянского царства — и образовался союз ахейских городов-государств, воспетый в «Илиаде». Победоносная Троянская война была последним крупным деянием ахейцев — археологи датируют его серединой XIII в. до н. э. Прошло около века — и на ахейскую Грецию обрушились племена греков-дорийцев; города-крепости были взяты штурмом и разрушены, живое развитие ахейской культуры прервано.

Прошли века, и варвары-дорийцы, унаследовав от своих предшественников — ахейцев большинство достижений их цивилизации, создали блестящую «классическую» культуру Эллады...

ТАБЛИЧКИ «ПЕСЧАНОГО ПИЛОСА»

Греция — родина буквенного письма. Именно здесь, в древней Элладе, слоговые знаки финикийцев превратились в буквы алфавита. Произошло это, как считает большинство ученых, в IX или VIII в. до н. э. Существовало ли до этого письмо в Греции? Если не алфавитное, то хотя бы слоговое или иероглифическое?

Вплоть до 1939 года ученые были убеждены в том, что в Элладе не было письменных памятников древнее VIII в. до н. э. Не упоминала о письменности и «Илиада», повествующая о славных делах ахеян, предков греков. Правда, философ Платон, положивший начало «атлантологии», в знаменитом диалоге «Тимей» говорил о том, что у предков эллинов существовало письмо, искусство которого было утеряно впоследствии. Однако Платон относил его существование ко времени мифической битвы эллинов и войск атлантов, т. е. к IX тысячелетию до н. э., и эта неправдоподобная дата заставляла ученых не верить словам Платона.

Впрочем, и у других античных авторов можно встретить глухие упоминания о том, что во II тысячелетии до н. э. в Греции существовала письменность. Например, Плутарх в одном из своих сочинений передает древнее предание, согласно которому в могиле матери Геракла,

Алкмены, находившейся в греческой области Беотии, были найдены письмена, похожие на египетские иероглифы. Но свидетельство это, как нетрудно заметить, звучит весьма сомнительно.

Но вот 4 апреля 1939 года греко-американская экспедиция под руководством К. Куруниотиса и К. Блегена начала раскопки «песчаного Пилоса», где, согласно «Илиаде», находилась столица царства мудрого старца Нестора. На холме Эпано-Эглианос, расположенном в 17 *км* к северу от современного города Пилоса, были открыты развалины огромного дворца, резиденции древних правителей Пилоса. Раскопки эти были прерваны с началом второй мировой войны; возобновленные в 1952 году, они продолжаются и по сей день (к счастью для археологов, Пилос раскапывали не дилетанты, и поэтому ученые имеют возможность исследовать неповрежденные руины этого города во всеоружии современной методики).

Владыки Пилоса жили в огромном дворце, который являлся целым архитектурным ансамблем, построенным по единому плану. Главный корпус простирался на 50 *м* в длину и имел более 30 *м* в ширину. Доступ в него шел через пропилеи, минуя которые посетитель попадал во внутренний двор. Этот двор служил местом жертвоприношений; далее, минуя небольшой портик, посетитель попадал в проходной зал, пол и стены которого были украшены росписями (к сожалению, они почти целиком уничтожены огнем пожара, от которого погиб и весь дворец Пилоса — случилось это, по датировке археологов, около 1200 г. до н. э.). Из проходного зала посетитель попадал в центр всего здания — мегарон, в середине которого находился «центр центра» — священный очаг диаметром в 4 *м*; поверхность очага была украшена магическими знаками. Дым очага уходил вверх по глиняным трубам. Направо, против очага, стоял трон правителя Пилоса.

Пол мегарона, расчерченный на прямоугольники, был украшен разноцветным орнаментом, а стены мегарона покрыты великолепными фресками. На стене за царским троном были изображены грифоны и львы — символы власти пилосских правителей. Особенно же интересно изображение в восточном углу мегарона: мужчина, сидящий на скале, играет на пятиструнной лире, большая птица парит перед ним. Не является ли это (как предполагает исследователь Пилоса К. Блеген) отзвуком мифа о чудесном певце и музыканте Орфее, звуками своей лиры заворожившем даже обитателей ада?

Не менее интересными фресками была украшена просторная дворцовая комната, предназначенная для приема гостей. До нас дошли в сохранности изображения мужчины с копьем, собак в ошейниках, своры собак, рвущихся в погоню, а также ряд изображений, смысл которых до сих пор еще не расшифрован учеными.

В служебных помещениях дворца археологов ждали еще более ценные находки: это были глиняные таблички, покрытые неизвестными значками. В скромной боковой комнатке главного дворца, имеющей 18 *кв. м*, было найдено более 300 таких табличек, а в соседней, еще меньшей по площади (16 *кв. м*),— более 600 штук! Открытие этих памятников было величайшей сенсацией. Ведь считалось общеизвестной истиной, что алфавитное письмо появилось в Греции на много столетий позднее, когда эллины переняли систему письма у финикийцев.

Драгоценные таблички сохранились случайно — они уцелели благодаря... пожару, случившемуся во дворце Пилоса. Обгорев, глина стала твердой и превратилась в кирпич; оказывается, пожары могут не только уничтожать, но и сохранять памятники письма (благодаря пожару ученые имеют возможность изучать письмена на глине из библиотеки ассирийского царя Ассурбанипала или критские письмена на глиняных табличках, о которых мы рассказывали выше).

Таблички, найденные в Пилосе, были очень похожи на те, которые находили ранее только на острове Крит. Знаки пилосских табличек совпадали со знаками критского линейного письма.

Итак, начиная с XVI в. до н. э. (таков возраст самых ранних табличек) население Греции пользовалось письмом. Для записей брался самый разнообразный материал. Но чаще всего древние писцы употребляли сырые таблички из глины, как правило, прямоугольной формы, на которые наносили острым инструментом знаки линейного письма.

Американский ученый Эммет Д. Беннет (кстати сказать, именно он ознакомил мир с табличками, найденными Куруниотисом и Блегеном) провел интереснейшее наблюдение над древнейшими греческими «глиняными книгами». Около пятидесяти табличек, исследованных им, оказались написанными шестью различными почерками. А «книги» дворца в Пилосе написаны сорока почерками.

Это говорит о том, что грамотность в древней Элладе не была уделом отдельных избранных: писать умели не только писцы, но и бухгалтеры и торговцы. Археологи обнаружили надписи, сделанные линейным Б на гли-

няных сосудах и печатях, которые ставились на пробках или бирках из глины.

И все-таки можно, наверное, сказать, что только отдельные группы населения пользовались письмом: ведь по сравнению с алфавитом древнейшая письменность Греции очень сложна.

ЗАГАДКА ГОМЕРА

Почему же в «Илиаде», описывающей деяния древнейших греков-ахейцев, ни слова не говорится о том, что герои Троянской войны умели читать и писать? Ведь если не отважный Ахилл, то хитроумный Одиссей наверняка должен был бы владеть искусством письма. Ответ на это поможет дать одна историческая параллель. Русские былины также ни слова не говорят о грамоте, а ведь они повествуют о временах, когда на Руси были широко распространены письмена на бересте. Точно так же о письменах умалчивает и гомеровский эпос. Впрочем, о нем стоит поговорить особо.

Тысячи работ написаны об «Илиаде» и «Одиссее», и все-таки каждый год ученые открывают все новые и новые детали, факты, соответствия. Мы не будем касаться специальных работ литературоведов и филологов-классиков, посвященных анализу гомеровских поэм. Не будем касаться и многовекового спора «унитарнев» и «аналитиков». Первые утверждают, что обе поэмы созданы одним человеком, вторые полагают, что каждая из поэм составлена из многих отдельных песен-былин (отметим лишь, что не так давно в США ритмика «Илиады» была исследована с помощью вычислительной машины — статистический анализ показал, что поэма написана одним автором). Мы рассмотрим только один интересующий нас вопрос: можно ли надеяться, что когда-нибудь археологи сумеют найти текст поэмы или хотя бы фрагмент ее, записанный древнейшими греческими письменами, знаками линейного Б?

Древние эллины записали текст поэм, разумеется алфавитным письмом, в I тысячелетии до н. э. Но язык поэм — и в этом солидарны все исследователи — отличается от греческих диалектов, на которых говорили в то время в Элладе. Почему?

Ряд ученых объясняет это тем, что Гомер пользовался литературным языком, а он, как известно, отличается от разговорного. Но так ли это на самом деле? Ведь литературы в нашем смысле тогда еще не существовало

и, следовательно, не могло быть и особого литературного языка. Быть может, особенность языка поэм объясняется тем, что они имеют более древние источники — сказания, мифы, песни? И если классическая культура Греции уходит своими корнями в культуру Микен и Пилоса, созданную ахейцами (а та в свою очередь в культуру Крита), то, быть может, и гордость античной литературы — поэмы Гомера — также имеют ахейские корни?

Впервые эту гипотезу обосновал филолог С. М. Боура в 1934 году. Он отыскал в «Илиаде» и «Одиссее» слова, которые встречаются лишь в диалекте провинции Аркадия и диалекте греческого языка, на котором говорили жители острова Кипр, и предположил, что все они — и «гомеровский», и аркадский, и кипрский — восходят к одному общему источнику. И этот источник — язык ахейцев, создателей культуры «песчаного Пилоса» и «златообильных Микен». Доказательства в пользу этого предположения Боура отыскал не только в строе языка, но и в самих текстах поэм.

«Устный, изобилующий формулами стиль, подобный стилю „Илиады" и „Одиссеи", может удерживаться столетиями и сохранять в застывших фразах много сведений, которые идут из отдаленного прошлого, — писал он в статье „Гомеровские эпитеты Трои". — Подобно тому как поэмы донесли неожиданные детали микенской цивилизации до тех времен, когда некоторые из них стали почти непонятными, греческий эпос сохранил сведения о Трое и Троянской войне, которые должны восходить к людям, знавшим этот поход на основе личного в нем участия».

Когда же происходила Троянская война? Современные археологи датируют ее XIII в. до н. э. — в это время жили не «классические» греки, дорийцы, а микенские греки — ахейцы: именно они и разрушили Трою. Предметы быта, оружие, украшения ахейцев нередко упоминаются в поэмах: например, кубок мудрого царя Нестора, большой щит, закрывавший воина с головы до ног, шлем, покрытый пластинками из клыков дикого кабана, и т. д.

Расшифровка письмен линейного Б позволила ученым узнать язык ахейцев. В 1956—1957 годах болгарский академик Владимир Георгиев установил соответствие языка поэм Гомера и языка линейного Б. Болгарский лингвист предположил, что разговорный язык ахейцев «представляет собой прототип, основу гомеровского диалекта», который «был в употреблении в микенскую эпоху».

Через год, в 1958 году, друг и соратник Вентриса по дешифровке английский профессор Дж. Чэдуик опубликовал работу, называвшуюся «Микенские элементы в гомеровском диалекте». Чэдуик взял ряд терминов,

встречающихся в табличках ахейцев, и сопоставил их с языком «классических» греков. Оказалось, что в «классическом» языке они встречаются не в живой речи, а лишь в поэтическом языке (подобно тому как и в русской поэтической речи употребляются славянизмы, дошедшие из разговорной речи наших предков — славян).

Хотя линейное письмо Б дешифровано, работа над письменами продолжается. Во-первых, потому, что каждый год приносит новые таблички, которые находят археологи при раскопках поселений ахейской Эллады. Во-вторых, потому, что многое в текстах и по сей день неясно; к тому же мы до сих пор не знаем чтения ряда слоговых знаков линейного Б. В-третьих, словарь и грамматика ахейского языка воссозданы еще не полностью. Совсем недавно, в 1965 году, бельгийский ученый Ж. П. Оливье опубликовал результаты исследования письмен линейного Б с помощью электронной вычислительной машины. Статистической обработке было подвергнуто 10 000 знаков. Было выяснено, как часто встречается тот или иной слог в начале, середине или конце слова, как часто сочетаются различные слоги друг с другом. Быть может, новые работы ученых позволят найти еще больше параллелей между языком гомеровских поэм и языком линейного Б.

Подтверждения в пользу гипотезы об «ахейском адресе» «Илиады» и «Одиссеи» дают и литературоведы. Так, американский ученый Нильссон выпустил книгу «Микенское происхождение греческой мифологии», где высказывает мысль о том, что гомеровскому эпосу предшествовал цикл сказаний, подобный русским былинам о князе Владимире или германским сказаниям о Нибелунгах, и цикл этот возник во времена микенской культуры.

Итальянский ученый Б. Аттизани не так давно опубликовал работу об Одиссее, где доказывает, что образ героя этой поэмы, тонкий и глубоко психологичный, свидетельствует об изысканном и сдержанном вкусе, который характеризует культуру Пилоса и Микен.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ГОМЕРА

Классическая культура Эллады своими корнями уходит в культуру, созданную ахейцами, создателями Микен, Тиринфа, героями Троянского похода.

После того как была открыта блестящая культура острова Крит, которая на несколько десятков столетий была древней ахейской культуры Греции, последнюю стали рассматривать лишь как местный, провинциальный вариант критской культуры. Артур Эванс, открывший великую культуру Крита, прямо писал: «Гомер, собственно говоря, был переводчиком, и иллюстрированное издание его оригинала недавно вышло в свет на Крите и в Микенах; коротко говоря, он обрабатывал более древний минойский эпос».

Если это так, то нужно искать среди письменных памятников, найденных в материковой Греции и на Крите, следы древнего минойского эпоса — «первого издания» гомеровских поэм.

Поэмы Гомера написаны гекзаметром — каково же было удивление исследователей, когда в табличках, найденных в Микенах, отдельные строки зазвучали сходным образом! Неужели удалось найти в текстах линейного Б подлинник Гомера?

Но радость была преждевременной. Во-первых, гекзаметр линейного Б повествовал не о славных делах ахейцев, а о сугубо практических делах. А во-вторых, как отметил в одном из своих докладов лингвист Вячеслав Всеволодович Иванов, «любое стихотворение основано на бессознательном или сознательном накоплении отрезков разговорного языка, уложенных в определенную стихотворную форму (об этом свидетельствуют, между прочим, и высказывания самих поэтов). Но если фраза разговорного языка случайно и совпадет с поэтической строкой, то такое совпадение по большей части не является статистической нормой». А это означает, что совпадение нескольких строк из деловых текстов линейного Б с гомеровским гекзаметром «не дает основания для того, чтобы считать эти таблички непосредственно связанными с гомеровскими текстами, хотя это совпадение и представляет интерес для выяснения степени близости гомеровского текста к разговорному языку микенской эпохи».

Линейное письмо ахейцев было очень несовершенным. Чэдуик сравнивает его с нашей стенографией: человек, делающий запись, легко ее и расшифрует, но, чтобы понять текст другому, нужно знать, хотя бы приблизительно, о чем идет речь. Отсюда Чэдуик делает вывод, что вряд ли лопата археолога когда-нибудь наткнется на библиотеку «глиняных книг» — табличек: ведь «читающая публика» должна была бы заранее знать о примерном содержании «книги»!

Среди текстов линейного Б не удалось найти даже деловых писем, а ведь и в Египте, и в Двуречье, и в

Сирии той эпохи эпистолярный жанр был весьма развит. Однако линейное письмо Б вполне годится для переписки! Чэдуик и Вентрис переписывались друг с другом с помощью знаков линейного Б — на древнегреческом языке.

Вот, например, какое письмо послал Чэдуик своему другу, извещая его о завершении работы над совместной книгой: «Джон Майклу с приветом. Сегодня я передал книгу печатникам. До свиданья! Кембридж, июля 7». По свидетельству Чэдуика, Вентрис говорил, что обычно на чтение табличек он тратил намного больше усилий, чем на чтение этого письма.

Один из крупнейших знатоков древних письмен, советский ученый Игорь Михайлович Дьяконов, пишет: «На часто задаваемый вопрос — будут ли найдены микенские поэтические тексты, предтечи гомеровских поэм, описания Троянской войны? — нужно, по всей вероятности, ответить отрицательно. Вряд ли примитивным микенским письмом можно было записывать литературные тексты — разве только в виде мнемонического средства для устной речи».

В самом деле, до нас дошло несколько тысяч надписей, сделанных линейным письмом Б. И среди них нет ни одной таблички, в которой содержалась бы дипломатическая переписка, законодательный акт, религиозный текст и т. п. Названия храмов, имена богов или жрецов упоминаются в табличках лишь в связи с учетом материальных ценностей, имущества, рабов и т. п. И нет никаких намеков на то, что греки-ахейцы записывали на своих глиняных табличках какие-либо литературные тексты.

ГОМЕР, АРХЕОЛОГИЯ И ТАБЛИЧКИ

Уже первые раскопки Шлимана показали, что в поэмах Гомера заключено историческое зерно. Очень многие описания в эпосе могут быть поняты лишь тогда, когда мы обратимся не к «классической» культуре Эллады, а к ахейской эпохе.

Вот яркий пример этому. Гомер описывает в «Илиаде» странную шапку из войлока, к которой пришиты пластинки из кабаньих клыков. «Классические» греки таких шапок не носили. Но археологи раскопали гробницу, где обнаружено множество осколков кабаньих клыков. И если их надлежащим образом прикрепить к войлочной шапке, мы получим именно тот странный головной убор, который описывал Гомер!

Очевидно, описание шапки передавалось в течение нескольких столетий из поколения в поколение. То же самое можно сказать и об описании кубка мудрого царя Нестора, большого щита, закрывавшего воина с головы до ног, и т. д. Все это — отзвуки ахейской культуры.

Умело комбинируя сообщения гомеровского эпоса, археологические данные и свидетельства глиняных табличек линейного Б, ученым удается восстанавливать ценные черты общественного строя и быта ахейской Греции. Археологи находят широкие обоюдоострые мечи, которыми пользовались на Крите и материковой Греции; эти мечи упоминаются и в табличках линейного Б, причем они называются тем же самым словом, что и в гомеровском эпосе.

Вот другой, еще более поразительный пример соответствия данных археологии, поэм Гомера и табличек. Гомер рассказывает о том, что Одиссей прибыл в Амнис, где была пещера Эйлевтийи, богини деторождения. На побережье Крита, неподалеку от Кносса, археологи нашли древнее святилище в пещере: храм этот действовал в греческую эпоху ахейцев и позднее. А в одной из написанных линейным Б табличек, найденной в Кноссе, была прочтена фраза о приношении сосуда с медом; здесь названо имя Элевтии из Амниса. Элевтия, как было хорошо известно филологам, является вариантом имени Эйлевтийи; название же Амнис звучит совершенно одинаково у Гомера и на глиняной табличке, хотя между глиняными табличками и Гомером лежит значительный разрыв во времени — приблизительно 700 лет.

Зачастую таблички очень определенно говорят о том, что у Гомера уже звучит туманно и неопределенно — ведь не могла же народная память сохранить все детали жизни ахейцев на протяжении столетий! Так, в гомеровском эпосе есть некое таинственное существо — Ифимедейя. В табличках же Ифимедейя — могущественная богиня. Гомер описывает великолепные колесницы богов — таблички же, равно как и находки археологов, говорят о том, что этими колесницами пользовались правители ахейцев. У Гомера колесницы используются лишь как средство передвижения: они привозят воинов на поле брани и увозят их с него. А это — свидетельство того, что в гомеровскую эпоху было забыто

истинное назначение колесниц ахейцев. На самом же деле они использовались как своеобразные «танковые колонны»: отряд из сотни колесниц в тесном строю галопом мчался на неприятеля, сминая и опрокидывая его ряды. Но воспоминание об этом «танковом ударе» все-таки сохранилось и в гомеровском эпосе: мудрый старец Нестор, правитель Пилоса, советует применить подобную тактику, полагая, что о ней забыли молодые герои Троянского похода.

Таблички линейного письма Б дали новые подтверждения историчности гомеровского эпоса. Но они же показывают и весьма значительное несходство (кстати, о подобных расхождениях говорят и раскопки археологов). В табличках сплошь и рядом употребляется слово, обозначающее земельный участок, — у Гомера вообще нет этого слова. Таблички говорят о «лавагетах», царских воеводах, которые, судя по всему, были вторыми лицами после царя в городах-государствах ахейцев. В текстах гомеровских поэм «лавагеты» не встречаются.

Во многих табличках, найденных в Пилосском дворце, в определенном порядке перечисляется девять важнейших поселений. Девять городов пилосского царства перечисляется и у Гомера, но название лишь одного из них совпадает с перечнем табличек! Вот почему совершенно прав Джон Чэдуик, когда он говорит, что ахейские и более поздние наслоения в поэмах Гомера настолько перемешаны, «что героические попытки ученых отделить одно от другого не привели к согласованным результатам», и делает вывод о том, что в силу этого «не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать роли микенского наследия в поэмах Гомера».

В ПОИСКАХ ПЕЛАСГОВ

Могущество микенской Греции было сокрушено в XII в. до н. э. Дорийцы завоевали Элладу: великолепные дворцы были разрушены, искусство письма забыто. Но многие достижения микенской культуры перешли к варварам-дорийцам. И в I тысячелетии до н. э. начинается расцвет «классической» культуры Греции.

До прихода дорийцев в Элладе жили ахейцы, народ, родственный пришельцам, говоривший на сходном языке. Имели ли племена ахейцев своих предшественников? Или они с незапамятных времен населяли Грецию?

На этот вопрос пытались ответить уже сами древние греки. И ответ их был почти единодушен: на территории Эллады жили когда-то более древние народы и племена — лелеги, карийцы, ликийцы и др. Но чаще всего античные авторы называют имя одного племени — пеласгов.

«Отец истории», великий Геродот, сообщает, что Эллада именовалась ранее Пеласгией, т. е. страной пеласгов; что пеласги говорили на варварском (т. е. негреческом!) наречии; что греки позаимствовали у пеласгов даже некоторых богов. Другой знаменитый историк античности, Фукидид (пожалуй, самый надежный автор — современным историкам не удалось пока что ни разу опровергнуть его свидетельств), говорит в первой книге своей «Истории»: «По-видимому, страна, именуемая ныне Элладой, прочно заселена не с давних пор. Раньше происходили в ней переселения, и каждый народ легко покидал свою землю, будучи тесним каким-либо другим, всякий раз более многочисленным народом». Больше того, по словам того же Фукидида, сама страна Эллада «вся, как таковая, не носила еще этого имени... названия ей давали по своим иные племена (не греки), главным образом пеласги».

О пеласгах сообщается и в гомеровских поэмах «Илиаде» и «Одиссее». В первой из них они упоминаются как союзники троянцев; во второй называются среди многочисленных народов, населяющих остров Крит. Говорят о пеласгах и многие другие античные авторы.

Их свидетельства были собраны воедино и тщательно проанализированы в книге «Пеласги», вышедшей в Вене в 1960 году и написанной Ф. Лохнер-Хюттенбахом. Ему удалось убедительно показать, что пеласги обитали на Балканах, в северной части полуострова Пелопоннес (не говоря уже о Центральной Греции), на Крите, в Трое, а также и на других островах Эгейского моря и эгейском побережье Малой Азии.

Кем были пеласги? На каком языке они говорили? И были ли они самым древним населением Греции? Или же, подобно тому как грекам-дорийцам предшествовали греки-ахейцы, негрекам-пеласгам предшествовал другой негреческий народ (или народы)? Ответам на эти вопросы посвящены многие работы ученых Болгарии, Германии, США, Японии, Англии, СССР и других стран мира.

Греки называли пеласгский язык «варварским»; но варварскими для них были все языки мира, кроме родного греческого. Греческий язык образует особую ветвь

в индоевропейской семье языков (наряду со славянской, германской, кельтской, романской и другими ветвями). Был ли пеласгский язык индоевропейским?

Прежде чем решать этот вопрос, нужно ответить на другой, не менее важный: а какие, собственно говоря, имеются у нас сведения об этом пеласгском языке, кроме скудных свидетельств античных авторов? Ведь все памятники письма, найденные в Греции, написаны на греческом языке, будь это тексты слогового линейного Б или древнейшие надписи, выполненные буквенным письмом. Можно ли изучать язык, от которого не осталось никаких следов? Разумеется, нельзя, но следы пеласгского языка все-таки сохранились.

Во-первых, остались они в самом греческом языке, который как бы наслоился на пеласгский язык после того, как племена, говорившие на греческом языке, пришли в Элладу откуда-то с севера, через Балканы (приход этот датируется II тысячелетием до н. э.). В греческом языке, очевидно, должны быть слова, заимствованные греками у пеласгов.

Слова *гиацинт, кипарис, нарцисс* пришли в наш русский язык из греческого. Но они не исконно греческие — в язык эллинов они попали из пеласгского языка. К догреческому слою относятся и слова *лабюринтос* 'лабиринт', *китара* 'кифара', *тюраннос* 'тиран', *басилеус* 'царь'[1] и т. д. Нетрудно заметить, что слова эти — в основном культурные термины. Данные же археологии говорят о том, что еще до прихода греков в Элладе была высокая культура, родственная культуре минойского Крита. Не удивительно, что варвары-греки заимствовали «догреческие» слова вместе с самими элементами культуры, обозначавшимися этими словами.

А во-вторых, следы языка древнейшего населения страны всегда остаются в географических названиях, переживающих века и целые тысячелетия, переживающих народы и языки, на которых они говорили.

Так, названия рек *Дунай, Днепр, Дон, Донец, Днестр* восходят к языку древнейших обитателей степей Причерноморья (по-скифски *дон* означало 'вода', 'река'; кстати, этот корень сохранился в современном осетинском языке, родственном языку скифов). «Непонятные» названия среднерусских рек, такие, как *Цна, Жукона, Смедва,* свидетельствуют о том, что когда-то в глубокой древности до прихода славян в этих местах обитали предки современных литовцев и т. д.

Следы иного, негреческого языка уже давно были обнаружены в географических названиях Эллады. Таковы, например, названия городов *Тиринф, Коринф* и других, имеющие негреческий суффикс *-nth-;* другой, также негреческий суффикс *-ss-* содержат такие названия, как *Парнасс, Кносс* и многие другие.

Еще в прошлом веке было замечено, что названия со сходными суффиксами *-nth-* и *-ss-* в большом числе встречаются в Малой Азии, а также на многих островах Эгеиды.

И еще в прошлом веке немецкий ученый Пауль Кречмер сделал правильный вывод о том, что «догреческий» язык (а значит, и говорившие на нем племена и народы), которому принадлежат эти названия, был распространен по всей Эгеиде, на юге Балкан и в Малой Азии. Кречмер в солидной монографии, вышедшей в 1896 году, доказывал, что древнейшее население Эгеиды говорило на языке, не имеющем ничего общего с греческим и вообще индоевропейской семьей. Индоевропейцы же появились в Эгеиде лишь в конце II или начале I тысячелетия до н. э.

Доводы Кречмера были настолько убедительны, что все крупнейшие лингвисты и историки того времени единодушно приняли теорию о неиндоевропейском населении древнейшей Греции и других стран и островов Эгеиды, пока не были расшифрованы памятники малоазийского письма, которые оказались написанными на индоевропейских языках — на языках особой анатолийской ветви этой семьи.

Не означает ли это, что нужно заново пересмотреть теорию, выдвинутую Кречмером? Целый ряд лингвистов предприняли попытку сделать это. Болгарскому ученому, академику Владимиру Георгиеву, удалось показать, что многие «негреческие» географические названия являются все-таки индоевропейскими, а это означает, что язык пеласгов также был индоевропейским языком! Пеласги не были греками, но говорили они на языке, который, как и греческий, восходит к одному общему языку-предку — индоевропейскому языку-основе.

«В период между 1936 и 1941 годами нам удалось по-новому подойти к исследованию догреческих элементов в греческом языке, — пишет Георгиев. — При анализе слов, географических названий, собственных имен и суффиксов, считавшихся догреческо-неиндоевропейскими, бросается в глаза то, что некоторые из них могли

[1] В греческих текстах более поздней эпохи эти слова записывались так: λαβύρινθος, κιθάρα, τύραννος, βασιλεύς.

бы быть индоевропейского происхождения, т. е. иметь этимологические связи со словами других индоевропейских языков, но они появляются в греческом языке в форме, не соответствующей закономерностям сравнительно-исторической фонетики греческого языка».

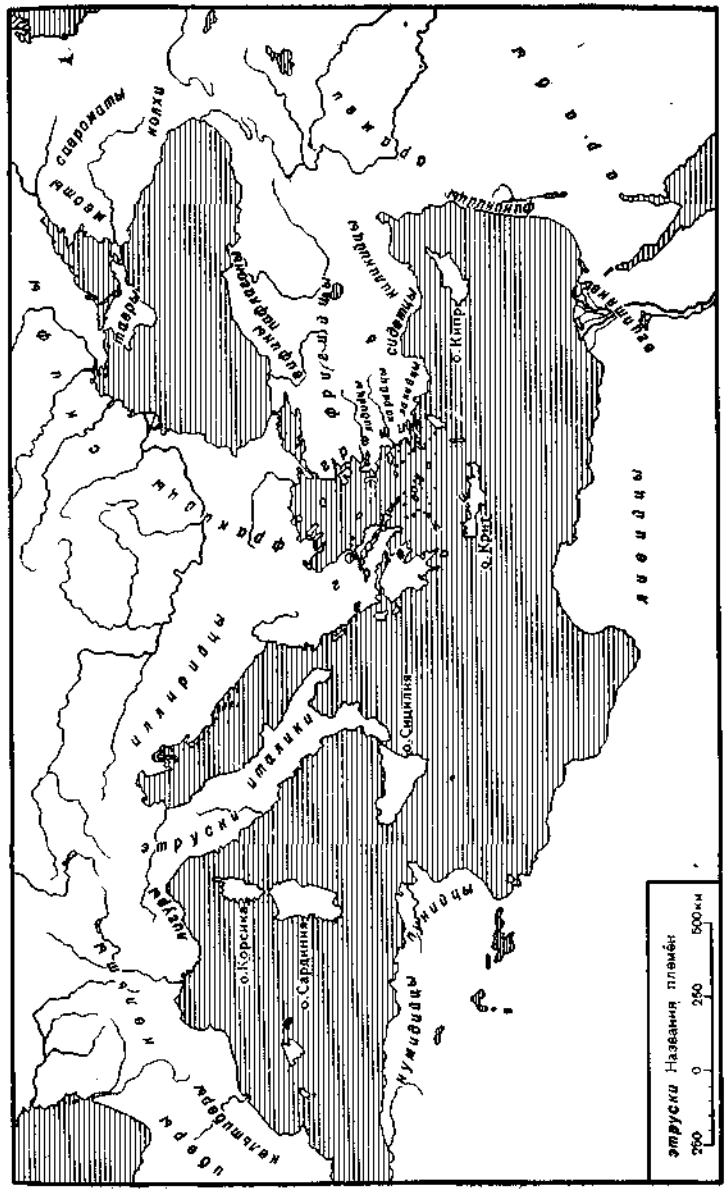
Вот, например, греческое слово πύργος (*пюргос*), которое значит 'крепость' (оно неоднократно встречается в «Илиаде»). Звучит оно почти как немецкое слово *Burg* 'крепость', отсюда и наши Петербург, Шлиссельбург и др. Происхождение немецкого слова *Burg* хорошо известно — оно восходит к древней индоевропейской основе **bhrgh* (со слоговым *r*). А вот греческое *пюргос* нельзя возвести к этой праоснове. Образованное от нее слово должно было бы звучать в греческом *фархос*. Значит, слово *пюргос* не греческое, а догреческое — пеласгское. Греки до своего прихода в Грецию стояли на весьма низкой ступени развития культуры, и слово «крепость» было заимствовано ими из языка пеласгов, имевших высокую культуру и живших в укрепленных городах-крепостях.

И слово это, как показал Вл. Георгиев, восходит к какому-то другому индоевропейскому языку, в котором оно подверглось изменениям по особым «негреческим» звуковым законам. В греческом слоговое *р* индоевропейского языка-основы превращалось в *ар*, а в этом языке — в *ур; бх* языка-основы переходило в греческом в *ф*, а в догреческом — в *б* и т. д.

На основе подобного анализа так называемых доиндоевропейских слов и имен собственных греческого языка была установлена система звуковых соответствий, давшая возможность объяснить как индоевропейское (но не греческое) значительное количество слов (а также собственных имен) из лексики греческого языка, пишет Георгиев в книге «Исследования по сравнительно-историческому языкознанию», изданной в нашей стране в 1958 году. Таким образом, было установлено, что в греческом языке скрывается другой индоевропейский язык, до сих пор неизвестный. Мы не знаем названия этого языка и поэтому называем его условно «догреческим индоевропейским» или «пеласгским».

Проанализировав характерные черты фонетики пеласгского языка, которые ему удалось восстановить, Георгиев пришел к выводу, что «этот особый „догреческий" индоевропейский язык (пеласгский) занимает среднее место между албанским и армянским языками как в географическом отношении, так и по особенностям своего фонетического развития».

Армянский язык, как показывают современные исследования, родствен языку фригийцев, живших в древности на территории Малой Азии. Об этом же говорят



и античные авторы, утверждавшие, что армяне — это фригийские переселенцы. Но из тех же античных источников мы узнаем, что и сами фригийцы были, в свою очередь, переселенцами — в Малую Азию они пришли с Балканского полуострова.

На Балканах фригийцы жили по соседству с другими народами и племенами, чьи языки, как и фригийский, относились к индоевропейской семье языков. От этих племен до нашего времени дошли краткие тексты, а также отдельные слова, географические названия и собственные имена, записанные учеными античности. К таким языкам относится малоизученный (возможно, близкородственный фригийскому) фракийский язык, на котором говорил вождь восставших рабов Спартак; дако-мизийский язык, впоследствии вытесненный на территории Дакии (нынешней Румынии), ставшей римской провинцией, латинским языком. Это — широко распространенный не только на Балканах, но и по всей Центральной Европе иллирийский язык; месапский язык, известный нам по дошедшим тремстам кратким надписям, и венетский язык, который более близок к германским и романским языкам, чем к древним языкам Балкан. До нашего времени «в живых» остался лишь один потомок когда-то, очевидно, широко распространенных иллирийских языков — албанский (естественно, сильно изменившийся за истекшие 20 столетий).

Исследования Вл. Георгиева и других языковедов показали, что язык пеласгов родствен языкам, на которых говорило древнее население Балканского полуострова, — он является как бы самым южным звеном распространения этих языков. В глубокой древности балканские племена заселяли и территорию соседней Греции, близлежащих островов и побережья Малой Азии, но были ли они первыми жителями Эгеиды?

ГЛАВА 3

РАЗНЫЕ СЛЫШАТСЯ ТАМ ЯЗЫКИ

ПРОЧЕСТЬ — МОЖНО, ПОНЯТЬ — НЕЛЬЗЯ!

Дешифровка Вентриса показала, что гомеровские «ахеяне» пользовались линейным письмом Б. Но ведь кроме линейного Б на Крите были найдены и письмена, написанные родственным ему линейным письмом А, и иероглифические надписи. На каком же языке написаны они?

Греки-ахейцы переняли искусство письма у жителей Крита, подданных царя Миноса, — минойцев. И если мы после открытия Вентриса можем читать письмена ахейцев, нам нетрудно прочитать и письмена линейного А, письмена минойцев. Но, увы — прочесть, а не понять!

Представьте, что вы читаете такой текст:

Гудок қичқирди,
Ишга чақирди!
Тур энди, ётма,
Уйқуга ботма!
Тес-тес таёрлан,
Заводга отлан!

Читать-то вы его читаете, но, кроме отдельных слов, понять ничего не можете: он написан русскими буквами, но на узбекском языке (узбеки пользуются алфавитом, созданным на русской основе). Здесь нам нужно знать не систему письма, не чтение знаков, а язык, на котором написаны тексты. Иными словами, нужно не дешифровать, а интерпретировать язык письмен. Поэтому о линейном письме А нельзя сказать, что оно не дешифровано. Знаки его сходны со знаками линейного Б

(точнее — линейные А и Б имеют 55 общих знаков; 5 знаков линейного А не имеют соответствий в линейном Б, а 10 знаков линейного Б — в линейном А). Исходя из этого, мы можем читать почти все тексты, написанные линейным А, не понимая почти ничего (сходная картина наблюдается и с письменами этрусков). Важно, что в линейном Б имеется несколько минойских слов (таких же, как в линейном А; видимо, имена или географические названия). Такие параллели подтверждают вывод о том, что знаки линейного А и линейного Б читались одинаково.

Какой язык скрывают знаки линейного А? Быть может, также греческий? Ведь доказал же Майкл Вентрис то, что казалось вначале и ему самому и всему ученому миру невероятным: тексты линейного Б написаны по-гречески!

Но все попытки читать по-гречески тексты линейного А оказались безуспешными. Греки, осевшие в начале II тысячелетия до н. э. на юге Балкан и на Крите, заимствовали свое письмо у какого-то другого народа. Но у какого? Вот вопрос, ответить на который может только решение загадки языка линейного А, минойского языка.

Быть может, минойский язык все же родствен греческому, как родствен ему язык хеттов, славян, древних германцев? Быть может, он все же относится к индоевропейской семье языков? Впервые эту гипотезу выдвинул Арне Фюрюмарк, прочитавший в год смерти Вентриса тексты линейного А.

Итальянский языковед Э. Перуцци в своей книге «Минойские надписи», вышедшей в 1960 году, назвал минойский язык самым древним из индоевропейских языков, дошедших до нас в письменных памятниках. Перуцци попытался восстановить грамматику линейного А и сопоставил ее с реконструированной грамматикой индоевропейского языка основы. Правда, сопоставления эти оказались очень шаткими.

А если все же принять гипотезу Перуцци, то к какой из многочисленных ветвей индоевропейских языков относится тогда минойский язык, язык линейного А?

Поскольку «греческий ключ» к языку текстов линейного А явно не подходил, было выдвинуто новое предположение. Суть этого предположения сводилась к тому, что минойские тексты написаны на довольно хорошо известном исследователям языке хеттов или на каком-то очень близком к хеттскому языке.

ХЕТТЫ — ЭТО И ЕСТЬ МИНОЙЦЫ?

В 1961 году, спустя год после выхода книги Перуцци «Минойские надписи», трое известных ученых — английский профессор Леонхард Палмер, английский профессор Джон Хаксли и немецкий профессор Альфред Хойбек — независимо друг от друга пришли к выводу, что минойский язык является индоевропейским, родственным языку древних жителей Малой Азии — хеттов и лувийцев.

Название знаменитого Лабиринта царя Миноса связано со словом *лабру*, а оно заимствовано из языка лидийцев, жителей северо-запада Малой Азии. *Лабру* — так называлась двойная секира, изображение которой распространено как на Крите, так и в Малой Азии. В другом малоазийском языке — ликийском — имеется родственное слово *лабра* (первоначально *лавра*), которое значит 'каменная плита'. Слово это, вероятно, восходит к еще более древнему малоазийскому языку, лувийскому, где глагол *лавар-* означает 'ломать'.

Целый ряд особенностей религии Крита, по словам крупнейшего русского историка культуры Р. Виппера, «напоминает известный из позднейших времен малоазиатский культ Великой Богини и ее возлюбленного, к которому, в свою очередь, недавно найдены интересные прецеденты в памятниках хеттов, живших во II тысячелетии до н. э. в Малой Азии; следовательно, критский культ тяготеет также к Ближнему Востоку».

По мнению Дж. Пендлбери, крупнейшего после Артура Эванса специалиста по археологии Крита, «характер языка критян до сих пор определить невозможно, ясно лишь, что он не был греческим... и что в расовом отношении между обоими народами лежит целая пропасть. Все, что мы можем сказать, это что критский язык, всего вероятнее, имеет анатолийское происхождение, возможно, он родствен ликийскому, киликийскому или карийскому, поскольку из этих мест, по-видимому, происходит и само племя».

Факты, говорившие о сходстве культуры Крита и Малой Азии, известны давно. Палмер, Хойбек и Хаксли пытались свести их в систему и доказать, что языки хетто-лувийцев, живших в Малой Азии, — это ключ к минойскому языку. Свои доводы они аргументировали, в частности, ссылками на исследования археолога

Джеймса Мелаарта. Мелаарт продолжил сравнение памятников архитектуры и керамики Малой Азии и Крита, доказывая их родство. Взгляды Мелаарта развивает в своих книгах Палмер.

Получается, что минойские дворцы «новой эры» (начавшейся около 1700 г. до н. э.) в Кноссе, Фесте и Маллии сходны с более древним дворцом в Бейджесултане. Очень сходны также критские и малоазийские гробницы.

По мысли Мелаарта, племена хеттов и лувийцев первоначально жили на Балканах, в районе современной Болгарии, Македонии, Сербии. Примерно 45 веков тому назад они двинулись на юг, разделившись на две волны. (Такое движение могло начаться, например, под давлением других племен или по иным причинам.)

Первая волна покатилась на юго-восток, в Малую Азию. Вторая волна двинулась на юго-запад — на территорию современной Греции и затем на Крит. В Малой Азии хетто-лувийцы основали Хеттское царство и государства Палу и Лувию. Они же создали дворец в Бейджесултане. В Греции и на Крите хетто-лувийцы также основали мощные государства и создали архитектурные шедевры.

Палмер, развивая взгляды Мелаарта, утверждает, что тексты линейного А на Крите написаны на лувийском языке, ибо именно лувийцы населяли всю Грецию с примыкающими островами Эгейского моря в эпоху, которой датируются таблички со знаками линейного письма А.

Американский историк Честер Старр, в общем сочувственно относясь к гипотезе Мелаарта о приходе хетто-лувийцев в Малую Азию с северо-запада, замечает в то же время, что в раннебронзовую эпоху постоянно происходили передвижения племен и далеко не всегда ясно, какие именно племена и в каком направлении передвигались «Нам следует проявить здесь осторожность, — пишет Ч. Старр, — иначе мы поддадимся искушению обращаться с народами и культурами разных эпох как с бильярдными шарами, сталкивая их друг с другом, чтобы привести все в движение».

Казалось бы, несмотря на кое-какие неясности, загадка минойского языка в общем и целом разрешена — хетто-лувийские языки являются ключом к линейному А. Однако не все так просто и убедительно, как кажется вначале.

Видный австрийский археолог Ф. Шахермайр подверг резкой критике работы Палмера, Хойбека и Хаксли. «Новые» дворцы в Кноссе, Фесте и Маллии следуют архитектуре «древних» дворцов и имеют местное, а не малоазийское происхождение. Сходство критских дворцов с анатолийским в Бейджесултане объясняется общностью приемов строительной техники, а не родством народов Малой Азии и Крита. К тому же, замечает Шахермайр, дворец в Бейджесултане вообще построен раньше, чем критские дворцы.

Точно так же были раскритикованы и другие доводы, на основании которых проводились параллели между культурой Крита и Анатолии. Сходство религиозных культов еще не говорит о родстве: ведь и в Двуречье, и в Африке южнее Сахары, и в Южной Индии существовал культ Великой матери, восходящий к древнейшим религиозным представлениям эпохи матриархата. Символ двойной секиры, быть может, и был заимствован жителями Крита у жителей Малой Азии, хотя возможно и обратное заимствование — из Крита в Малую Азию. Но ведь это еще ничего не говорит о том, что и язык минойцев был заимствован из Малой Азии. Ведь употребляем же мы египетские слова *папирус, фараон* и имеем египетские имена *Онуфрий, Паисий, Пахомий*, хотя русский язык не имеет ничего общего с древнеегипетским.

В документах, написанных линейным письмом А, т. е. на минойском языке, не проводится различия между глухими и звонкими согласными (пишутся лишь глухие согласные — *п, к,* и нет аналогичных им звонких — *б, г*); имелся в минойском языке особый согласный, возможно нечто среднее между *д* и *л;* в минойском языке не было двух звуков *р* и *л*, а был один, видимо средний между *р* и *л* (на письме его передают как *р*). Все эти особенности не свойственны хетто-лувийским языкам. Не свойственны они и большинству других индоевропейских языков, например греческому. А это говорит — и

Отредактировал и опубликовал на сайте - PRESSI (HERSON)

весьма убедительно — против индоевропейского происхождения минойцев.

Если бы тексты линейного А были написаны на языке лувийцев, то форма линейных знаков должна была бы иметь сходство со знаками иероглифического лувийского письма (о расшифровке которого мы расскажем в следующих главах). Однако сходство это невелико, зато имеется большое сходство между знаками линейного письма А и древним рисуночным письмом Крита, возраст которого равен четырем тысячам лет. Это означает, что линейное письмо возникло на самом острове, а не было привнесено извне. Наконец, если в древности лувийцы заселяли всю Грецию и Крит, то почему же таблички линейного А (если они лувийские) находят лишь на Крите?

Между хетто-лувийскими языками и минойскими словами в линейном А, как показали Хойбек, Хаксли и Палмер, действительно имеются черты сходства. Но *сходство это очень незначительно: оно распространяется* на некоторые имена и географические названия, но они ведь могут заимствоваться языком. В таком случае трудно говорить о родстве двух языков — нужны другие, более веские доказательства, а их-то как раз и нет. Зато есть самые различные данные, свидетельствующие против гипотезы об индоевропейском характере минойского языка. Дело в том, что знаки линейного А, так же как и линейного Б, передают слоги. Причем это либо слог из одного гласного звука, либо слог вроде *та, то, са, со,* где за согласным следует гласный. Есть только открытые слоги (например, *а, ка, ме, но* и т. д.) — и никогда не встречается слогов закрытых (вроде *ар, кан, мек, ном* и т. д.). Естественно думать, что такая система письма отражает внутреннее строение языка. В языке минойцев были только открытые слоги, он не допускал стечения, стыка двух и более согласных подряд — потому и слоги линейного письма, передающего минойский язык, являются открытыми: Г (гласный), СГ (согласный+гласный) [1].

[1] Видимо, изредка встречались и знаки типа ССГ. В принципе нет ничего удивительного в том, что язык со строгой структурой СГСГСГ (т. е. такой язык, подавляющее большинство слов в котором отличается регулярным следованием согласных и гласных) включает слова со стыками согласных (или гласных). Взять, например, классический язык типа СГСГСГ — японский: в нем встречаются сочетания согласных *нт, мп* и др. (строение этих сочетаний такое: носовой сонант+смычный согласный того же места образования); в разговорной речи встречаются и другие сочетания (тоже «строгого» типа), возникающие благодаря выпадению некоторых гласных (*и* и *у*) между согласными. Что касается знаков типа ССГ, то они восстанавливаются в таком виде на основании свидетельств линейного письма Б, где эти знаки действительно передают звукосочетания типа «два согласных+гласный». Не исключено, однако, что в линейном А здесь имелось обычное сочетание СГ, но согласный С был «сложным», как бы состоящим из двух произносительных компонентов (есть сложные согласные и в русском языке: *ч=т+ш* или *ц=т+с*).

В индоевропейских же языках сплошь и рядом встречаются слова, в которых по соседству располагаются два или более согласных, причем многие слова начинаются с двух или трех согласных. Облик таких слов при передаче их линейным письмом исказился бы до неузнаваемости, особенно если учесть еще и то, что письмо это не в состоянии правильно передавать слова с конечным согласным — такой согласный в линейном письме либо будет отброшен, либо к нему будет приписан добавочный гласный. И действительно, греки, пользовавшиеся линейным письмом Б, вынуждены были сильно искажать графическую форму своих слов: так, имя *Крамбис* приходилось передавать как *Ка-ра-пи,* имя *Тарсус* как *Та-су,* имя *Брахус,* как *Па-ра-ку,* имя *Дамоклевес* как *Да-мо-ке-ре-ве* и т. п. Уже из этих примеров видно, что греки без изменений заимствовали линейное письмо, из-за чего им пришлось звонкие и глухие звуки передавать одними и теми же знаками (глухие согласные) и использовать один и тот же знак для передачи *р* и *л*.

В самое последнее время определенных успехов в изучении минойских текстов добился немецкий ученый Гюнтер Нойман. Он обнаружил в минойском языке названия сосудов, позднее перенесенные хеттами в свой язык. В этих словах за согласным регулярно следовал гласный, т. е., говоря иначе, эти слова действительно имели звуковую структуру СГСГ, СГСГСГ и т. д. Все это очень важно: становится ясно, что графическая форма линейного письма действительно соответствовала особенностям языка и что именно минойцы и были создателями слогового письма.

Какой же язык или семья языков родствен минойскому? Какие языки имеют только открытые слоги и не допускают стечения двух и более согласных? Из живых языков это языки далекой Полинезии: язык гавайцев и самоанцев, жителей острова Пасхи и Новой Зеландии. Почти такую же звуковую структуру имеет и японский.

В ПОИСКАХ РОДСТВА

Японский, полинезийские и минойский! Не слишком ли странно выглядит такое сопоставление? По всей вероятности, сходство звукового состава этих языков чисто внешнее. Уж слишком невероятно предполагать родство японцев и древних критян, минойцев Крита и полинезийцев Океании. И более разумно думать, что язык линейного А не состоит в родстве ни с одним из известных нам языков.

Между Египтом и Критом существовали длительные культурные и торговые связи. Нельзя ли в стране пирамид найти ключ к письменам Крита?

Археологи обнаружили в Египте ученическую доску, на одной стороне которой находился список имен, названных «имена кефтиу», т. е. имена критян. Казалось бы, есть если не ключ, то ценное пособие для расшифровки письмен Крита (ведь собственные имена наверняка имеются на печатях Крита, а возможно, и в других письменных памятниках).

Однако среди «имен кефтиу» нашлись и чисто египетские и семитские. А одно из имен исследователи отождествляют с именем пришельца-филистимлянина, друга Давида, упоминающегося в Библии. (Кстати сказать, Библия утверждает, что родиной воинственных филистимлян был Кафтор, т. е. Крит.)

Возможно, что перспектива изучения минойского языка и не столь уж мрачна; быть может, и у него все-таки отыщутся «родственники». Древнейшие семитские языки (финикийский, древнееврейский и др.), как показывают последние работы филологов, имели когда-то звуковую структуру, близкую к структуре языка линейного А. В них крайне редко допускалось стечение двух и более согласных подряд. Быть может, минойский язык родствен семитским языкам: древнееврейскому, финикийскому, угаритскому, аккадскому (ассиро-вавилонскому)? И древнейшие жители Крита были семитами?

Эту точку зрения отстаивает Морис Поуп в своем исследовании о линейном письме А. Он сравнивает, например, вслед за С. Гордоном употребительное в хозяйственных табличках письма А слово *ку-ро* 'итого', 'всего' с семитским корнем *кл* 'весь' (правда, Перуцци, например, сравнивал его с индоевропейским корнем *гер*, имевшим значение 'собирать'). Минойские обозначения злаков *кунису* и *керау* сходны с обозначениями злаков *кунишу* и *калу* в вавилонской клинописи. Слова *даведа, дакуна* из минойских табличек сравниваются с семитскими именами *Давид, Дагон*. Но это в общем очень мало для доказательства семитского характера минойского языка[1]. С. Гордон считает, что ему удалось обнаружить в минойских текстах чуть ли не все окончания семитских глаголов, существительных, множество семитских слов и т. д.

Гордон нашел семитский язык не только в текстах линейного А, но и в других письменах Эгеиды. Так, например, «этеокипрские» тексты, о которых мы расскажем в главе, посвященной Кипру, были истолкованы им с помощью семитских языков. На семитском языке, по мнению Гордона, написаны и кипро-минойские надписи и ряд других, не поддающихся чтению текстов Восточного Средиземноморья. Казалось бы, в руках исследователей долгожданный ключ к письменам, но очень скоро выяснилось, что «дешифровка» Гордона состоит почти сплошь из натяжек и произвольных допущений. А Морис Поуп, хотя и сам является сторонником семитской гипотезы, камня на камне не оставил от построений своего коллеги.

Большинство исследователей, как мы уже говорили, считают, что минойский язык, язык линейного А, неиндоевропейский. Возможно, однако, что язык этот — не семитский, а «эгейский».

НЕКРОЛОГ МИНОЙСКОЙ БОГИНЕ

Изучая минойское линейное письмо А, ученые столкнулись с ситуацией, в которой находится ныне изучение этрусских текстов: читать мы их можем, а понимать — нет, ибо язык неизвестен. В расшифровке слов этрусского языка всякие попытки привлечь на помощь другие языки не увенчались успехом. Не увенчались успехом

[1] Вот еще некоторые сопоставления Гордона: минойское *кадумане* и финикийское *Кадм, минане* и *Минос*; *дакусене* и хурритское *Даккушени; сукритесейя* и хурритское *Шукритешуйя* и др. Как видим, сам Гордон находит в табличках имена не только семитского происхождения.

пока что они и в дешифровке минойского языка. И все же значение некоторых минойских слов исследователям удалось установить — удалось благодаря комбинаторному анализу, анализу структуры текстов.

По своему характеру большинство минойских текстов, т. е. текстов линейного А, сходно с расшифрованными и переведенными текстами линейного Б — они являются хозяйственными документами, списками, отчетами и т. п. В текстах линейного А многие слова сопровождаются изобразительными знаками — указателями, детерминативами (как и в линейном Б). Это позволяет судить о смысле слова, рядом с которым стоит детерминатив. Если, например, какое-либо минойское слово сопровождается детерминативом «сосуд», это означает, что оно передает название какой-либо жидкости или сыпучего или растопленного вещества и т. д. Облегчают понимание текста и знаки цифр. И все же нетрудно догадаться, что при изучении текстов, написанных на языке, который для нас «звук пустой», легко впасть в заблуждение, ошибиться в истолковании смысла слов и вообще пойти по неправильному пути.

А поэтому необходимо время от времени пересматривать коренным образом даже самые, казалось бы, достоверные и обоснованные истолкования минойских слов — ведь они тоже могут оказаться плодом заблуждения. Такие «ревизии» позволяют избавляться от ошибок; те же слова, которые выдерживают очередную «ревизию», видимо, определены правильно. И, опираясь на них, можно делать новые попытки истолкования других минойских слов, в свою очередь подвергая их последующей проверке и контролю.

Так поступает, например, Морис Поуп. Не так давно он написал специальную статью, озаглавленную «Некролог минойской богине Асассаре». В ней весьма убедительно доказывается, что слова *асассара* в табличках не существует.

А ведь именно это слово сравнивалось с хеттским *исхассарас* 'госпожа', причем минойские формы *асасараме* и *ясасараме* сравнивались с хеттским *исхассарас-ми* 'моя госпожа'. Видимо, слова *асасараме, ясасараме* к хеттскому *исхассарас* никакого отношения не имеют.

Мы можем указать еще на одно, возможно мнимое, соответствие. Перуцци в своей книге «Минойские надписи» сравнивает слова *ятано-, атано-, танано-* с хеттским словом *истанана*, значащим 'алтарь'. Если *я-* и *а-* в минойских словах входят в корень слова, то сравнение оказывается невозможным (иное дело, если эти *я-* и *а-* — приставки).

Что же касается минойского *танано-*, то его можно сравнить с хеттским словом: возможно, хеттское *истанана* читалось *станана*[1], а начальная группа *ст-* в линейном письме писалась *т-*. Но даже если эти слова родственны, это не значит, что родственны языки: речь может идти о культурном влиянии, т. е. о заимствованиях.

ЛИКИЙЦЫ И МИНОЙЦЫ

В милийской стеле, о которой мы расскажем в главе «Малые хетты», есть упоминание о боге Сарпедоне. По-ликийски его имя звучит *Зрппеду*, где через *у* передается особый носовой звук, похожий на *н*, образующий слог (ср. нем. *bilden*, произносимое как *bildn* в разговорной речи).

С Сарпедоном мы встречаемся не только в Малой Азии, но и на Крите. Брат легендарного владыки Лабиринта царя Миноса также носил имя Сарпедон[2]. Древние же легенды утверждают, что Сарпедон правил ликийцами, жившими на острове Крит. Лингвисты отметили также совпадение ликийского и минойского имени *Вадуними* (в ликийском — *Бадуними* с особым начальным звуком, средним между *в* и *б*). Это говорит о том, что между Ликией и Критом существовала связь.

По мнению ряда ученых, родиной ликийцев является остров Крит. Отсюда они переселились на материк, в Малую Азию. Но против этой гипотезы говорят египетские архивы, найденные в Телль-Амарне. В них было обнаружено письмо, возраст которого равен 35 векам, содержащее жалобу на бесчинства народа «лукка», т. е.

[1] Ведь клинописью невозможно было передать слово, начинавшееся с двух согласных, и надо было писать *ишта-* или *сита-*, чтобы передать сочетание *ста-*. Не исключено, впрочем, что в слове *истанана* начальное *и-* передавало «паразитический звук», возникший перед группой согласных (как в узбекском *истакан*, заимствованном из русского *стакан*).

[2] Древние цари и герои с течением времени могут «превращаться» в богов. Так, ликийцы сделали одним из своих богов мифического героя греков Геракла (лик. *Эрикле*).

ликийцев. Жалоба принадлежала царю острова Кипр и адресовалась египетскому фараону. Правитель Кипра сетовал, что лукка наносят ущерб не только Египту, но и Кипру. Очевидно, здесь имеются в виду жители близлежащей анатолийской Ликии, а не Крита, отдаленного и от Кипра и от Египта.

Весьма возможно, что часть ликийцев, так же как и их соседей карийцев, имела поселения на Крите. И у ликийцев и у карийцев был сильный флот, и они нередко пиратствовали в Средиземном море, грабя египетских, финикийских, греческих купцов. Быть может, правители Крита сумели привлечь на свою сторону морских разбойников и они служили в могущественном флоте державы Миноса.

Но, пожалуй, лучше всего объясняет черты сходства ликийского и минойского языков следующая гипотеза. До конца II тысячелетия до н. э. в Малой Азии, на территории Ликии, жили не ликийцы, а колонисты с острова Крит — минойцы. Возможно, что минойцы были даже не колонистами, а последними остатками населения, в глубокой древности заселявшего не только Крит, но и другие острова Эгеиды, Грецию и побережье Азии. В конце II — начале I тысячелетия в северную часть Анатолии с Балкан вторглись фрако-фригийские племена и «сдвинули» хетто-лувийские народы к югу. Тогда-то и появились ликийцы на «своей» территории, в Ликии, наслоившись на прежних обитателей — минойцев.

В самом деле, ликийский, в отличие от других анатолийских языков, имеет общие черты с минойским. Прежде всего — это такой важнейший показатель, как состав звуковых цепей, закономерность чередования гласных и согласных звуков. В минойском, как вы помните, слова строились по схеме СГСГСГ, т. е. после согласного обычно шел гласный звук. И этой схеме чередования подчиняются очень многие ликийские слова. Таковы, например, слова *хасабала, пунамади, эсетеси, зива, мувати* и т. д. Вероятно, язык древнейших обитателей Ликии — минойцев влиял на язык пришельцев — ликийцев.

Влиял — но и только, в основе своей ликийский язык является индоевропейским. Языки этой семьи (как мы уже говорили) допускают стечение нескольких согласных подряд. И эта черта — полностью противоположная структуре минойского языка — также обнаруживается в языке ликийцев.

Мало того, в ликийских текстах мы сплошь и рядом находим слова, включающие (особенно в начальном положении) по нескольку согласных: например, *трххиз* 'бог' (это слово восходит к более древней форме *тархинтс*, ср. хеттское *тархунт* 'бог') или, скажем, *зрббла* 'изображение', очевидно, *из сарбла:* в лидийском языке находим родственное слово *эн-сарб-тат* 'выцарапан (на камне)'. Примеров таких можно привести множество.

Но интересно вот что. Хотя в этих словах больше согласных подряд, чем в родственных им словах других языков, все же именно ликийские слова ближе к регулярному следованию СГСГСГ, чем какие-либо иные. Дело в том, что удвоение согласных на письме говорило о наличии в слове гласных призвуков — довесков, необходимых для «благозвучия». Например, название ликийского города *Пттара*, содержащее на письме два *т* подряд, произносилось не в два слога, а в три: *п^{а}тара*, с «добавочным» гласным между *п* и долгим *т*. В русской речи тоже есть подобные слова: иногда мы говорим *подожди* или *сапоги* так, что от первого гласного почти ничего не остается, но за счет него удлиняется следующий согласный: получается что-то вроде *пддажди* или *сппаги* — совсем как в ликийских словах *пддахнта* (со слоговым *н!*) или *сппартаца*. А в словах *трххиз* или *зрббла* есть еще и слоговое *р* — фактически гласный звук, т. е. звук, образующий слог (ср. наше *театр*: в этом слове три слога, а не два; последний слог — *р*). Итак, слово *трххиз* произносилось в два или в три слога, а не в один; в два или три слога произносилось слово *зрббла* — эти слова, несмотря на свой графический облик (написание), по звучанию соответствовали структуре СГСГСГ, особенно если считать, что Г — это не просто гласный, а слогообразующий элемент.

Ликийское слово *хнтавада* 'предводитель' (которому в лувийском соответствует *хантавада* из *хонта* 'вперед' и *вад-* 'вести') имело соответственно четыре слога (*н* было слоговым), а не три и т. д. И вот мы находим в ликийских текстах слова вроде *сттати* 'ставит' или *сттала* 'стела', 'памятник', где индоевропейская основа *ста-* (наше *ставить, стоять*) преобразована на ликийский лад: произносилось ликийское *стта-*, видимо, как *с^{а}та*, т. е. слова *сттати, сттала* были трехсложными и имели структуру СГСГСГ. Значит, слова, которые никогда не имели гласного между двумя согласными, могли получать его «на ликийской почве».

Так влиял на ликийский язык его субстрат, т. е. тот язык (в данном случае, очевидно, минойский [1] с его характерной структурой СГСГСГ), на который «наслоился» ликийский.

Что же касается ослабления гласных в ликийских словах, то этим ликийский обязан уже совсем иному

[1] Или минойско-хаттский; в ликийском и хаттском гласные корня могли уподобляться гласным окончания (см. стр. 134).

влиянию, но тоже субстратному. Мы вернемся к этому вопросу в разделе, специально посвященном ликийскому языку.

Какой же вывод мы можем пока сделать? Очевидно, такой: между минойским языком, с одной стороны, и ликийским, а также другими хетто-лувийскими языками — с другой, обнаруживается некоторое сходство: имеются общие слова, сходным образом строятся звуковые цепи. Но сходство это незначительное. Оно говорит лишь о том, что когда-то минойцы и хетто-лувийцы (хетты, ликийцы и др.) жили по соседству и даже вперемешку, но и только. Сходство это не может быть доказательством родства между минойским и хетто-лувийскими языками. Как раз наоборот: в общем и целом минойский язык не похож на индоевропейские языки, он очень отличается от индоевропейского своей системой звуков, теми способами, какими эти звуки складываются в слова, и самими этими словами.

ЭГЕЙЦЫ И МИНОЙЦЫ

Минойский язык принадлежит догреческому населению Крита — это единственное, что мы можем достоверно сказать о языке линейного А. Пеласги, предшественники греков, — были ли они минойцами? Судя по всему, нет. Язык пеласгов индоевропейский, а структура минойского языка неиндоевропейская. Широко известный своими остроумными и тонкими высказываниями советский лингвист Л. А. Гиндин показал в монографии «Язык древнейшего населения Балканского полуострова», вышедшей в 1967 году, что пеласгам предшествовал еще более древний народ, говоривший на хетто-лувийском языке. Но ведь и хетто-лувийские языки — индоевропейские; это означает, что их кандидатура также не подходит для минойского языка, имеющего структуру СГСГСГ.

В монографии Гиндина, а также в работах других ученых путем анализа географических названий — этой «истории на плоскости карты» — показывается, что и хетто-лувийцы не были первыми жителями Эллады. Им предшествовал еще более древний — самый древний народ, называемый эгейцами. Говорили эгейцы на языке, который не имеет родства с индоевропейской семьей языков.

Более семидесяти лет назад, в 1896 году, немецкий ученый П. Кречмер высказал предположение, что древнейшие жители Эгеиды говорили на языке, не относящемся к индоевропейским. Болгарский филолог Вл. Георгиев считал пеласгский (индоевропейский!) язык самым древним в Греции и на Крите. Немецкий исследователь А. Хойбек привел доказательства того, что до греков в Греции и на Крите жили хетто-лувийцы. Благодаря исследованию Гиндина удалось совместить эти, казалось бы, несовместимые точки зрения. Удалось это благодаря «расслоению» языковых пластов, которые в течение многих сотен лет накладывались друг на друга в древней Греции.

Древнейшими жителями Греции были эгейцы. Затем здесь появились хетто-лувийцы, после них — пеласги и, наконец, греки-ахейцы. Таким образом, первые жители Эгеиды говорили на неиндоевропейском языке — эгейском. А есть ли у него языки-родственники?

Быть может, древнейшему эгейскому языку родствен хаттский — язык предшественников хеттов? Некоторые относят к эгейским языкам и этрусский. Интересно, что и в минойском языке, и в языке хаттов [1], и в языке этрусков не различаются звонкие и глухие согласные. (Для них звучали бы одинаково слова *дом* и *том, пыл* и *был, гол* и *кол*.) Правда, эта весьма важная черта языка не обязательно должна говорить о языковом родстве. И поэтому, чтобы с уверенностью говорить о родстве языков, необходимо найти сходство и других языковых элементов. Но, к сожалению, наши знания об эгейском языке слишком скудны.

От эгейцев до нас дошло лишь несколько слов, географических названий и имен в греческой передаче — и только. Но, быть может, тексты линейного А как раз и передают эгейский язык? Г. Нойман, Ф. Шахермайр и

[1] Исследования показали, что в хаттской клинописи различалось два типа согласных в положении между гласными: первый тип передавался простыми *-п-, -т-, -к-*, второй — удвоенными *-пп-, -тт-, -кк-*. Именно такое различие двух типов согласных обнаруживается и в хеттских текстах.

другие ученые полагают, что это действительно так: минойский и эгейский языки — одно и то же. Эгейцы, минойцы населяли в древности Крит, Грецию, острова Эгеиды и побережье Малой Азии.

Плохо только вот что: эгейские слова как будто не обладают структурой СГСГСГ; не обладают ею и слова этрусского языка. Можно, конечно, предположить, что со времени минойских текстов произошли изменения в структуре эгейского языка, он потерял многие гласные, находившиеся между согласными, в результате чего возникли скопления согласных. Действительно, греческие передачи эгейских слов и этрусские тексты относятся ко времени гораздо более позднему, чем минойские тексты.

Но весьма возможно, что минойский язык не имеет родственников ни среди индоевропейских, ни среди семитских, ни среди других языков Средиземноморья, включая и тот эгейский язык, остатки которого дошли до нас. Если это действительно так, то вряд ли мы когда-либо сумеем проникнуть в тайну минойского языка: ведь у лингвистов не будет практически никакого материала для сравнения, отыскания сходных слов в других, известных исследователям языках. Тогда нужно будет заниматься подсчетами, структурным анализом текстов, например сравнивать между собой структуру минойских и других предположительно эгейских надписей (при этом мы, однако, должны быть твердо уверены, что минойцы — действительно древнейшее население Крита, что они не пришли «извне», как греки). Но результаты эти будут, конечно, гораздо беднее, чем те, которых добиваются ученые, сопоставляя неизвестный язык с родственными ему известными языками и языковыми семьями. Если же исходить из гипотезы о родстве минойского и эгейского языков с хаттским, то необходимо будет привлечь к рассмотрению и адыго-абхазские языки Кавказа. Дело в том, что выясняющаяся в последние годы грамматическая структура хаттского «являет черты разительного структурного сходства с северо-западными кавказскими языками (абхазо-адыгскими)», — замечает И. М. Дьяконов[1]. А абхазо-адыгским языкам, видимо, родственна другая группа языков Кавказа — нахско-дагестанская. Так расширяется круг языков, возможно связанных древним родством. Эту гипотезу следует тщательно проверить (кавказские элементы в этрусском языке находили и раньше, однако такие элементы не обязательно свидетельствуют о родстве языков: слова кавказского происхождения, заимствования встречаются, например, и в хеттском).

Можно было бы расширить круг предположительно родственных языков: некоторые исследователи связывают с нахско-дагестанскими языками Кавказа вымершие хуррито-урартские языки Передней Азии (хурритский язык относится ко II, урартский — к I тысячелетию до н. э.). С другой стороны, с адыго-абхазскими языками иногда связывают картвельские (т. е. грузинский и некоторые другие языки). Нужно при этом учесть, что картвельские и хуррито-урартские языки связаны древнейшим родством: они относятся к ностратической прасемье языков, к которой относится, судя по всему, и этрусский. Значит ли это, что и минойский, и хаттский, и адыго-абхазские, и нахско-дагестанские языки также относятся к ностратической прасемье языков? Если же хаттский и адыго-абхазские языки к этой прасемье не относятся, то, очевидно, с ними нельзя сравнивать и этрусский; при этом остается открытым вопрос о языковой принадлежности минойского.

[1] Впрочем, в работе «Хаттский язык», опубликованной в 1969 г., проф. А. Камменхубер выступила против гипотезы о родстве хаттского языка с кавказскими.

Будем надеяться, что линейное письмо А рано или поздно удастся не только прочитать, но и понять. Ведь с линейным А связана не только загадка минойского языка, но и решение проблемы происхождения искусства письма на Крите.

КАК ПОЯВИЛОСЬ ПИСЬМО НА КРИТЕ?

Из рисунков возникло иероглифическое письмо, из него — письмо глиняных табличек, сначала линейное А, потом из него развилось линейное Б. Это еще в начале века показал Эванс. Тут, правда, нужно учесть возможность сосуществования определенных видов письма. В 1953 году итальянский ученый Доро Леви нашел в Фестском дворце таблички линейного письма, относящиеся, возможно, к XIX в. до н. э. Если учесть, что иероглифическое письмо существовало вплоть до XVII в. до н. э., станет ясно, что несколько столетий оба вида письма — рисуночное и линейное А — сосуществовали.

Мы вправе думать, что линейное письмо Б создано на основе линейного А. Но и в данном случае мы должны еще учитывать и их сосуществование, хотя в целом таблички линейного Б «моложе», чем таблички линейного А, но все же в течение некоторого времени на Крите употреблялись оба вида письма.

Почему так получилось? Археологи говорят нам, что Кносс и другие древние города Крита подвергались неоднократным нашествиям. Так, в первой половине XII в. до н. э. Крит наводнили полчища греков, стоявших на гораздо более низкой ступени культур-

ного развития, нежели коренные жители Крита — минойцы. Минойцы же и были тем древним народом, который вначале создал иероглифическое письмо, а затем «упростил» его в линейное А. Покорив Крит, греки восприняли многое из минойской культуры (вот почему в гомеровском эпосе часто упоминаются минойцы и имя Минос, ставшее вскоре нарицательным наподобие римского «цезарь»). Переняли греки и линейное письмо, приспособив его к своему языку: так возникло линейное письмо Б. Правда, как мы помним, это простое объяснение долго не приходило ученым в голову, а если приходило, то тут же отбрасывалось как вздорное: считалось, что тексты линейного Б написаны едва ли не на любом языке мира, но только не на греческом! Артур Эванс, предположивший, что знаки линейного письма передают слоги, стоял на правильном пути, когда попытался прочесть — и прочел! — некоторые слова на табличках линейного Б по-гречески. Но он тут же отказался от своих чтений, ибо не мог допустить, что линейным письмом пользовались именно греки, а не какой-то другой народ. Майкл Вентрис, прочитавший письмена линейного Б, сделал это неожиданно для самого себя — настолько крепко сидело в сознании всего ученого мира представление о том, что язык линейного Б — не греческий!

Любопытно, что если линейное А употреблялось не только для хозяйственных записей (есть надписи на металлических изделиях и т. д.), то линейное письмо Б выполняло исключительно хозяйственные функции. Правда, археологи обнаружили несколько надписей на сосудах, сделанных знаками линейного Б. Но и они, очевидно, также были сделаны в хозяйственных целях: подобные надписи на керамических изделиях, как правило, обозначают либо содержимое сосуда, либо имя его владельца.

Итак, сначала иероглифическое письмо, затем линейное. Казалось бы, все просто, не нужно думать о том, откуда произошло критское письмо: оно развилось, так сказать, в местных условиях. Но не все так просто на самом деле.

Во-первых, не исключено, что линейное письмо появилось впервые на материке, а не на Крите. До самого последнего времени считалось общеизвестной истиной, что в Греции были только памятники линейного письма Б, а более древнее письмо А существовало на Крите. И вот совсем недавно археологам удалось обнаружить на материке глиняную табличку, написанную линейным письмом А — первый текст в Греции на минойском языке!

Была ли эта табличка привезена в Грецию с Крита? Или, может быть, в будущем удастся найти новые тексты линейного А в Греции? А быть может, здесь будут обнаружены и памятники иероглифического письма? Тогда нам придется заново пересмотреть вопрос о происхождении письма в Эгеиде. Во всяком случае, находка первой таблички линейного А на материке говорит о том, что всякие категорические выводы о происхождении линейного письма Греции и Крита, да и вообще эгейского письма, пока что преждевременны.

Во-вторых, уже в иероглифическом критском письме имелось примерно 50—75 слоговых знаков, и поэтому сегодня гипотеза о том, что иероглифы Крита — это всего лишь рисунки или в лучшем случае словесные знаки, должна быть отброшена (очевидно, иероглифическое письмо Крита включало как знаки для слов, так и знаки для слогов, точно так же, как хорошо известное египетское иероглифическое письмо или клинопись Двуречья). В доказательство того, что рисунки печатей действительно могли передавать слоги, можно привести печать, включающую знаки, по форме точно соответствующие знакам линейного письма А и Б; они составляют «слово» *я-са-са-ра-ме*.

Правда, некоторые ученые трактуют факт связи между иероглифическим и линейным письмом наоборот: они считают, что линейное письмо было не слоговым, а простой пиктографией, «языком рисунков». Другими словами, они полагают, что письма в собственном смысле этого слова на Крите не было — были лишь мнемонические средства наподобие перуанских узелков «кипу» или наших «узелков для памяти». Это, конечно, не так. В начале 30-х годов французским исследователем Ф. Шапутье была высказана мысль о том, что рисуночные письмена Крита, напротив, были не пиктографией и не иероглифическим письмом (в котором есть слоговые знаки и знаки для корней и слов), а просто орнаментальным шрифтом линейного письма, т. е. слоговым письмом! С его точки зрения, нет критского иероглифического письма и линейного письма — есть лишь курсивная форма и орнаментальная форма одного и того же слогового письма, зафиксированного на разных стадиях своего развития!

Пиктография? Иероглифика? Или слоговое письмо? Каким типом письма написаны древнейшие тексты острова Крит? О том, что иероглифическое письмо Крита не является пиктографической записью, говорит хотя бы тот факт, что из него развилось слоговое письмо — это возможно лишь в том случае, если оно передавало звуковую речь. Утверждение же, что письма в полном

смысле этого слова на Крите не было, ныне выглядит абсурдно — достаточно сослаться на дешифровку Вентриса. Вряд ли правы и те ученые, которые считают иероглифическое письмо Крита слоговым — ведь число различных знаков в нем (около 150) при таком малом объеме текстов говорит о том, что наряду со слоговыми знаками в письменности существовали и знаки для корней слов или целых слов. Очевидно, иероглифическое письмо Крита строится по тем же самым принципам, по которым построены все остальные письмена древнего Востока: клинопись Двуречья, египетская иероглифика, лувийское иероглифическое письмо Анатолии, древнейшее письмо Индостана.

Иероглифическое письмо — это письмо развитое. Значит, оно должно иметь какую-то более раннюю фазу развития либо быть заимствованным от других народов, так сказать, «в готовом виде». По мнению Поупа, стоит предпочесть второй путь: критское иероглифическое письмо родилось и развилось не на Крите, оно было заимствовано критянами, искусными мореходами, от другого народа.

Если это так, нужно искать в окрестностях Крита письмо, знаки которого были бы не только похожи на критские рисуночные знаки, но и по своему возрасту были бы старше их, т. е. имели возраст более чем четыре тысячи лет. По мнению Поупа, прообразом критского рисуночного письма (он называет его эгейским) могло быть древнейшее шумерское письмо, для которого мы действительно знаем все фазы развития, или древнейшее эламское письмо.

Возраст протошумерского и протоэламского письма на добрую тысячу лет старше самых ранних памятников письменности острова Крит. Но уж слишком далеко от царства Миноса до долины Тигра и Евфрата, а тем более до Эламских гор! Критяне совершали дальние морские рейсы, они выходили в воды Атлантики. Однако попасть морским путем в Шумер они могли только через Персидский залив, для этого им пришлось бы огибать всю Африку, а этот подвиг, совершенный тысячелетия спустя финикийцами, при всем мастерстве критских мореходов был им не под силу во II или тем более в III тысячелетии до н. э. Да и сходство между критскими и шумерскими рисуночными знаками невелико.

Гораздо большее сходство существует между знаками острова Крит и египетскими иероглифами. Многие

ученые считают поэтому, что система письма была заимствована критянами у египтян — ведь между Критом и страной пирамид с давних пор существовали древние торговые и культурные связи, а египетское письмо на доброе тысячелетие старше критского. Таким образом, ни история культуры, ни хронология не противоречат этой гипотезе. Некоторые сторонники египетской гипотезы идут еще дальше и считают, что от иероглифов Египта произошли не только знаки рисуночного письма, но и слоговые знаки линейных письмен А и Б острова Крит.

Конечно, это предположение слишком рискованно — линейное А и Б, судя по всем данным, происходит от рисуночной письменности Крита и не имеет сходства с египетскими иероглифами. Сомнителен и «египетский адрес» древнего критского письма. Ведь его рисуночные знаки непосредственно связаны с обычаями и религией минойского Крита, некоторые из них изображают земледельческие орудия, которые употреблялись на острове Крит, а не в Египте, критские, а не египетские суда и т. д. Разумнее все же предполагать, что письмо Крита имеет местное происхождение, оно развилось из пиктографии, «языка рисунков», когда на Крите зародилась высокая цивилизация и появилось государство, существование которого невозможно без письма.

Нельзя обойти молчанием тот факт, что между критским рисуночным письмом и иероглифами Малой Азии, о которых мы рассказывали ранее, существует определенное сходство. Но оно не доказывает анатолийского происхождения письма критян: лувийские иероглифы Анатолии имеют более молодой возраст. Скорей наоборот — письменность в Малой Азии могла появиться под влиянием критян или просто занесена критянами в Анатолию. (Колонии минойцев существовали в Малой Азии.)

Возможно и еще одно, правда также спорное, объяснение сходства критских и лувийских иероглифов: обе эти системы письма развились из одного пиктографического, «рисуночного» источника — ведь, по данным археологии и антропологии, между Эгеидой и Анатолией с древнейших времен существовала связь. У неолитических племен, живших на Крите, Балканах и на побережье Малой Азии, пиктографическая система, «язык рисунков», была одной и той же или очень

сходной, ибо и сами эти племена были родственны друг другу.

Затем, когда на Крите, а позднее и в Малой Азии возникли цивилизация и государство, из единой (или родственной) пиктографической системы развилось иероглифическое письмо.

Приняв эту гипотезу, мы можем объяснить как черты сходства критских и лувийских иероглифов, так и существенные черты различия (имеются же черты различия у родственных, развившихся от одного древнего источника языков). Однако вполне вероятно, что сходство письмен Эгеиды и Анатолии чисто случайное. Ответить окончательно на вопрос о происхождении рисуночного письма острова Крит мы сможем лишь тогда, когда сумеем найти ключ к чтению его знаков.

ПИСЬМЕНА ХРАНЯТ МОЛЧАНИЕ

Более полувека пытаются ученые различных стран проникнуть в тайну критских печатей. Но и по сей день мы можем только строить догадки о значении символов, изображенных на них.

Упомянем еще одну эпиграфическую загадку Крита: так называемое этеокритское письмо. Хетты и лувийцы почитали могущественного бога грозы Тарху. Этого же бога чтили и потомки хеттов и лувийцев — ликийцы и карийцы. В разное время хетто-лувийцы проникали на Крит, где они, наверное, и селились. Придя на Крит, греки усвоили много местных географических названий и собственных имен, явно хетто-лувийских по происхождению. Имя бога Тарху или Тарку также было в ходу на Крите. Поэтому особенно интересно, что в одной из критских надписей, записанной греческими буквами, но не на греческом языке, имеется слово *таркомн*. Это слово вполне могло бы быть позднее хеттским именем, значащим «происходящий от бога Тарху» или «потомок бога Тарху». Значит ли это, что надпись сделана потомком древних хеттов? Это вполне возможно, но не обязательно: ведь имена могут переходить из языка в язык (среди русских имен, например, множество греческих по происхождению).

Немногочисленные критские надписи, сделанные греческими буквами, но едва ли на греческом языке[1], представляют твердый орешек для ученых. Здесь ситуация примерно та же, что и с линейным письмом А: читать надписи можно, но понимать их нельзя. Было высказано много предположений по поводу языка этих надписей. Некоторые ученые упорно отстаивают мнение, что надписи сделаны на языке, родственном древнееврейскому. Но это мнение не находит сколько-нибудь убедительных подтверждений. И здесь, таким образом, перед нами проблема, решать которую придется будущим исследователям. Что же касается вопроса о доисторическом расселении и переселении древних племен, то мы еще вернемся к нему в следующих главах. А сейчас нам предстоит познакомиться еще с одним удивительным островом Средиземного моря.

[1] В последнее время, правда, вновь было высказано предположение, что этеокритские надписи написаны на одном из архаичных греческих диалектов.

ГЛАВА 4

ЗАГАДКИ МЕДНОГО ОСТРОВА

ЗА ВЕКОМ ВЕК

В 1960 году на карте мира появилось новое самостоятельное государство — Республика Кипр. Кончилось восьмидесятидвухлетнее господство англичан, которые в 1878 году арендовали остров у тогдашней Османской империи, а в ноябре 1914 года аннексировали его — как надеялись правители Британской империи — навсегда. Но борьба киприотов за свою независимость, начавшаяся в 1955 году, увенчалась успехом — отныне Кипр свободен, впервые после многих и долгих веков чужеземного гнета.

Свыше трехсот лет (с 1571 по 1878 г.) островом владели турки-османы. До них Кипр подчинялся Венецианской республике, а еще раньше — Византийской империи. С тех времен — и по сей день! — архиепископы кипрские во время церемоний носят скипетр и пурпурную мантию, а все официальные бумаги на Кипре пишутся красными чернилами — также со времен Византии. В VII—X вв. арабы временно «перехватывают» остров у Византии. В эпоху крестовых походов остров был захвачен крестоносцами — и одним из королей его был знаменитый Ричард Львиное Сердце, прославленный не столько своими деяниями, сколько романом Вальтера Скотта.

Власть над Кипром перешла к византийцам «по наследству» от Римской империи. Остров до римского владычества входил в состав огромной державы Александра Македонского и помогал ему, выставив 120 кораблей, в завоевании Египта. После смерти Александра между его преемниками завязалась упорная борьба за право владеть Кипром. Победителем в этой борьбе вышел правитель Египта Птолемей.

Не менее упорная борьба за Кипр шла и до эпохи Александра Македонского. В Берлинском музее хранится посвятительная надпись, высеченная по приказу ассирийского царя Саргона II (около 708 г. до н. э.) в древнем кипрском городе Китионе, где говорится об оккупации Кипра — до нее на острове было семь независимых царств. Для ассирийцев Кипр был очень важным стратегическим пунктом: он обеспечивал безопасность всех западных владений Ассирии — побережья Средиземного моря, простиравшегося от Сирии до северной части Малой Азии.

Ассирийцы хозяйничали на Кипре в течение VIII—VI вв. до н. э. Затем, после разгрома Ассирии, остров ненадолго подпадает под власть египтян. Египетский фараон Априя (589—588 гг.) разбивает флот киприотов и союзников их, финикийцев, а его преемник фараон Амасис захватывает остров в 560 г. до н. э. Цари Кипра становятся вассалами египтян и платят им дань. В 540 г. до н. э. остров захватывает основатель Персидской державы царь Кир-старший.

Первоначально кипрские цари пользовались некоторой свободой — на остров не посылались сатрапы, на Кипре чеканились свои серебряные и медные деньги, киприоты посылали дары знаменитому греческому оракулу в Дельфах, самостоятельно подписывали договоры с иностранными государствами. Но позднее этим свободам приходит конец — царь Дарий включает Кипр в состав своей пятой сатрапии и облагает его огромной данью — 350 талантов в год.

В 500 г. до н. э. греки, жители Ионии, поднимают восстание против персов. Киприоты примыкают к восставшим. Их вождь по имени Онесил объединяет весь остров. Но восстание вскоре было жестоко подавлено персами. Сам Онесил погиб. Знаменитый «отец истории» Геродот говорит, что всего лишь один год киприоты знали радость свободы — в 498 г. до н. э. они вновь попадают в рабство.

В 480 г. до н. э. персидский царь Ксеркс начинает войну против свободолюбивых греков и заставляет Кипр послать на помощь персам 150 кораблей. Киприоты, судя по жалобам на них союзников — персов, делали это явно неохотно. Греко-персидские войны окончились победой греков. Однако по договору Кипр остался под властью персов. Тщетны были все попытки киприотов избавиться от их власти. Господство персов на острове окончилось лишь после разгрома Персидской державы Александром Македонским, а Кипр вошел в состав его великой державы.

ГРЕКИ НА КИПРЕ

Население Кипра в наши дни на 80% состоит из греков и говорит на греческом языке. Говорят по-гречески и многие турки, составляющие остальные 20% населения острова. С Грецией Медный остров связывают несколько тысячелетий культурного обмена; с древней-

ших пор греческие колонисты селились на Кипре, неся с собой свою высокую культуру и замечательное искусство. Уже 25 веков назад на Кипре почитались греческие боги Афродита, Зевс, Афина, Артемида, Гера, Аполлон; Геракл же почитался и как бог и как герой.

Классическая греческая культура распространилась на Кипре в V—IV вв. И по сей день на острове возвышаются великолепные памятники античного искусства. Но, как показали исследования последних лет, первые поселенцы из Греции появились на Медном острове на доброе тысячелетие раньше. Это были воспетые Гомером «славные ахейцы», культура которых легла в основу классической греческой культуры.

Троянская война — это доказали раскопки Генриха Шлимана и его последователей — была реальным историческим событием, а не выдумкой Гомера. Федерация ахейских государств взяла штурмом и разрушила Трою — ключ к северному побережью Малой Азии. В это же время — в середине XIII в. до н. э. — волна греков-ахейцев захлестнула и юг Малой Азии и остров Кипр (кстати сказать, в гомеровских поэмах Кипр упоминается).

Но этой волне колонистов-греков предшествовала еще более ранняя волна переселенцев из Греции! Греки стали селиться на Кипре в середине II тысячелетия до н. э., т. е. 35 веков назад. В ту эпоху ахейцам удалось сокрушить своего грозного соперника — минойскую морскую державу, которая безраздельно господствовала в водах Средиземного моря в течение многих столетий. Греки-ахейцы, подчинявшиеся ранее критским царям, нанесли своим бывшим владыкам сокрушительный удар, захватили Крит и подвергли его разгрому. (Видимо, это событие отражено в легенде о герое Тесее, который убил чудовищного Минотавра и освободил Грецию от власти Крита.)

Мощь критян была подорвана, их флот уничтожен — путь в Средиземное море был открыт! Ахейцы начинают селиться на островах Эгейского моря и на Кипре (даже часть побережья Кипра получает название «Ахейское»).

На Медном острове появляются типично греческие поселения, воздвигаются дворцы и гробницы, подобные величественным сооружениям Микен, Тиринфа и других городов ахейской Греции. Колонизация острова греками проходила, по всей видимости, мирным путем. Местное негреческое население Медного острова начинает перенимать у греков их религию, их искусство, ремесла

и даже язык. Часть киприотов переселяется с острова в близлежащую Сирию, но и туда проникают достижения блестящей ахейской цивилизации.

Однако грекам затем пришлось выдержать упорные бои — не с самими киприотами, а с соседними могущественными державами, которые стремились установить свое владычество над Медным островом. Этими державами были Египетское царство и государство хеттов, владевшее почти всей Малой Азией, Сирией и Палестиной.

Знаменитый египетский фараон-завоеватель Тутмос III захватывает Кипр около 1500 г. до н. э. О Кипре говорят архивы, найденные в древней столице хеттов — городе Хаттусас (возле современной турецкой деревушки Богазкёй). И все же греки, вероятно, благодаря помощи местного населения оказываются победителями в этой борьбе.

Но не только греки селились на Кипре в древнейшие времена. Центр острова — лесистая долина, обрамленная горами. На юге горы полого спускаются к морю, образуют удобные для поселений равнины. Здесь-то три тысячи лет назад появляются колонии финикийцев, энергичных мореходов и торговцев, которые после гибели морской державы Крита становятся лучшими мореходами древнего мира.

Борьба между греками-киприотами и финикийцами окончилась победой первых. Более того, благодаря сильному флоту Кипр устанавливает в IX в. до н. э. господство над самой Финикией. А еще спустя век, как мы уже говорили, независимости киприотов приходит конец — остров подпадает под власть Ассирии.

ВЕЛИКИЙ ЦЕНТР МЕТАЛЛУРГИИ

Итак, со времен Ассирийской державы и вплоть до 1960 г. Кипр переходил из рук в руки, находясь почти все время под властью чужеземных правителей — лишь на короткие промежутки времени удавалось киприотам стать свободными. Что же заставляло великие государства древности и средневековья — Ассирию, Египет, Персию, Рим, Византию, Венецианскую республику, Арабский халифат, Османскую империю и Британскую империю — бороться за владычество над Кипром?

Прежде всего географическое положение острова. Кипр расположен на скрещении путей между Египтом, Критом, Малой Азией, Сирией и Палестиной. Владеть им — значит господствовать над восточной частью Средиземного моря, над морскими путями, связывающими эти страны между собой. Но не только стратегическими соображениями руководствовались захватчики — Кипр с самых древних времен был крупнейшим центром металлургии древнего мира.

Кипр называют «Медный остров» и производят от него латинское наименование меди — *cuprum*. Однако лингвисты установили, что на самом деле слово Кипр восходит к названию растения, а не к латинскому *cuprum*. И тем не менее титул «Медный остров» приложим к Кипру более, чем к какому-либо другому острову мира. На нем действительно имеются богатейшие месторождения меди, разработка которых началась в глубочайшей древности, около пяти тысяч лет назад.

Остров Кипр богат и другими минералами, а на его полях с давних пор пасутся обильные стада (главным образом овец), на острове много виноградников и развито виноделие. Недаром Страбон, живший на рубеже нашей эры, писал о Медном острове: «В отношении плодородия Кипр не уступает никакому острову. Действительно, он богат и вином и оливковым маслом, имеет достаточно хлеба для собственного употребления. На острове находятся богатые медные рудники».

ПИСЬМЕНА МЕДНОГО ОСТРОВА

Мы не случайно так подробно рассказали о различных народах, живших на Кипре или владевших Медным островом. Ведь говорили эти народы на самых различных языках — и какой-то из них скрывается за знаками письмен, неведомых дотоле, которые стали находить на Кипре более ста лет назад, в середине XIX в. Первоначально это были надписи на монетах и медалях; затем в древнем кипрском городе Идалионе была обнаружена сравнительно большая — в 31 строку — надпись на бронзовой пластине.

«Нумизматика и кипрские надписи» — так называлась первая научная статья, посвященная загадочной письменности Медного острова, вышедшая в Париже в 1852 году. Ее автор, археолог-любитель и нумизмат, герцог Лоинь приводил все известные ему кипрские надписи, а также каталог знаков (в текстах Медного острова насчитывалось 56 различных знаков).

Вскоре после выхода статьи герцога Лоиня появилась и первая публикация, содержащая дешифровку таинственного письма и даже перевод надписи на бронзовой пластине из Идалиона!

Немецкий исследователь Рёт сопоставил знаки кипрского письма со знаками финикийского алфавита, отождествил чтения внешне сходных знаков и тут же прочитал текст таблицы из Идалиона — она содержала манифест египетского фараона Яхмоса!

Но «дешифровке» Рёта поверил, кажется, один только герцог Лоинь. Ученые, специалисты по древним письменам, отнесли ее к одному из курьезов науки, а «перевод» надписи из Идалиона явился, по мнению специалистов, просто-напросто «глумлением над всяким человеческим знанием».

В финикийском алфавите 22 знака; в письменности Кипра — 56. Уже одно это сопоставление говорит о том, что древние киприоты и финикийцы пользовались различными системами письма. Из того, что некоторые финикийские и кипрские знаки похожи, вовсе не следует, что и чтения этих знаков совпадают.

Впрочем, в 1872 году стало ясно, что язык кипрских текстов никак не мог быть финикийским, ибо английский консул на Кипре Р. Лэнг обнаружил финикийско-кипрскую билингву — текст на финикийском и «кипрском» языках. Это была посвятительная надпись знатного финикийца Баалрома богу Аполлону, датированная четвертым годом правления Милкьятона, царя Идалиона и Китиона (388 г. до н. э.).

В финикийской части текста дважды встречается слово «царь» — при имени Милкьятона и при названиях городов Идалион и Китион. Поэтому Лэнг совершенно справедливо предположил, что дважды повторяющаяся группа знаков в кипрской части текста также будет обозначать слово «царь». А знаки, стоящие рядом с этим словом, будут обозначать имя царя и названия городов.

Лэнг не определил, однако, ни системы письма, которой написаны кипрские тексты (передает ли знак букву, слог или слово), ни языка, ни конкретных значений отдельных знаков. Все это удалось сделать гениальному английскому ученому-самоучке Джорджу Смиту.

СМИТ НАЧИНАЕТ ДЕШИФРОВКУ

Работу над дешифровкой кипрского письма Джордж Смит начал в том же 1872 году, когда он открыл «Эпос о Гильгамеше». Прежде всего он определил систему письма. 56 знаков — это слишком много для алфавитного, буквенного письма и слишком мало для иероглиф-

фического (в алфавите, как правило, бывает около 30 знаков, в иероглифике — несколько сотен). Значит, кипрское письмо — слоговое. Подтверждалось это и следующим фактом.

Географические названия *Идалион* и *Китион* греческие (как и большинство названий на Кипре). Они состоят из основ, имеющих одинаковое окончание на гласный *-и-*, и суффикса *-он*. Между тем в тексте знаки, передающие основы, не совпадали. А это могло означать, что конечный гласный *-и-* входил в состав разных слоговых знаков: *-ти-* в слове *Китион* и *-ли-* в слове *Идалион*.

Слог *-ли-* имелся и в имени царя Милкьятона, записанного как *Ми-ли-ки-йа-то-не*. Таким образом, Смит получил перекрестное, а значит, и достоверное чтение первого знака кипрского письма: этот знак передавал слог *-ли-*.

Опираясь на этот установленный знак, Смит реконструировал чтения и других слоговых знаков, которые передавали имя царя и названия городов. Кроме того, ему была известна определенная еще Лэнгом группа знаков, встречавшаяся дважды и передававшая слово «царь». Правда, в обоих случаях полностью совпадали не все знаки, а только три первых.

Смит предположил, что в одном случае он имеет дело со словом «царь» в именительном падеже, а в другом — с тем же словом, но стоящим не в именительном, а в родительном падеже. Сделав такое предположение, исследователь тут же задавался вопросом: в каком же языке слово «царь» меняет при склонении предпоследний звук? Ответив на этот вопрос, тем самым можно узнать, какой же язык скрывают слоговые знаки кипрского письма.

Греческий язык был с давних времен распространен на Кипре. И в греческом языке слово «царь», звучащее как *басилеус*, в родительном падеже изменяет предпоследний звук (*басилеос*). Отсюда Смит сделал совершенно правильный вывод, что язык кипрских надписей — греческий. Но что самое любопытное, впоследствии выяснилось, что свой правильный вывод о греческом языке Смит сделал, исходя из неправильной посылки — слово «царь» не стояло в именительном падеже!

Имя царя, греческое название царя — *басилеус (басилей)*, названия двух городов — все это дало Джорджу Смиту чтения 18 кипрских знаков. Опираясь на них, Смит сделал попытку прочитать краткие надписи на медалях Кипра — ведь они, судя по всему, должны были в основном состоять из собственных имен. И действительно, он находит в этих надписях имя Эвагора, знаменитого правителя Кипра, который вел упорную борьбу против персов в начале IV в. до н. э. (его имя и по сей день живет в народных преданиях киприотов), а также ряд других имен.

Правда, не все они были прочтены правильно. Так, например, прочтенное Смитом имя *Пифагор* на самом деле было именем *Филокипр*, имя *Стасиагор* — именем *Стасикипр* и т. д. И все же Смиту удалось верно определить чтение более половины знаков кипрского письма — 33 знака из 56!

Друг и учитель Смита, филолог Семюэль Бэрч самым убедительным образом показал, что только греческий язык может быть языком кипрских надписей — ни египетский, ни древнееврейский, ни финикийский, ни аккадский по своему строю не отвечают закономерностям языка текстов Медного острова.

Нумизмат, ассириолог и блестящий знаток греческого языка, Иоганнес Брандис сумел определить чтения новых знаков письменности Кипра. Брандис первым перешел к чтению длинных текстов, не имеющих билингвы. Ему же мы обязаны находкой союза «и», с помощью которого можно было более четко членить одноязычные надписи. (Союз этот звучал не как обычное греческое *кай*, а *кас* — и знаки, передающие это слово, Брандис сумел найти в кипрских текстах.) Возможно, немецкий ученый довел бы до победного конца дешифровку кипрского письма, но преждевременная смерть оборвала его исследования. Соотечественник Брандиса, немецкий филолог-классик Мориц Шмидт продолжил его работу. Шмидт установил чтение почти всех кипрских знаков и, что не менее важно, определил систему письма более точно, чем это делалось до него.

Кипрское письмо — слоговое. Брандис показал, что в письме киприотов употреблялось лишь два вида слоговых знаков — знаки, передававшие «чистый гласный» (*а, э, и, о, у*), и знаки, передававшие сочетания согласного и гласного звука (например, *та, ти, те, то, ту*), — всего 56 знаков. Таким образом, все знаки кипрского письма передавали открытые слоги (т. е. с исходом на гласный). Приведем начало греческой части финикийско-греческой билингвы из Идалиона для сравнения с греческим буквенным письмом:

и то-и	те-та-ра-то-и	ве-те-и	па-си-ле-во-се	ми-ли-ки-йа-то-но-се
ин тōи	тетартōи	ветеи	басилёвос	милкийатōнос
в	четвертом	году	[когда] царь	Милкьятон...

Наконец, лингвисты Деке и Зигизмунд завершили дешифровку, устранив последние трудности, мешавшие чтению. Впрочем, и по сей день, несмотря на то что мы знаем значение всех знаков, чтение многих текстов Кипра представляет еще достаточно трудностей.

«С ЧУЖОГО ПЛЕЧА»

По-гречески слово «серебро» звучит *аргюрос*. В текстах Кипра оно передается слоговыми знаками *а-ра-ку-ро*. Имя богини Афродиты записывается знаками *А-по-ро-ти-та*. Греческое слово *гар*, имеющее значение «ибо», киприоты записывали как *ка-ре*, имя Стасикратес — как *Са-та-си-ка-ра-те-се*. Как видно из этих примеров, расхождения весьма существенные. Первоначально их объясняли тем, что киприоты говорили на «варварском» диалекте греческого языка.

Но в настоящее время удалось выяснить, что причина расхождений лежит не в языке, а в системе письма киприотов, передающей только открытые слоги. Поэтому, если слово оканчивается на согласную, приходится добавлять какой-либо гласный звук, чтобы сделать слог открытым, например слово *теоис* 'богам' приходится писать как *те-о-и-се*. Стык согласных звуков в начале или середине слова также ликвидируется с помощью вспомогательных гласных, например *Стасикратес = Са-та-си-ка-ра-те-се*.

Больше того, кипрское письмо не различает звонких, глухих и придыхательных согласных. Слоги *да, та* и *тха* греческого языка передаются в слоговом письме одним и тем же знаком *та*, слоги *би, пи* и *пхи* — знаком *пи* и т. д. В греческом языке есть два звука *э* и

два звука *о* (долгие и краткие). В кипрском письме они не различаются. Кроме того, носовые звуки, стоящие перед согласным, вообще не передаются — слово *панта* 'все' записывается кипрскими знаками как *па-та*.

Как видите, изменения звукового облика слов в кипрском письме значительны. К тому же греческий язык киприотов отличается от классического греческого, хотя и не так сильно, как думали первоначально. Не удивительно, что и по сей день не удается с уверенностью истолковать и перевести многие слова кипрских текстов.

ЭТЕОКИПРСКОЕ ПИСЬМО

Чем же объяснить такое несоответствие между системой письма и языком? Почему знаки кипрского письма так сильно деформировали и искажали греческие слова? Ответ может быть одним: первоначально письмо острова Кипр употреблялось для передачи не греческого, а какого-то другого языка, на котором говорило население Медного острова в древности. Буквенное письмо возникло в Греции в IX—VIII вв. до н. э. Колонизацию же Кипра греки начали на много веков ранее. Поселившись на острове, они восприняли там письменность древнего народа, говорившего на совершенно другом языке.

И действительно, уже в 1910 году были открыты первые тексты, записанные кипрскими слоговыми знаками, — так называемым этеокипрским письмом. Эти тексты скрывали какой-то неизвестный язык. Была найдена и небольшая билингва: текст, написанный на греческом и «языке икс». Лингвисты, сопоставляя имена, которые имеются в надписи, пришли к выводу, что чтения знаков, которыми записан текст на неизвестном языке, те же, что и чтения слоговых знаков, передающих греческий язык. По всей видимости, письмо на Кипре использовалось вначале только для этого неизвестного языка, а затем было приспособлено и для греческого. Здесь мы, по сути дела, имеем ту же ситуацию, что и в гораздо более раннюю эпоху на Крите: догреческое линейное письмо А было кое-как приспособлено греками для передачи своего языка (письмо Б), причем в опре-

деленную эпоху негреческое письмо А и греческое письмо Б сосуществовали.

Алфавитное письмо появилось на Кипре довольно поздно — в конце V в. до н. э. Параллельно с ним существовало и слоговое письмо, хотя оно и плохо подходило для передачи греческого языка: как мы уже сказали, им первоначально пользовалось негреческое население Кипра, а оно, видимо, говорило на языке, в структурном отношении сильно отличающемся от греческого (опять-таки сравни минойский и греческий языки). Интересно, что и у этрусков, тоже жителей Средиземноморья, имелось слоговое письмо, не дошедшее до нас; оно, видимо, предшествовало буквенному письму и какое-то время сосуществовало с ним.

Этеокипрским письмом записано не более десятка дошедших до нас текстов, к тому же кратких — этого слишком мало, чтобы дешифровать этеокипрский язык. Вероятно, они примерно того же содержания, что и греческие тексты, записанные слоговыми знаками. Греческие тексты в общем малоинтересны: краткие посвятительные надписи, договоры с лекарями и т. п. Они важны лишь в том отношении, что показывают грецизацию Кипра — преобладание греческого языка уже в начале I тысячелетия до н. э.

Еще более важны в этом смысле этеокипрские тексты: ведь, проникнув в их язык, мы могли бы сказать, какой именно народ обитал на Кипре до греков.

Поскольку этеокипрские тексты можно прочесть (но не понять!), есть возможность сопоставить этеокипрские надписи с надписями на языках соседних народов — этрусков, хетто-лувийцев и др.

ЭТЕОКИПРСКИЙ, ХЕТТСКИЙ И ЭТРУССКИЙ

Немец Борк, болгарин Георгиев, француз Деруа, итальянец Мериджи и другие исследователи неоднократно пытались найти ключ к этеокипрским текстам. Но, несмотря на их усилия, наши знания о древнейшем языке киприотов очень и очень скромны: пока что удалось достоверно установить значение нескольких суффиксов и окончаний и всего-навсего двух-трех слов!

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Текст билингвы, написанной на греческом и этеокипрском языках, содержит только два слова, которые не являются собственными именами. В греческой части надписи — это слова, значащие «этот город»; в этеокипрской — *ана матори*. Очевидно, эти слова по значению совпадают. Следовательно, *ана* — указательное местоимение, *матори* же значит 'город'.

Наконец, лингвистам удалось определить значение нескольких других этеокипрских местоимений, например *ка* 'это', 'то', *та* — другое указательное местоимение и т. д. Сведения, как вы можете убедиться сами, весьма и весьма скудные. И все же даже на таком основании можно попытаться отыскать язык-родственник среди известных языков Средиземноморья и, опираясь на него, продолжить расшифровку этеокипрских текстов. Ведь этеокипрские слова, звучащие как слова языка-родственника, должны, как правило, иметь то же самое значение.

Какой же язык обнаруживает сходство с этеокипрским? По мнению некоторых лингвистов, этим языком является язык древних жителей Малой Азии — хеттов, а также языки, родственные хеттскому, образующие «анатолийскую» ветвь в индоевропейской семье языков.

Не так давно советский этрусколог А. И. Харсекин в докладе, прочитанном на Всесоюзной конференции по классической филологии в сентябре 1966 г. (она состоялась в Киеве), пытался показать, что не только анатолийские, но и загадочный язык этрусков имеет сходство с этеокипрским языком. Так, в обоих языках одинаково звучат указательные местоимения *та, ка, ана*, а также ряд суффиксов. С этрусскими словами сходны многие, не поддающиеся расшифровке, этеокипрские слова, такие, как *мана, мари, тусу, эки* и др. «Они едва ли могут быть объяснены, как простая случайность», — замечает Харсекин, сделав, правда, разумную оговорку, что «сопоставления эти остаются гипотезой, поскольку действительный смысл отмеченных слов еще не выяснен».

Однако даже в том случае, если слова этеокипрского языка окажутся родственными как этрусским, так и хеттским словам, это еще не сможет служить доказательством родства всех этих языков. Ведь едва ли этрусский язык можно отнести к индоевропейским (к которым, как это установил еще Грозный, относится хеттский язык). А следовательно, те этрусские слова, которые родственны хеттским, могут рассматриваться как заимствования из хетто-лувийских языков (из ли-

дийского и др.). Лишь небольшой слой устойчивых слов (к ним относятся и некоторые местоимения) может быть исконно родственным и в хеттском, и в этрусском, и, может быть, в этеокипрском: это тот древнейший словарный фонд, который унаследован ностратическими языками от единого языка-предка. Вхождение хеттского и других индоевропейских языков в состав ностратических несомненно, а этрусского — очень вероятно.

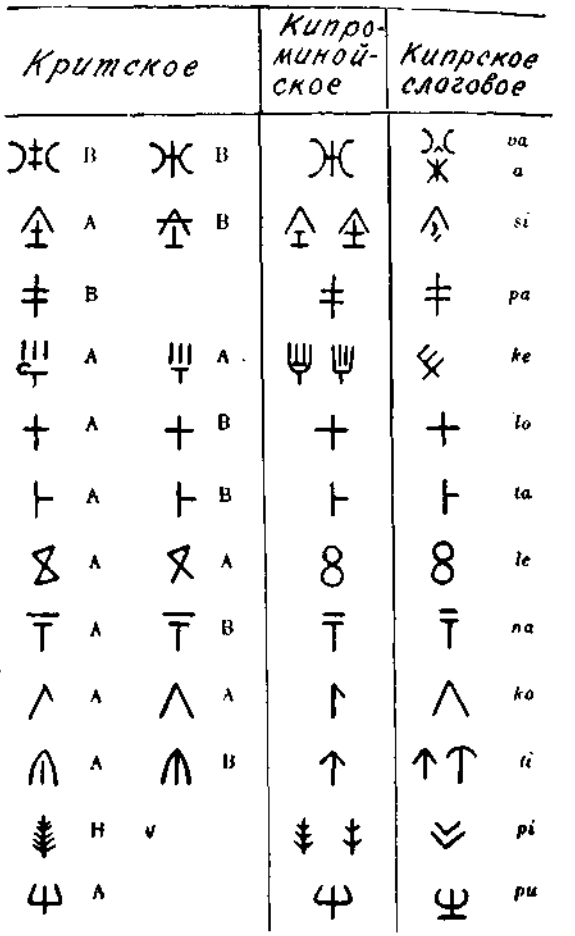
А нельзя ли судить об этеокипрском языке, опираясь на данные эпиграфики: может быть, определив генетическую принадлежность этеокипрского письма, мы сможем если не определить языковую принадлежность «этеокиприотов», то хотя бы высказать какую-нибудь правдоподобную гипотезу на этот счет?

ЗАГАДКИ КИПРО-МИНОЙСКИХ ЗНАКОВ

В эпоху бронзы на Кипре существовало слоговое письмо, честь открытия которого принадлежит уже известному нам сэру Артуру Эвансу. Он же первым дал подробный анализ кипрского письма эпохи бронзы. Оказывается, это письмо имело большое сходство с другой письменностью той же эпохи, а именно с линейным письмом Крита и юга Балкан, причем прежде всего с негреческим линейным письмом А, открытым на Крите (мы подробно рассказывали об этом письме в предыдущих главах книги). Возраст критских письмен был старше, чем возраст кипрских, поэтому Эванс справедливо предположил, что письмо Кипра — это провинциальная ветвь критского, и тогда письмена Кипра Эванс стал именовать «кипро-минойскими».

Кипро-минойские надписи на сосудах из Энкоми

Тексты, написанные кипро-минойским письмом, очень кратки, в основном это надписи на сосудах, содержащие от одного до восьми знаков. Правда, в самое последнее время удалось обнаружить и большие тексты, содержащие



Родственные письменности Средиземноморья (А — знак линейного, А, В — линейного Б)

сотни знаков. И это вселяет надежду, что в недалеком будущем удастся прочитать кипро-минойские письмена.

Пока они хранят молчание.

Кипро-минойское письмо имеет около 60 различных знаков. Треть из них совпадает со знаками «классического» слогового письма Кипра. Много общих знаков с

кипро-минойским есть и у письмен Крита. Следует л исходя из этого, читать похожие по форме кипро-мино ские знаки так же, как мы читаем их в классическ кипрских письменах или линейных письменах Крит

Судя по сходству всех этих письмен — да. Но толь ко при этом необходима осторожность: история дешиф ровки дает нам множество примеров, когда исследова тель, увлекшись сходством знаков — даже родственных письмен! — попадал зачастую на ложный путь.

Пожалуй, самым надежным путем найти правильные чтения кипро-минойских знаков будет следующий: нужно сопоставлять знаки всех слоговых письмен, т. е. линейное письмо Крита, кипро-минойское, «классическое» кипрское и этеокипрское письмо. Если чтения известных нам критских и классических кипрских знаков-слогов совпадают (разумеется, при совпадении внешней формы знаков), это означает, что за 1000 лет, разделяющие их, чтения эти не изменились, следовательно, и кипро-минойские знаки должны читаться точно так же.

Вот, например, знак F. В «классическом» кипрском письме он «звучит» как *то*, в линейном А и Б острова Крит сходный знак имеет то же звуковое значение (*то*). Значит, и в кипро-минойских текстах его следует читать как слог *то*. Знак ⊢ в линейном А и Б читается как *да*, в «классическом» кипрском — как *та* (ведь в нем не различались *д* и *т*), значит, в кипро-минойском письме он должен читаться как *да* или *та*.

Опираясь на такие «достоверные» знаки, будущим дешифровщикам, быть может, удастся найти ключи к другим кипро-минойским знакам и прочесть древнейшие тексты Медного острова. Прочесть, но не понять, ибо мы не знаем до сих пор, на каком же языке они написаны. Вероятно, «классические» кипрские и этеокипрские письмена родственны кипро-минойским. А кипро-минойские тексты, видимо, записаны на языке, родственном или идентичном языку табличек линейного А. Дело не только в значительном сходстве кипрского и критского письмен. Дело прежде всего в самом характере этого письма, передающем преимущественно слоги типа СГ. Это — «язык СГСГСГ», язык древнейшего населения Эгеиды. Мы уже говорили об этом языке в главе, посвященной письменам Крита. Именно на таком языке говорили, судя по всему, и создатели кипро-минойского письма. Здесь мы, очевидно, имеем дело с двойным родством — минойцы Крита говорили на языке, родственном языку минойцев Кипра, а писали те и другие, пользуясь родственными системами письма.

Как мы уже говорили, не исключено, что минойскому языку табличек линейного А родствен этрусский; если кипро-минойский находится в родстве с этеокипрским (предположительно родственным этрусскому), то набор «эгейских» языков окажется весьма внушительным.

ГЛАВА 5

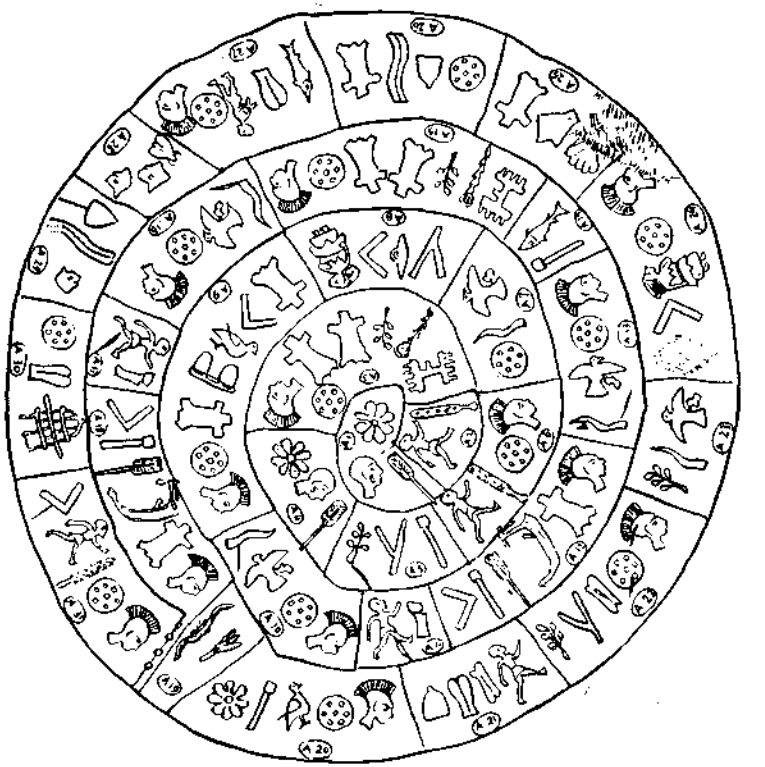
В КАКУЮ СТОРОНУ КРУТИЛСЯ ДИСК?

НЕПОНЯТНЫЕ ЗНАКИ

Вечером 3 июля 1908 года при археологических раскопках древнего минойского дворца, находившегося неподалеку от критского города Фест, итальянский археолог Л. Пернье рядом с разломанной табличкой линейного письма А обнаружил диск из терракоты (диаметром 158—165 *мм*, толщиной 16—21 *мм*). Текст был условно датирован 1700 г. до н. э. — эпохой третьего среднеминойского периода; к этой эпохе относилась лежащая рядом с диском табличка. Обе стороны диска покрыты различными изображениями, как потом выяснилось — иероглифами. Иероглифы были оттиснуты на диске при помощи особых штемпелей. Таким образом, диск представляет древнейшую штампованную надпись.

Этот уникальный письменный памятник, видимо, изготовлен на Крите, но не исключено, что он привезен на Крит извне (например, из Малой Азии). Некоторые ученые считают, что тот сорт глины, которая пошла на изготовление диска, на Крите не встречается.

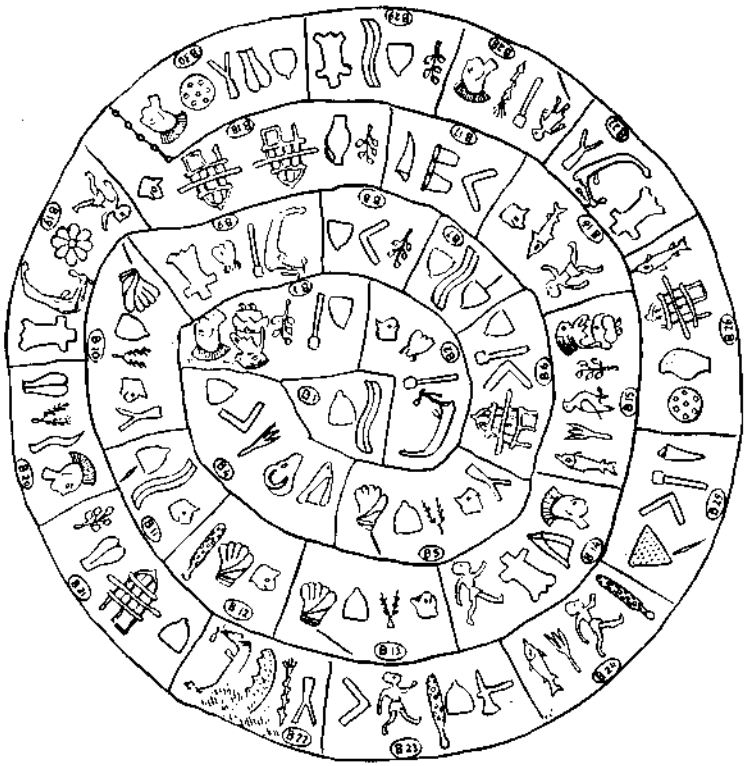
Надпись разделена на слова вертикальными штрихами и располагается по спирали, причем до сих пор нет единого мнения о том, в каком направлении читать надпись: одни считают, что диск читался от краев к центру, т. е. справа налево, другие же (их меньшинство) полагают, что чтение начиналось наоборот — от центра. Во всяком случае, направление чтения надписи на обеих сторонах диска было одним и тем же. Иероглифы, использованные в надписи, носят отчетливый рисуночный характер: это изображения людей, животных, рыб,



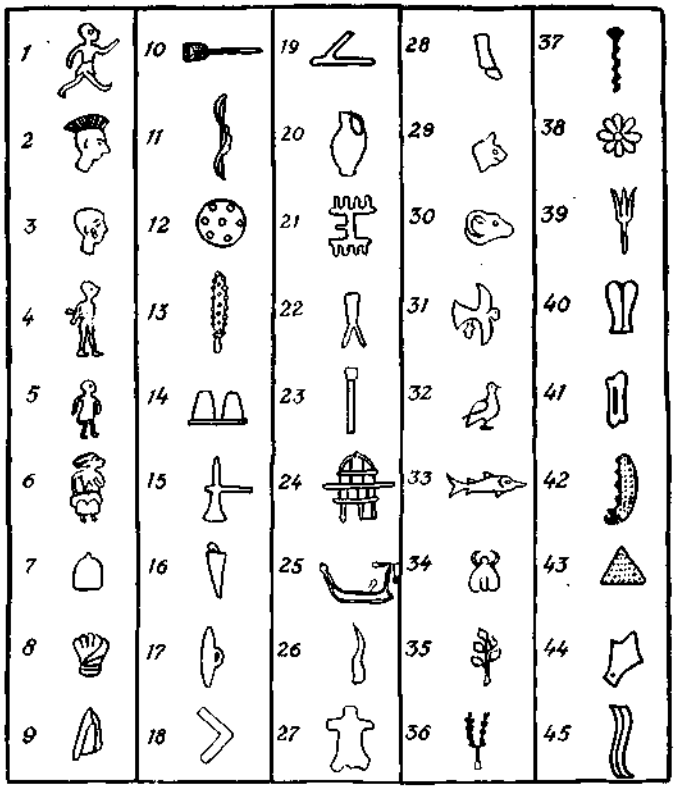
Фестский диск (лицевая сторона)

птиц, различных хозяйственных предметов и т. п. Эти изображения не имеют сколько-нибудь четких соответствий в других письменностях (в частности, иероглифы Фестского диска очень мало похожи на знаки критского рисуночного письма). Люди изображены на диске идущими в правую сторону от нас; направо же повернуты «головы» (есть на диске иероглифы, изображающие головы людей — в уборе из перьев или без него).

Большинство ученых полагают, что диск читался справа налево, т. е. от краев к центру (в иероглифических письменностях люди и животные повернуты как бы навстречу чтению). Конечно, штамповать диск могли



Фестский диск (оборотная сторона)



Репертуар знаков Фестского диска

и в обратном направлении, но если мы внимательно присмотримся к нему, то, пожалуй, придем к выводу, что это не так. Посмотрите на спирали знаков. Они идут не плавно, как это было бы, если бы надпись «раскручивалась» от центра. Надпись начинается у края диска и вначале идет по кругу, но затем «наскакивает» на свое начало и перебирается на следующий этаж, начиная второй, меньший круг. Так организованы и лицевая, и оборотная стороны диска.

За то, что диск читался от краев к центру, говорят и «вирамы». Вирамой в индийском слоговом письме называется косой штрих, который ставится внизу, у последнего знака слова, показывая, что слово оканчивается на согласный, а не на гласный. Русское слово *там* в индийском письме деванагари имело бы вид तम्; без вирамы это слово читалось бы *тама:* तम. Есть такие вирамы и в нашем диске: например, снабженные штрихами знаки 7, 18, 43 и др. Такие знаки стоят только в конце слов (в чтении от краев к центру). Весь текст состоит из 241 знака, причем разных знаков в тексте встречается 45.

ПОПЫТКИ С НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Более полувека прошло со времени находки Фестского диска, но, говоря словами известного специалиста по археологии Крита Дж. Пендлбери, «имеющиеся попытки перевода этого текста лучше обойти молчанием».

Каких только предположений не высказывалось относительно языка надписи Фестского диска! Одни думали, что он написан на греческом языке. Другие искали в надписи один из языков Анатолии: хеттский, ликийский, карийский. Третьи предполагали, что надпись сделана на древнееврейском или каком-либо ином семитском языке и т. д. и т. п. «Дешифровка этой надписи остается за пределами наших возможностей, но это не удерживает ученых и любителей от предложения своих версий», — замечает в этой связи Джон Чэдуик.

«К минойскому через баскский» — так называлась вышедшая в издательстве Оксфордского университета в 1931 году книга, автором которой был англичанин С. Гордон. Язык басков — единственный неиндоевропейский язык, сохранившийся в Европе со времен глубокой древности, а поэтому Гордон допускал, что и язык древнейших обитателей Крита, возможно, находится с ним в близком родстве.

Гипотеза смелая, но приемлемая. Но метод «чтения» текстов Крита, который применил Гордон, был совершенно неприемлем. Сначала он находил сходство знаков критского письма с каким-либо предметом, а затем читал этот знак как слово, обозначающее данный предмет на языке басков. В результате он ухитрился «прочитать» несколько сухих хозяйственных записей... как элегические стихи! Когда же Гордон попытался прочитать с помощью своего «метода» текст Фестского диска, он получил такой перевод: «Бог, шагающий на крыльях по бездыханной тропе, звезда-каратель, пенистая пучина вод, псо-рыба, каратель на ползучем цветке; бог, каратель лошадиной шкуры (или поверхности скалы), пес, взбирающийся по тропе, пес, лапой осушающий кувшины с водой, взбирающийся по круговой тропе, иссушающий винный мех...». Нет смысла продолжать — из приведенных строк ясно, что «перевод» Гордона, мягко говоря, далек от совершенства.

В том же 1931 году была сделана еще одна попытка прочитать текст Фестского диска, только не на языке басков, а по-древнегречески. Сделала ее мисс Ф. Стоуэлл в книге, без лишней скромности названной «Ключ к критским надписям». Метод чтения критских текстов был очень близок к методу Гордона. «Предметам были приписаны греческие названия, причем некоторые из этих слов звучали для греческого довольно странно, а некоторые вообще были изобретением автора, — пишет академик Дж. Чэдуик. — Затем путем сокращения этих названий были получены слоговые значения знаков, и каждая группа знаков на диске (очевидно, слово) превратилась во фразу. Начальные слоги дополнялись до полных слов, и фраза читалась, как казалось мисс Стоуэлл, по-гречески: Ανα, Σαω ϝχοω θεα, ρη 'Восстань, спаситель! Слушай, богиня Рея!'».

Вскоре после окончания второй мировой войны в одном солидном научном журнале появилось сенсационное сообщение: немецкий языковед Э. Шертель выступил с заявлением о том, что ему удалось при помощи математических методов дешифровки прочесть надпись на Фестском диске! Шертель обнаружил в надписи гимн царю Мано (т. е. Миносу; кстати, Артур Эванс считал в свое время, что надпись — это победный гимн; к этому выводу он пришел, изучая изобразительные знаки диска). Взволнованные сообщением, ученые бросились проверять полученную дешифровку... Увы! Она оказалась лишь плодом богатого воображения.

Несколько лет назад американский ученый Б. Шварц предложил свою дешифровку диска: он также считал язык надписи греческим и нашел в ней списки городов.

Разные исследователи предполагали, что язык диска греческий, но все они читали текст по-разному! Были попытки прочесть надпись диска по-хеттски: содержанием надписи оказалось посвящение богам. В 1948 году диск был «прочитан» на одном из семитских языков; один из отрывков текста гласил, по мнению исследователя, следующее:

Высшее — это божество, звезда могущественных тронов.
Высшее — это нежность утешительных слов.
Высшее — это изрекающий пророчества.
Высшее — это белок яйца.

По мнению Вл. Георгиева, после расшифровки архаических греческих текстов линейного Б «никто не вправе утверждать, что еще не расшифрованный текст диска из Феста якобы написан на неиндоевропейском языке».

Француз Марсель Омэ вопреки общепринятому мнению считает, что вертикальные черточки диска отделяют друг от друга не отдельные слова, а целые фразы. В этих фразах он прочитал... известие о гибели Атлантиды!

«Предполагая, что это идеографическое (образное) письмо историко-астрологического содержания, о чем свидетельствует спиралевидное изображение текста, он отмечает, что сама надпись состоит из двух различных периодов. В одном из них — начинающемся с центра — 18 „фраз", в другом, расположенном по периферии диска, — 12. По его мнению, оба периода заканчиваются иероглифами, изображающими гибель людей под волнами. Текст диска из Феста Омэ тоже связывает с легендой об Атлантиде», — пишет ведущий советский атлантолог Н. Ф. Жиров в статье «Остров исторических загадок».

Особое значение исследователи придают тому факту, что надпись на диске не вырезанная, а штампованная. Она сделана с помощью 45 различных деревянных и металлических штампов и является, таким образом, предтечей современного гравирования и печатания. «Было бы трудно поверить, — отмечает Чэдуик, — что

изготовление набора из 45 различных штампов-знаков было сделано только для того, чтобы оттиснуть одну-единственную надпись на диске. Можно предполагать, что имелись когда-то и другие, аналогичные диску из Феста, тексты». Но где следует искать эти тексты? Ответа на этот вопрос пока что нет.

Разумеется, было бы заманчиво думать, что уникальный памятник — диск из Феста — является последним письменным документом погибшей Атлантиды. Но можно с уверенностью утверждать в таком случае, что предполагаемые «памятники письма Атлантиды» уж никак не должны говорить об ее гибели, а скорей наоборот — о процветании, «текущих делах» и т. п., подобно другим памятникам письма исчезнувших цивилизаций.

«ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК» И «ТИПОЛОГИЯ ПОИСКОВ»

В 1965 году одним из авторов этой книги в научно-популярном журнале «Знание — сила» была опубликована статья, посвященная загадкам надписей острова Крит. Большое место отведено было в ней таинственному диску из Феста, текст которого был напечатан на страницах журнала.

Читатели быстро откликнулись на эту статью — в адрес редакции пришло большое число писем, где предлагалось решение «фестской загадки». Ни одно из присланных писем тайны диска, увы, не решило. Но рассмотреть их поучительно — они свидетельствуют о схожести ошибок и схожести поисков, свойственных человеческому мышлению при дешифровке. Читатели не были знакомы с историей вопроса, с многочисленными попытками ученых разных стран мира найти решение фестской загадки. Но ход их рассуждений, их доводы, их выводы, наконец, их ошибки совпадают с рассуждениями, доводами, выводами, ошибками различных исследователей.

Является ли текст диска надписью? Или, быть может, это просто-напросто календарь или «рассказ в картинках» — словом, не текст? Гипотезы о календарном характере диска из Феста высказывались в свое время различными исследователями. А вот что пишет научный сотрудник научно-исследовательского института овощного хозяйства Н. Н. Шуман:

«Прежде всего я совершенно убежден, что изображения на диске — не буквы и не отдельные слоги. Каждое изображение — это день года, а в целом весь Фестский диск (его лицевая и оборотная стороны) — это обычный календарь, отображающий жизнь народов, населявших остров около 4000 лет назад. В этом очень легко убедиться.

Число изображений на лицевой стороне равно 123, а число изображений на оборотной стороне — 119. Теперь если начать отсчет дней с лицевой стороны диска и повторить его дважды, а затем перейти на оборотную сторону, то насчитаем ровно 365, т. е. количество дней в году.

Вы скажете, почему же через каждые 4—5 знаков имеются разделительные черточки? Объяснить это можно тем, что уже тогда у народов Крита существовало подобие нашей недели или, вернее, пятидневки. Пятидневка в подавляющем большинстве случаев заканчивалась охотой или военными соревнованиями (голова воина со щитом).

Период, к которому относится диск (2100—1600 гг. до н. э.), является периодом союза племен, когда эгейская культура на Крите достигла наивысшего расцвета. Из истории известно, что в этот период на Крите была кипучая общественная жизнь с многочисленными праздниками, торжественными шествиями, кулачными боями и играми с быками.

То, что диск представляет собой древнейшую штампованную надпись, тоже подтверждает мое предположение: ведь календарей требовалось иметь достаточно большое количество. В статье, опубликованной в Вашем журнале, упоминается, что на диске вскоре после его изготовления делались поправки. И это вполне объяснимо. Посмотрите на то место диска, где стерт какой-то знак и помещена голова со щитом. Ведь раньше охота и военные упражнения не были подряд 24 дня (а обычно голова воина следует через 5—6 дней). Когда же сделали поправку, то ликвидировали эту единственную „несправедливость" в календаре.

Теперь обратим внимание на сами фигурки календаря и попытаемся установить, в какую сторону надо вести отсчет дней года.

О фигуре воина я уже писал. Теперь о фигуре женщины — она везде нарисована в полный рост, в платье, на голове длинные волосы. Почти везде рядом с ней знак 18, который означает мотыгу. Иногда рядом с ней изображены растения, а иногда и разбросанные по полю семена.

Отсчет дням я везде вел от центра к краю (как ориентированы и людские фигуры). Считаю, что цветок, состоящий из восьми лепестков и находящийся в центре лицевой стороны диска, — это 1 января. Тогда 93-й знак от него — рассыпанные семена — не что иное, как посев ячменя, приходящийся на первые числа апреля месяца. Через пять знаков мы видим обозначение его всходов (вполне возможная вещь в условиях теплого и достаточно влажного средиземноморского климата).

Если от посева семян вести дальше отсчет дням, то через

30 знаков мы подойдем к концу диска, т. е. к первым числам мая месяца.

Теперь, не переворачивая диска, надо вести отсчет времени опять с центра диска — пойдут первые числа мая, затем июнь, июль и август. С 1 сентября отсчет пойдет с центра оборотной стороны диска.

Вернемся теперь к упомянутому мною выше посеву ячменя. Если производить дальше отсчет от этого знака, то ровно через 85 дней мы находим два расположенных рядом знака: один — это стебель ячменя с осыпавшимися зернами и другой — растение ячменя. Рядом изображено какое-то гребенчатое орудие — очень возможно — орудие уборки или обмолота. 85—90 дней — это вегетационный период для ярового ячменя.

По этому же подсчету мы видим, что второй посев зерновых приходится на конец июля — начало августа. Если мы теперь перейдем к отсчету и на оборотной стороне диска, то ровно через 87 дней натолкнемся на фигуру женщины и изображение растения, т. е. изображение периода уборки.

Проверим теперь наши предположения, производя отсчеты на оборотной стороне диска. Как я уже упоминал, начинаются они от центра, который принят за 1 сентября. 19 сентября мы видим растение, которое не может быть ничем иным, как ветвью оливкового дерева.

Рядом с изображением ветви оливкового дерева почти везде изображена рука человека с перевязанным большим пальцем и сосуд для сбора оливкового масла. Почему надо было предохранять пальцы при сборе плодов оливкового дерева? Вспомним, что культурное оливковое дерево olea europea появилось примерно за 1000 лет до н. э., а на Крите во времена Фестского диска были непроходимые заросли дикой маслины — olea oleaster, отличающиеся от культивируемой остроребристыми колючими ветвями и мелкими плодами.

В отношении прочих изображений на диске могу сказать, что там есть и другие растения — их посев, уход и уборка, рыбная ловля, пошив одежды, ремонт и строительство жилищ (на каменном основании), изготовление вина, скотоводство. Имеется многократное изображение сохи и других сельскохозяйственных орудий.

Эти соображения, конечно, интересны. Но сейчас почти все специалисты убеждены в «языковом» характере изображений на Фестском диске.

Читатель Г. В. Антоненко из Клина предполагает, что спиральная надпись диска повторяет спирали дворца-лабиринта, который открыл Эванс на Крите. Вначале — переданное волнистой лентой изображение моря, «около этой ленты лежит золотое яйцо», далее — ковчег, получившийся из этого яйца, из ковчега появились различные животные, бабочки, «бычья голова», далее — «дерево познания добра и зла», возле которого «стоит искуситель и человека». Человека этого преследуют «различные искушения», однако, преодолев их, «он идет обратным ходом и попадает опять в центр диска», где «опять лентообразное море и яйцо».

Трактовка весьма сомнительная... Но она ничуть не уступает «дешифровке» французского атлантолога Омэ. Задавшись какой-то заранее избранной целью, произвольно трактуя смысл отдельных знаков, в принципе можно прочесть все что угодно.

Как говорилось выше, сэр Артур Эванс в объемистой монографии «Scripta Minoa», посвященной критским письменам, предположил, что текст диска является «победным гимном». Читатель В. А. Пирогов из Читы, по всей видимости незнакомый с монографией Эванса, пришел почти к такому же выводу, действуя таким же методом «толкования знаков», как и знаменитый Эванс.

«Нельзя не заметить, что по своему начертанию знаки большей частью изображают атрибуты военной деятельности — голова воина в шлеме, щит, дротик, лук (?), праща, корабль с воинами, бегущий воин-связной и т. д., а также предметы, составляющие трофеи (или связанные со снабжением войск?): рабы (голова с тавром на щеке или это голова военачальника с изображенными на щеке символами?), ярмо, злаки и т. д. Принимая текст в его „буквальном смысле", знак головы воина может означать число, связанное с количеством воинов... Трактовка текста как донесения о трофеях на основании схемы „знак — понятие" позволяет сделать интересное построение...»

Как видите, ход мысли прославленного археолога и читателя-энтузиаста удивительно совпадает, хотя ни о каком заимствовании говорить нельзя!

Подавляющее большинство читателей пытались не читать текст, а толковать его отдельные знаки, выявить «общий смысл», семантическую структуру надписи, не будучи специалистами в области древних языков. В письме же Живко Георгиева, присланном из болгарского города Сливен, сделана интересная попытка прочитать текст, найти звуковое, фонетическое чтение знаков.

Георгиев (однофамилец своего знаменитого земляка академика Вл. Георгиева, имя которого мы не раз упоминали в этой книге) считает, что диск написан не иероглифическим и даже не слоговым письмом, а буквенным, алфавитным. По его мнению, «...не только 4000 лет назад, но и 5500 лет назад буквенное письмо было известно, хотя его знаки имели иной вид, они были „рисуночными, образными"». Письмо Фестского диска содержит 40—50 знаков, «...поэтому мы можем сравнить эту письменность со старославянским буквенным письмом, например глаголицей (содержащей 43 знака)».

В сочетаниях определенных знаков Георгиев находит слова

мано и *маном*, падежные формы имени *Минос*, легендарного царя острова Крит. Лицевая сторона диска имеет, по мнению Георгиева, «...приблизительно следующее содержание: Да здравствует Крит! Народ Крита... разнес до Дуная (Истры) свою славу с божьей помощью!».

Желание Георгиева, жителя древней дунайской страны, найти в тексте Фестского диска упоминание о великом Истре-Дунае вполне понятно. Но самые благие намерения не могут заменить строгих доказательств, а их-то как раз и нет.

Не может претендовать на научность и статья, которая была напечатана в одном из наших литературно-художественных журналов. Ее автор пытался доказать, что знаки диска — это греческие буквы, только стилизованные под различные изображения.

ДАВАЙТЕ ПРОЧТЕМ... ПО-РУССКИ!

Мы уже говорили выше, что, задавшись какой-то определенной целью, можно, толкуя тот или иной знак «в свою пользу», вычитать в диске из Феста любое содержание. Можно показать, что такими же методами и с таким же успехом можно прочитать текст и фонетически.

Большинство исследователей сходятся на том, что диск написан слоговым письмом. Примем эту гипотезу. А *затем попробуем прочитать текст*, подставляя слоговые значения на русском языке! Разумеется, ни о каком русском языке не может быть и речи, поскольку Фестский диск датируется по меньшей мере 1700 г. до н. э. Мы избрали русский язык «для наглядности», чтобы показать, как даже совершенно неправильное предположение о том, что диск написан на русском языке, позволит нам прочитать отдельные фрагменты диска и даст связный и осмысленный текст.

В каком случае наше чтение будет правильным? В том случае, если, после того как каждый знак надписи будет наделен определенным звуковым значением, мы получим грамматически правильный текст на данном языке.

Предположим, что диск читался от центра к краям. Начнем чтение с первого знака — 38. Присвоим ему слоговое значение «го», второй знак — 03 — получит чтение «во», третий — 10 — чтение «рят». В целом первое слово (группа из трех знаков, отделенная вертикальной чертой, которая, по всей видимости, является знаком словораздела) будет прочтено нами как «го-во-рят». Следующая группа знаков, отделенных вертикальной чертой, — следующее слово состоит из двух знаков — 01 и 13. Прочтем их как слоги «ца» и «ря». Получим чтение двух слов: «Говорят царя». Следующая группа из семи знаков может быть прочтена как имя царя+слово «слова», переданное сочетанием двух знаков — 12 и 02, которое очень часто повторяется в тексте. В целом группа из семи знаков может быть прочтена как «Мор-ми-ка-та-та-сло-ва», а все три слова, с которых начинается диск: «Говорят царя Мормикатата-слова».

Далее следует знакомая нам группа знаков — 38—03—10, которую мы читаем как слово «го-во-рят»; следующая группа из трех знаков может быть прочтена как слоги «на-ве-ки»; далее идет слово, состоящее из двух, более коротких слов, которые мы прочитали как «царя» и «слова». В целом получается такой текст: «Говорят царя Мормикатата-слова, говорят навеки царя-слова».

Далее следует группа из трех знаков, начинающаяся знаком 12, который мы условились читать как слог «сло». Следующие два знака прочтем как слоги «ве» и «са» и получим слово «словеса»; группу из четырех знаков, которая следует за нею, прочтем как слоги «му-дрей-ши-е»...

Итак, у нас получился связный текст: «Говорят царя Мормикатата-слова, говорят навеки царя-слова, словеса мудрейшие». Сомнение вызывает имя царя Мормикатата; хотя оно и похоже на Митридата, однако в анналах истории такое имя не числится.

Что же, можно, пользуясь такой же «методикой», обнаружить в тексте имя легендарного Миноса, царя Крита, создателя Лабиринта. Перевернем диск и будем читать текст на оборотной стороне от краев к центру *(ведь большинство исследователей высказываются именно* за такое направление чтения).

Читаем первое слово, первую группу знаков: «ца-ря Ми-но-са»; второе слово: «ве-ле-ни-ем»; третье: «ца-ре-ви-чу»; четвертое: «Ми-шу-ве»; пятое: «сы-ну мо-ря»; шестое: «пе-ре-вез-ти»; седьмое: «гру-зов ко-рабль»; восьмое: «хра-ни гру-зов вес»; девятое: «милость на-шу». Как видите, получился весьма содержательный текст, приказ царя Миноса своему сыну: «Царя Миноса велением; царевичу Мишуве, сыну моря; перевезти грузов корабль. Храни грузов вес, милость нашу!» [1].

[1] То, что получается в общем-то бессмыслица, обычно дешифровщиков не смущает: они почему-то считают, что, чем непонятнее, тем лучше!

Причем один и тот же знак, например 01, везде читается нами как слог «ца», знак 27 — как слог «ве» и т. д., т. е. чтение наше внутренне непротиворечиво. Мы нигде не прибегаем к оговоркам, ссылкам на «древнюю орфографию» и т. д.

Разумеется, чтение текста по-русски — это просто демонстрация того, что при желании всегда можно прочитать короткие отрывки недешифрованного текста так, как нам хочется. Вероятно, при достаточном терпении и изобретательности можно «перевести» еще более длинные отрывки текста и «вычитать» в них еще более интересное содержание.

Означает ли это, что о надписи на Фестском диске ничего вразумительного сказать нельзя? Отнюдь нет.

«АБСТРАКТНАЯ» СТРУКТУРА ТЕКСТА

Мы говорили о том, как люди, не имеющие специальной лингвистической подготовки, читатели журнала «Знание — сила», тем не менее делали такие же самые выводы (и ошибки!), что и маститые ученые, пытавшиеся прочесть текст фонетически или понять его смысл, толкуя отдельные знаки. Среди писем читателей было и такое, где делалась попытка изучить саму структуру текста, закономерности его построения, т. е. проанализировать диск методами комбинаторного анализа. Автором этого письма был московский техник Н. Синопальников. Вот что он писал:

«Стройность и закономерность повторяющихся знаков и групп в надписи Фестского диска сразу же бросается в глаза. Переведем ритм надписи на язык графики. Это наглядно покажет, какова структура текста».

Далее Синопальников предлагает схему, где на горизонтальной оси отложены номера «групп» (т. е. слов; он читает диск от центра, поэтому нумерация у него идет от центра к краям).

Группы состоят в основном из трех-пяти знаков; в более длинных группах в начальном (если читать от краев к центру) положении стоят детерминативы — определители слов: «голова с перьями + щит» или «голова с перьями». При этом в слове, встречающемся дважды (группы 3 и 15, по Синопальникову), после детерминатива «голова с перьями + щит» идут подряд два знака, изображающие «шкуру». «Шкура» обычно встречается в начале слов и, видимо, передает гласный звук.

Повторяющиеся группы окрашены одинаковым цветом. Слова, отличающиеся друг от друга, заштрихованы. Синопальников отметил определенный «ритм» надписи на диске, выделив повторяющиеся или сходные конструкции.

Нельзя сказать, что эти наблюдения представляют собой нечто совершенно новое в исследовании Фестского диска. Нет, такие наблюдения делались (и мы сейчас рассмотрим соответствующие работы). Но наглядный метод, который применил Синопальников в своем анализе, несомненно, очень полезен.

Лучшей работой в области изучения Фестского диска считается статья Г. Ипсена, написанная еще в 1929 году [1].

Ипсен определил письмо Фестского диска как слоговое, затем он выделил в составе «слова» (т. е. группы знаков между вертикальными штрихами) корни и грамматические форманты; их передают как сочетания знаков, так и отдельные знаки. Корни слов получены при помощи принципа перекрестных рядов: там, где из целых слов может быть выделено устойчивое соединение нескольких знаков таким образом, чтобы оставшиеся знаки в свою очередь выступали как устойчивое сочетание в определенном положении (если имеются хотя бы два случая, которые разрешают сравнение), речь идет о корне и форманте. Перекрестные ряды, таким образом, «могут служить одновременно для определения корня и форманта».

Далее Ипсен выделил устойчивые сочетания из двух знаков: они появляются несколько раз в различных окружениях. «С корнями их объединяет многосложность, с формантами — способность присоединяться к другим корням. Поэтому с лингвистической точки зрения здесь может идти речь о сложных словах или образованиях, сходных со сложными словами».

В качестве формантов, т. е. грамматических показателей, Ипсен определил знак 02 и группу из двух знаков — 12—02 (02—12, если читать надпись от края к центру), причем оба форманта (02 и 02—12) определяются им как префиксы (приставки). По мнению Ипсена, знак 02 — «голова в уборе из перьев» — являя-

[1] Эта статья публикуется на русском языке в уже упоминавшемся нами сборнике «Проблемы дешифровки».

ется не слогом, а графическим формантом, т. е. детерминативом.

Знаки 12 и 36 Ипсен определил как суффиксы, которые «связаны между собой многообразными отношениями правильного чередования».

Знак 27 — «шкура», по Ипсену, представляет все возможные положения слога в слове. Его «значение нигде нельзя определить точно, так как ни разу не встречаются точно определенные корни». Однако знак 27 обнаруживает определенное структурное сходство с двумя другими формантами — знаками 29 и 07; для них всех как для префиксов является общим начальное положение в слове, а также распределение в тексте, ибо все три форманта чаще встречаются на оборотной стороне, чем на лицевой. Наконец, «все три форманта повторяются, иногда два или три раза подряд при разных корнях, следующих непосредственно друг за другом (аллитерация)». Ипсен определил все три знака как «флексии предикативного характера». Знак 22 является, по Ипсену, именным формантом. Знак 18 был определен как формант «независимо от того, является ли он флексией или образует корень».

Не так давно немецкий ученый Гюнтер Нойман дополнил анализ Ипсена новыми наблюдениями: он предположил значение детерминативов еще для некоторых знаков.

Несколько лет назад к проблеме Фестского диска обратился известный немецкий ученый Эрнст Грумах, ныне покойный. Статья Грумаха, напечатанная в журнале «Kadmos», посвящена главным образом тем исправлениям, которые были внесены в текст диска[1]. Такие исправления Грумах обнаружил в четырех местах — в этих местах старые знаки оказались стертыми и вместо них были впечатаны другие. Первые три исправления сделаны на лицевой стороне диска, в нижней половине внешнего кольца (край диска); последнее сделано на оборотной стороне, в третьей ячейке (или третьем «слове») от центра.

Суть исправлений в следующем. В одном случае поставлены два новых знака — «голова с перьями и щит», причем линия слово-раздела сдвинута вправо (если смотреть от нас), из-за чего пришлось стирать и заново штамповать все три знака в соседней — правой — ячейке. В двух других случаях на месте какого-то старого знака поставлен «щит», что позволило штамповщику образовать группу знаков «голова с перьями — щит», как в первом случае. На фотографии можно заметить следы старых знаков, замененных «щитом». В последнем случае на месте одного старого знака стоят два новых — «голова с перьями» и слева от этого знака — «женщина, смотрящая вправо».

[1] Статьи Ноймана и Грумаха также печатаются в сборнике «Проблемы дешифровки».

Как видим, исправления однотипны: они касаются только определенных знаков («голова с перьями + щит» или «голова с перьями»). Если исходить из чтений Ипсена, то можно предположить, что одни детерминативы были по какой-то причине заменены другими. Для чего это сделано? На этот вопрос у нас нет ответа.

В середине 60-х годов интересное исследование о закономерностях Фестского диска написал советский школьник Володя Назаров. Он послал свою статью в один из специальных журналов. Но она, к сожалению, так и осталась ненапечатанной[1].

В работе Назарова, выполненной независимо от работы Ипсена, знак 02 и сочетание знаков 12—02 определяются как детерминативы. Анализ последовательного изменения групп знаков позволил Назарову сделать вывод о том, что на основании установленных закономерностей изменений групп знаков можно предположить, что язык текста обладал флексией некоторых форм. В этом случае для нескольких слоговых знаков могут быть составлены подобия «координатной сетки» М. Вентриса.

Знак 22 определяется Назаровым как префикс. Считая сочетание знаков 45—07 морфемной основой, он делает предположение о префиксальном характере инициальных знаков 29 и 07. Далее по аналогии он предполагает префиксальность знака 27 и знака 29. Причем вполне возможно, что знаки 27 и 29 выступают в качестве «взаимоисключающих» префиксов. Кроме того, знак 32 определяется Назаровым как суффикс.

Следующим этапом дешифровки могло бы быть последовательное сопоставление грамматических показателей «языка икс» Фест-

[1] В сборнике «Проблемы дешифровки» публикуются комментарии Назарова к разделу о Фестском диске и некоторым другим разделам.

ского диска с различными языками Средиземноморья. Если показатели «языка икс» совпадут с показателями какого-либо средиземноморского языка, мы вправе предполагать, что текст Фестского диска написан на этом языке.

Но... и здесь исследователей ждут свои трудности: во-первых, многие языки древнего мира бесследно исчезли (что мы знаем, например, об эгейском?) и язык Фестского диска может оказаться как раз таким вымершим языком. Во-вторых, объем текста очень мал и, естественно, очень скудна и грамматика языка диска, которую удается восстановить, и может случиться так, что полученных «грамматических данных» окажется слишком мало, чтобы отождествить «язык икс» диска с каким-либо известным языком.

Фестский диск не имеет билингвы, параллельных текстов на двух языках, один из которых известен. Но ведь билингвы не имело и критское линейное Б, да и дешифровку иероглифического письма Малой Азии билингва из Кара-Тепе лишь подтвердила — оно было расшифровано практически без всяких косвенных данных, лишь на основании самой структуры текстов. Но — и это самое главное — текст диска слишком мал, чтобы можно было проводить достоверные статистические подсчеты и на основании их делать какие-либо выводы.

Надпись на диске из Феста содержит большое число разных знаков: из 241 знака текста 45 разных! Обычно алфавиты включают примерно 30 знаков-букв. А это означает, что 45 знаков Фестского диска слишком много для алфавитного, буквенного письма. А для иероглифического, содержащего сотни различных знаков, слишком мало. Поэтому большинство ученых считает, и видимо справедливо, что письменность диска из Феста была слоговой [1]. Отсюда следует, что если тот или иной знак встречается преимущественно в начале слова, то, видимо, такой знак передавал гласный звук. Ведь в слоговом письме особые знаки для гласных обычно встречаются в начале слов, так как в середине и конце слов гласные входят в состав других знаков, например передающих группу «согласный+гласный» или «гласный+ +согласный».

[1] Чтобы определить общее число знаков данной письменности, нужно выяснить, сколько новых знаков приходится на каждый последующий десяток знаков в тексте. В буквенном письме, например, частота появления новых букв во втором и третьем десятке очень высока, затем наступает резкий спад. В слоговом письме эта частота менее высока, но и спад менее резок. Сравнивая графики встречаемости новых знаков в различных письменностях, английский исследователь А. Маккей пришел к выводу, что письменность Фестского диска содержала что-то около 55 разных знаков, как и кипрское.

Если считать, что чтение диска шло от центра к краям, то «кандидатами» на знаки для «чистых гласных» будут 35, 01, 07, 12, 18. Однако знак 07 входит в большое число как начал, так и концовок различных слов (независимо от направления чтения). И поэтому из числа этих «кандидатов» он должен быть исключен. По сходным причинам должен быть исключен и знак 12. Таким образом, при направлении чтения от центра к краю «кандидатами» на гласный будут знаки 01, 18, 35, а при направлении чтения от краев к центру — знаки 22, 27, 29. Эти выводы можно проверить на материале текстов, написанных слоговым письмом типа письма Фестского диска (кипрского слогового; линейного Б) и равных ему по объему. Исследовав такие отрывки, можно показать, с какой степенью уверенности можно считать знаки, стоящие в начале слов, «чистыми гласными».

Но даже не производя проверочных исследований на текстах малого объема, написанных слоговым письмом, можно с большой степенью уверенности выделить один специфический знак — 02 и сочетание, образованное знаком 02 и знаком 12.

Действительно, знаком 02 заканчивается или начинается (если считать, что направление чтения диска шло от центра к краям) почти одна треть всех слов диска! Знак 02 к тому же выступает лишь как конечный (или начальный при обратном направлении чтения текста) знак и нигде не входит в середину слова. Большинство исследователей текста Фестского диска (Эванс, Пернье, Ипсен, Нойман, Назаров и др.) обращали внимание на специфическую функцию этого знака и определяли его как детерминатив.

По мнению Ипсена, «рисунок сам говорит о значении форманта»: голова, украшенная перьями (как наиболее характерная особенность головного убора людей, пользовавшихся данной письменностью), показывает, что следующее слово обозначает определенную личность. По своему положению и значению этот знак совпадает с соответствующим знаком в клинописи; на то, что это рисунок и явно единственная идеограмма, указывает сопоставительный анализ иероглифических систем письма, где также изображения людей и частей человеческого тела (как, например, мужчины, женщины, почтенного человека с бородой, человека, который ест, человека, наносящего удар, царственной руки, шагаю-

щих ног) чаще всего выступают в качестве детерминативов. Если «голова, украшенная перьями» — детерминатив, то следующее за ним слово скорее всего является именем существительным (собственным или нарицательным).

Общее число слов, в состав которых входит знак 02, равно девятнадцати. Если исключить повторяющиеся слова, мы получаем пятнадцать слов. Десять из этих пятнадцати слов имеют при себе сочетание 12—02. Выделив эти десять блоков в качестве «именных» (не будем рассматривать пока что остальные пять слов, в состав которых входит не диграмма 12—02, а изолированный знак 02), можно попытаться отождествить их со словами языков Средиземноморья, с собственными именами, прежде всего с критскими, а затем, в случае неудачи, с именами хеттов, греков и других народов Средиземноморья (учитывая гипотезы о некритском происхождении диска). Тем самым мы искусственным путем попытаемся создать билингву, благодаря которой возможно установление фонетического чтения двадцати двух различных знаков, входящих в состав «именных блоков» (точнее, в состав «именных блоков» входит не двадцать два, а двадцать три различных знака, но знак 02 определяется как детерминатив, который не имеет фонетического чтения). В случае успеха можно попытаться определить звучание и всех остальных знаков диска.

По мнению Назарова, «предположение о собственных именах, зафиксированных в детерминатированных группах знаков, позволяет путем отождествления последних с именами собственными народов Северо-Восточного Средиземноморья определить значение более 20 слоговых знаков», однако «осуществлению данной работы препятствует главным образом ее колоссальный объем при недостаточно обоснованных исходных предположениях». Но, как следует из анализа структуры «имен диска», проведенного одним из авторов этой книги[1], объем работы, возможно, не столь велик, как это может показаться на первый взгляд. Для сопоставления «имен» Фестского диска с собственными именами народов Эгеиды требуется транскрибировать их не на каком-либо из древних языков Средиземноморья (греческом, минойском, хеттском и т. д.), а произвести транскрипцию на основе закономерностей письма самого Фестского диска, передающего слоги типа «чистый гласный» и «согласный+гласный» (как в линейном А и Б и кипрском слоговом).

Таким образом, 22 знака, входящих в состав «именных блоков», должны быть сопоставлены с древними именами стран Эгейского бассейна, записанными слогами типа «чистый гласный» и «согласный+гласный».

Простейший способ такого сопоставления — наделение знаков, входящих в состав отдельных слов, слоговыми значениями и сравнение получившегося слова с эгейскими именами. Но объем работы, необходимой для такого простого перебора, достигает астрономических величин и не может быть выполнен в приемлемые сроки ни «вручную», ни с помощью электронных вычислительных машин.

Ясно, что для практического решения поставленной задачи требуются иные методы отождествления знаков Фестского диска со слоговыми чтениями. Например, общее число возможных слоговых чтений может быть сокращено после того, как будет определено число различных слогов, входящих в состав собственных имен народов Эгеиды, которые будут сопоставляться со знаками Фестского диска. Возможно, применение «метода вероятных слов», при котором «имена» Фестского диска, имеющие определенную длину, будут сопоставляться с реальными именами, где число слогов равно числу знаков, входящих в состав сопоставляемых «имен» Фестского диска.

Одни и те же знаки входят в состав разных «имен» Фестского диска (и в разные позиции — в начало, середину, конец слова). Это создает возможность перекрестной проверки чтения этих знаков. (Например, знак 27 в одном из «имен» должен удваиваться, а в другом — начинать и заканчивать имя.)

Какие же имена брать для сопоставления? Естественно, имена критян, дошедшие до нас благодаря античным авторам, имена минойцев, содержащиеся в табличках, написанных линейным письмом А.

Но быть может, диск некритского происхождения?

Библия говорит о нашествии филистимлян, которые захватили приморскую полосу Южной Сирии, получившую по их имени название Палестина (оно сохранилось и поныне!). Библия называет филистимлян могущественным народом, который вел постоянные войны и «сорок лет» властвовал над народом израильским. Указывает она и «адрес» пришельцев. Иегова говорит: «Не я ли вывел Израи-

[1] См.: А. М. Кондратов, Статистические методы дешифровки некоторых письмен Древнего Востока и Средиземноморья, канд. дисс., М., 1969.

ля из земли египетской и филистимлян из Кафтора?». (Кафтором древние иудеи называли остров Крит.) О нашествии «народов моря» говорят и древнеегипетские источники. И не только словами — фрески донесли до нас изображения воинственных врагов египтян. И головной убор «народов моря» такой же, как и головной убор из перьев, который изображает знак 02, «детерминатив» Фестского диска! Не означает ли это, что знак 02 ставился как указатель «племенной принадлежности» после имен «народов моря», записанных фонетическими знаками?

Откуда шли «народы моря»? Библия утверждает, что с Крита. Однако начертания отдельных имен, содержащихся в египетских текстах, говорят в пользу «анатолийского» адреса.

Надо только учитывать, что «имена икс» Фестского диска определены только предположительно и наше сопоставление может ни к чему не привести. Да и где есть гарантия, что до нас дошли — в греческих или каких-либо иных источниках — как раз те имена, которые записаны на диске?

Возможен и другой ход анализа. После подсчета встречаемости слоговых знаков в надписи Фестского диска и каком-либо средиземноморском письме (например, минойском) можно сравнить полученные результаты и на основании этого сравнения отождествить некоторые знаки диска (например, знаки для гласных и наиболее употребительные знаки типа «согласный + гласный»). Но, к сожалению, надпись на диске очень незначительна по объему, и такие сопоставления мало что могут дать.

Вот почему мы закончим главу о Фестском диске словами немецкого ученого Э. Добльхофера:

«Возможно, рано или поздно лавровый венец, который обещал своему дешифровщику этот загадочный круглый кусок глины, хранящийся ныне в музее города Ираклейона, возложит на себя один из „мастеровых" славного „цеха" исследователей. Возможно, в тайну этих покрытых рисунками спиралей, в этот новый лабиринт острова Миноса проникнет и, как новый Тесей, найдет из него выход какой-нибудь гениальный любитель. Но может быть, ему предначертано судьбой остаться в веках немым и таинственным памятником того мира, которому все труднее и труднее скрывать свои тайны?».

ГЛАВА 6

ПИСЬМЕНА СТРАНЫ ХАТТИ

ТРЕТЬЯ ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА

Еще в XVIII в. европейские путешественники по Малой Азии обращали внимание на каменные развалины, покрытые изображениями и загадочными знаками.

Повествуя о своих путешествиях в Сирию, англичанин Х. Мондрелл в 1714 году и француз де Ла Рокк в 1722 году упоминали о странных рисуночных знаках. Но на их сообщение никто не обратил внимания — ведь египетские письмена по-прежнему оставались тогда тайной за семью печатями, а о клинописи Двуречья вообще не было почти ничего известно.

В XIX в. археологи раскопали древние города Двуречья, о которых говорилось в Библии; были открыты и еще более древние, «добиблейские» города вавилонян, ассирийцев, шумеров. Лингвистам удалось прочитать клинописные знаки Двуречья. Гениальный французский ученый Франсуа Шампольон сумел найти ключ к тайне иероглифов Египта и положил тем самым начало новой науке — египтологии. И в том же XIX в. в Малой Азии, там, где ныне находится Турция, были найдены новые памятники и новые письмена, но они не походили ни на египетские, ни на вавилонские, ни на ассирийские. Быть может, здесь, в Анатолии, существовала когда-то могучая и самобытная культура, мало в чем уступавшая культуре Египта и Двуречья, двух великих держав древнего мира? И если это так, то кто, какой народ создал ее? Когда она существовала? О чем говорят странные иероглифы, не похожие на рисуночные египетские знаки и клинопись Двуречья? Долгое время на эти во-

просы не было ответа. А тем временем все новые и новые сюрпризы подносила древняя земля Анатолии исследователям-востоковедам.

«Шейх Ибрагим» — под этим именем с почестями похоронили правоверные мусульмане чистокровного немца Иоганна Людвига Бургхардта. Изучив арабский язык, потомок знатного базельского рода поступает на службу британской Ост-Индской компании и под видом благочестивого хаджи отправляется в странствия по Ближнему Востоку. Бургхардт посетил Сирию, Каир, а также Мекку и Медину и другие места, столь труднодоступные для «неверных». Умер он 7 октября 1817 года в Каире, готовясь к очередному странствию по мусульманским странам. Кембриджский университет получил в наследство от молодого ученого великолепную коллекцию восточных рукописей, а также многочисленные путевые записи. Эти записи были обработаны и изданы, послужив бесценным материалом для востоковедов — этнографов, археологов, лингвистов.

В одном из дневников Бургхардта имелась любопытная заметка, на которую первоначально не обратили особого внимания.

В сирийском городе Хама (по Библии этот город известен как Хамат) путешественник заметил в стене базара камень с изображением мелких фигур и знаков, которые походили на иероглифы, но не имели ничего общего с египетскими. Это было первое упоминание о знаменитом впоследствии хаматском камне, который позволил позже открыть третью великую державу древнего Востока.

Однако наблюдение Бургхардта, опубликованное в его книге «Путешествия по Сирии и Святой земле» (она вышла в свет в начале 20-х годов прошлого столетия), не привлекло внимания ученого мира, занятого разгадкой тайн египетских письмен.

В 30-х годах прошлого века французский археолог и путешественник Шарль Феликс Мари Тексье обнаружил в турецкой деревушке Богазкёй остатки монументального сооружения. Здесь же на многие километры тянулась разрушенная стена некогда большого города. На двух воротах были высечены рельефы и стояли каменные скульптуры львов.

В другой части местности, в двух часах ходьбы от деревни, Тексье нашел скульптурные группы, высеченные в скалах (этот участок назывался Язылыкая — «Расписанная скала»). Одна из групп изображает богов,

одетых в странные одежды, подвязанные поясами; на головах у них островерхие шапки; некоторые фигуры имели крылья. Были здесь и изображения зверей. На одной из скал были высечены двенадцать фигур в островерхих шапках с мечами на плечах. Стиль изображений не сходен ни с египетским, ни с вавилонским.

Там же имелось много надписей, выполненных иероглифическим письмом.

Иероглифы, не похожие на египетские рисуночные знаки; статуи, не похожие на монументы Египта и скульптуры Ассирии и Вавилона... Какому народу принадлежат они? Первоначально Тексье предположил, что погибший город — это создание римлян, а величественные руины — развалины храма Юпитера, того самого храма, о котором говорил в своей «Географии» Страбон. Но затем Тексье был вынужден отказаться от своей гипотезы, ибо «здесь не было ни одного строения, которое можно было бы отнести к какой-либо из римских эпох».

Своими открытиями и недоумениями Тексье поделился с читателями в большой монографии «Описание Малой Азии», вышедшей в Париже в 1839 году. Прошло немного времени — и развалины древнего города возле деревушки Богазкёй были более тщательно описаны другими путешественниками и исследователями, обнаружившими еще и другие памятники.

В 1870 году два американца — генеральный консул в Турции Огастес Джонсон и его друг, миссионер доктор Джессап — на базаре в Хамате обнаружили камень в базарной стене, покрытый странными надписями.

Скопировать знаки американцам помешали фанатики, считавшие камень святыней. Однако два года спустя ирландский миссионер Уильям Райт с помощью наместника Сирии, Субхи-паши, сумел не только скопировать странные знаки, но и доставить местную святыню в Стамбульский музей. В тот же музей попало и несколько других камней, покрытых неизвестными иероглифами. А гипсовые слепки с них были направлены в Лондон, в Британский музей.

Священнослужитель, прекрасно знавший Священное писание, Райт предположил, что письмена на хаматских камнях принадлежали хеттам, о которых говорится в Библии. Дважды упоминается в ней и город хеттов Кар-

кемыш (Каркемиш), находящийся в излучине реки Евфрат.

В клинописных текстах Ассирии также неоднократно упоминается «библейский» город Каркемыш. В марте 1876 года археологическая экспедиция Британского музея под руководством Джорджа Смита, гравера-реставратора Британского музея, обессмертившего свое имя находкой «Эпоса о Гильгамеше», самого древнего памятника литературы в мире, раскапывает в излучине Евфрата город Каркемыш.

В течение многих лет с перерывами — вплоть до первой мировой войны и после нее — шли раскопки этого древнего города. Ассирийцы изображали на своих бронзовых рельефах крепость Каркемыш — это было величайшее сооружение с зубчатыми стенами и башнями, с огромными воротами под прочными сводами. В Каркемыше были обнаружены рельефные изображения двухголовых существ, крылатых полульвов-полулюдей. Другие каменные рельефы изображали борьбу божеств; божества эти имели крылья и птичьи головы, но человечьи туловища. Множество иероглифических надписей свидетельствовало о том, что этот город был некогда крупнейшим культурным и политическим центром. Памятники из Каркемыша попали в разные музеи — в Британский музей Лондона, в музей столицы Турции — Анкары. Раскопки города на Евфрате подтвердили гипотезу Райта. Да, Каркемыш действительно, как говорила Библия, находится в излучине этой реки. И среди каркемышских находок имеются надписи, сделанные такими же знаками, что и иероглифы хаматских камней!

От Хамата до Каркемыша расстояние не очень велико. А в нескольких сотнях километров к северу от них, возле Богазкёя, неподалеку от Анкары, Тексье как раз и обнаружил остатки величественных сооружений, зданий и статуй, стиль которых был удивительно похож на архитектуру и скульптуру хеттского города Каркемыша. Неужели и сюда, до центра Анатолии, доходила власть хеттов?

«Да» — так отвечал на этот вопрос молодой английский востоковед Арчибальд Генри Сейс в своем докладе «Хетты в Малой Азии», прочитанном в Лондонском библейском обществе осенью 1880 года. В древности на огромной территории от Северной Турции и до Южной Сирии, утверждал Сейс, существовало могущественное царство, держава, которая была соперницей Египта и Двуречья, — третья великая держава древнего Востока!

Доклад Сейса был, конечно, «сенсацией первого ранга», особенно в Англии, где всегда был велик интерес к археологии и древней истории. Шутка ли сказать: открыт целый народ, еще одна цивилизация! Впрочем, сенсация была кратковременной: пресса обрушилась на Сейса, называя его фантазером и выдумщиком. Ученому был привешен ярлык «изобретатель хеттов». Но позднейшие работы ученых показали, что на самом деле Сейс был не изобретателем, а открывателем хеттов. И в настоящие дни основной ошибкой великого востоковеда считается лишь то, что он недооценил (!) значения и роли хеттского царства.

КЕМ БЫЛИ ХЕТТЫ?

Кем же были хетты? Когда они появились в Анатолии? На каком языке говорили? Когда погибла их великая держава? Нельзя ли найти упоминания о них в исторических источниках других цивилизаций древнего Востока?

«Господь сделал то, что стану сирийскому послышался стук колесниц и ржание коней, шум войска большого. И сказали они друг другу: верно, нанял против нас царь израильский царей хеттейских и египетских, чтобы пойти на нас», — говорит библейская 4-я «Книга Царств» (глава 7, стих 6), повествуя о чудесном освобождении города Самарии.

В «Книге Бытия» (глава 23, стих 4) патриарх Авраам, чтобы похоронить жену свою Сарру, обращается к «сынам Хетовым» с такими словами: «Я у вас пришелец и поселенец; дайте мне в собственность место для гроба между вами, чтобы мне умершую мою схоронить от глаз моих».

«Мать ваша хеттеянка и отец ваш — амморей», — говорит пророк Иезекииль, проклиная город Иерусалим (глава 16, стих 45). Дважды упоминает Библия хеттский город Каркемыш «при реке Евфрате». Отведенные Иисусу Навину границы Израиля занимают «все земли хеттов к заходящему солнцу до большого моря».

Итак, по данным Библии, хетты настолько могущественны, что могут быть наравне с «царями египетскими»; они являются хозяевами «страны ханаанской», у которых израильтянам приходится просить землю для похорон; не только Ханаан, но и город Иерусалим и земли Израиля «до большого моря» (т. е. Средиземного моря) являлись владениями хеттов; на востоке же, на реке Евфрат, находился хеттский город Каркемыш. А это означает, что власть хеттов простиралась до Двуречья.

Но насколько можно верить Библии?

После раскопок Вавилона и Ниневии, городов, о которых повествовала Библия, ученые стали с бо́льшим доверием относиться

к ее показаниям. Если откинуть все мифологические и мистические сведения, Библия оказывается превосходным пособием по истории древнего Востока.

Ассирийские хроники очень часто упоминают о сражениях с хеттами; говорится и о захвате хеттской столицы царем Саргоном II около 27 столетий назад, в VIII в. до н. э.

В 1888 году, через восемь лет после доклада Сейса, в Тель-Амарне, резиденции египетских фараонов, был обнаружен богатейший архив — переписка египетских, сирийских и других правителей государств древнего Востока. И переписка эта говорила о том, что хеттские цари занимали очень важное место в иерархии древневосточных деспотий. Подтверждали это и документы, найденные в Двуречье. Хетты разгромили могущественное царство Митанни, расположенное в верховьях Евфрата. Хетты захватили даже «мать городов», крупнейший город древности Вавилон, и увезли с собой статую верховного бога Мардука. Хетты вели упорную и кровопролитную войну с египетскими фараонами за право владения Палестиной и Сирией.

Рамсес II, последний великий правитель Египта, смог остановить могучий натиск хеттов, разбив их войска под Кадешем (Северная Сирия). А затем он поспешил заключить с грозными соперниками мирный договор.

На стене знаменитого Карнакского храма (того самого, о спасении которого много писали в связи со строительством Асуанской плотины) была высечена надпись, говорящая от лица хеттского царя Хаттусилиса III:

«Смотри, я, правитель хеттов, вместе с Рамсесом-Мериамоном, великим властителем Египта, пребываю в мире добром и в братстве добром. Да будут дети детей правителя хеттов в братстве и мире с детьми детей Рамсеса-Мериамона, великого властителя Египта, причем они будут в нашем состоянии братства и в нашем состоянии мира. Да будет Египет вместе со страной хеттов в мире и братстве, как мы, вековечно: и не случится вражды между ними вековечно».

Мирный договор оказался действенным: с той поры египтяне и хетты не враждовали.

Почти одновременно с находкой архива Тель-Амарны в марте 1888 года начались раскопки в труднодоступной, кишащей змеями болотистой долине Эль-Амк, неподалеку от Антиохии (Сирия), в маленькой деревушке Зинджирли. «Весь культурный комплекс, который здесь был обнаружен и впервые основательно исследован, — пишет знаменитый открыватель Вавилона немецкий археолог Роберт Кольдевей, — существенно отличается от всего того, что до сих пор было известно по раскопкам и на Востоке и на Западе. Только в редких случаях можно установить параллели, но они ведут нас далеко на Восток — к Ассирии и Вавилонии, на Запад — пожалуй, лишь к Трое».

Холм, раскопанный в Зинджирли, скрывал огромный дворец — крепость хеттов. Четыре гиганта льва из камня охраняли ворота, а перед дворцом лежали сдвоенные сфинксы. На стенах были обнаружены рельефы с изображениями воинов со щитами, копьями и мечами, колесниц, лошадей, рельефы с изображениями женщин, смотрящихся в зеркало.

Уже во время первых раскопок крепости было обнаружено двадцать шесть таких рельефов.

СТОЛИЦА ХЕТТОВ ХАТТУСАС

Дворец-крепость в Зинджирли никак не мог быть столицей могущественного царства хеттов: он был расположен слишком близко к «египетской границе», на периферии государства, да и размеры его не подходили к размерам того большого города, каким должна была бы быть, по предположению археологов, хеттская столица. Из египетских и ассирийских источников было известно, что «библейский» город Каркемыш одно время был столицей хеттов. Но столица эта была перенесена из древнего города Хаттусаса. Если Каркемыш можно сравнить с «хеттским Петербургом», то Хаттусас — это «хеттская Москва», находящаяся в сердце страны хеттов. Где же искать ее? Взоры археологов обратились в Малую Азию, туда, где еще в первой половине XIX в. Тексье обнаружил остатки неведомой цивилизации.

Естественно, что раскопки в районе Богазкёя сулили самые богатые открытия. Лучше всех понимал это первооткрыватель «забытого царства хеттов» Арчибальд Сейс. Поэтому он обратился к

знаменитому Генриху Шлиману с предложением начать раскопки. Но Шлимана интересовала культура Эгеиды. мир, воспетый Гомером, — Троя, Микены, Тиринф, Крит, — и он отказался от раскопок. Упорный Сейс не сдавался. После долгих хлопот из Ливерпуля в Малую Азию направилась археологическая экспедиция — турецкие власти дали разрешение на раскопки в Богазкёе... а когда англичане были уже в пути, им сообщили, что исследования им разрешено проводить в Каркемыше. Раскопками в Богазкёе должна была заняться немецкая экспедиция под руководством Гуго Винклера, специалиста по древним письменам Двуречья.

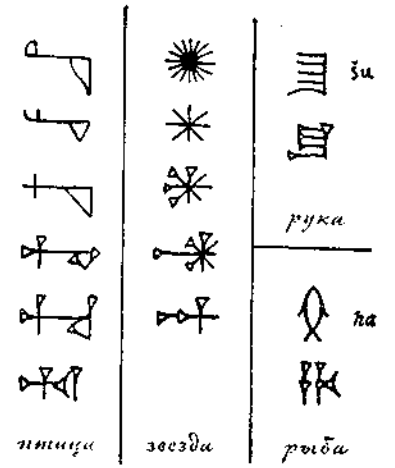
Винклеру посчастливилось сделать открытие, которое, говоря его же словами, «никто не ждал и не рискнул бы даже предвидеть». 20 августа 1906 года «после двадцатидневной работы пробитая в горном отроге брешь продвинулась до стены первого участка. Под ней была найдена прекрасно сохранившаяся табличка, имевшая весьма многообещающий вид. Один взгляд — и вся моя накопленная годами выдержка вылетела в трубу. Передо мной лежало то, о чем (конечно, в шутку) могли мечтать как о даре небес». Табличка была копией знаменитого мирного договора между Рамсесом и Хаттусилисом, текст которого был выбит на стене Карнакского храма. Только на этот раз о мире говорили не египетские иероглифы, а вавилонские клинописные знаки!

«Это была действительно редкая встреча в жизни одного человека: открытие, сделанное некогда при первом вступлении на землю Востока в Египте, нашло свое подтверждение здесь, в сердце Малой Азии. Эта встреча чудесна, как сказочная судьба героев 1001 ночи», — писал Гуго Винклер, пораженный своей находкой.

ТАЙНА ХЕТТСКОГО ЯЗЫКА

Раскопки археологов показали, что именно в Богазкёе находилась когда-то могущественная и великая столица хеттского государства Хаттусас. Развалины большого города, остатки стен, ворот с башнями, развалины пяти дворцов, наконец, богатейший архив, библиотека, состоящая из 20 000 глиняных табличек, были найдены экспедицией Винклера.

Глиняные таблички были испещрены клинописными знаками, а все клинописные знаки восходят к шумерскому рисуночному письму. Ученые читали их, но... понимали не все. Большая часть табличек (в том числе и копия мирного договора с египтянами) была написана на аккадском (вавилонском) языке, хорошо известном востоковедам. Этот язык был на древнем Востоке своего рода «латынью», международным языком дипломатии и науки. Но многие тексты скрывали какой-то другой язык. Какой? Вывод напрашивался сам собой: конечно же, хеттский!



Превращение рисуночных знаков в клинописные

Представьте себе, что вы читаете книгу на неизвестном языке, но написанную русскими буквами. Как понять текст? Самый верный путь — найти родственный «языку икс» язык и с его помощью понять текст. Но какой из известных науке языков был в родстве с хеттским?

Естественно было думать, что им мог быть какой-нибудь из многочисленных и своеобразных языков и наречий Кавказа: ведь именно там прослеживается связь с древними культурами Малой Азии. Но попытки исследователей открыть «кавказским ключом» тайну хеттского языка оказались тщетными.

Но, быть может, удастся найти этот «ключ» среди других языков мира? Один из крупнейших ассириологов конца прошлого — начала нынешнего века, Петер Йенсен, предположил, что хеттский язык родствен армянскому. Но ни ему, ни большому числу его последователей так и не удалось доказать свою правоту. Другие исследователи считали хеттов семитским народом, чей язык родствен древнееврейскому, финикийскому, угаритскому. Предполагалось даже, что язык хеттов близок языкам угро-финнов — венгров, эстонцев, марийцев.

Высказывались и еще более рискованные предположения: хетты зачислялись в родственники японцев, живущих на другом конце великого Азиатского материка. Наконец, появлялись работы, где утверждалось родство языка и культуры хеттов с языком и культурой жителей доколумбовой Америки, создавших самобытные цивилизации: индейцев майя, астеков, инков.

Но все попытки открыть тайну хеттского языка были тщетны.

«Хеттский замок» не поддавался ни армянскому, ни древнееврейскому, ни египетскому, ни японскому, ни астекскому «языку-ключу». И все-таки в конце концов этот «ключ» был найден.

Во время первой мировой войны газеты сообщали не только о событиях на фронтах. «ХЕТТСКИЕ НАДПИСИ РАСШИФРОВАНЫ!» — под таким сенсационным заголовком появились в 1915 году статьи во многих газетах и журналах. И в данном случае это не было очередной газетной уткой. Хеттские надписи были действительно расшифрованы — этот подвиг совершил чешский ученый Бедржих Грозный.

Во время первой мировой войны он был простым полковым писарем в Вене. Его непосредственный начальник, лейтенант А. Камменгрубер, сквозь пальцы смотрел на странные занятия своего подчиненного — за что, впрочем, Бедржих Грозный выразил ему искреннюю благодарность в своей большой работе о хеттских надписях, вышедшей в 1917 году.

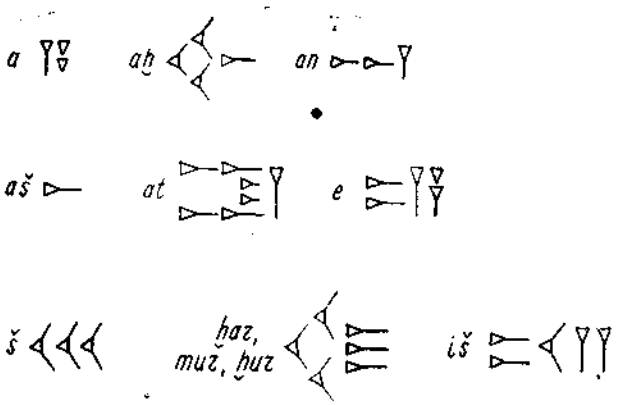
Гениальный чешский дешифровщик родился в 1879 году, в семье священника. В юности он и сам готовился пойти по стопам отца. Но у него был и другой, более сильный интерес — изучение восточных языков. Ими занимался он и в гимназии и на богословском факультете Венского университета.

Увлечение наукой стало сильнее, чем заветы отцов: Грозный становится ученым-ассириологом.

После того как умер Гуго Винклер, Бедржих Грозный вместе с другими молодыми коллегами-ассириологами стал приводить в порядок огромный архив, обнаруженный Винклером в столице хеттов. Эта-то работа и привела его к гениальному открытию. Свои исследования он обобщил в монографии, вышедшей в Лейпциге в 1917 году, под названием «Язык хеттов, его структура и принадлежность к индогерманской семье языков» (у нас эту семью называют «индоевропейской»).

Дешифровка хеттских письмен поставила чешского ученого в один ряд с Шампольоном, разгадавшим тайну египетского письма, и с учеными, проникшими в смысл клинописных знаков Двуречья. К сожалению, Грозного постигла неудача при попытке расшифровать хеттские письмена, написанные не клинописными, а особыми иероглифическими знаками; еще более далеки от истины оказались и его попытки проникнуть в смысл иероглифов Мохенджо-Даро и Хараппы в Индии и письмен острова Крит.

Но, несмотря на эти неудачи, имя Грозного справедливо чтится всеми учеными мира, будь то археологи, историки, лингвисты



Образцы хеттских клинописных знаков (Транскрипция *š* ошибочна, правильно — *še*).

В 30-х годах Б. Грозный посетил нашу страну и потом издал книгу о своей поездке, в которой с большой теплотой писал о советских людях. Умер Б. Грозный в 1952 году в возрасте 73 лет.

Открытие Грозного было настолько неожиданным, что первоначально никто не хотел ему верить: уж слишком простым оказался «язык-ключ» к таинственным письменам исчезнувшего народа.

Сравните сами: хеттское *небис*, что значит 'небо', и русское *небо, небеса;* хеттское *дулуга* 'длинный', 'долгий' и русское *долгий;* хеттское *вадар* 'вода' и русское *вода*; хеттское *хаста* 'кость' и русское слово *кость*; хеттское *эдри* 'еда' и русское *еда*, имеющее тот же корень *эд-*. Или же хеттский глагол *тая-* 'красть' и русский глагол *таить, утаить*; хеттское прилагательное *нева* 'новый' и русское *новый*; хеттское *петар* 'перо' и русское *перо*. Числительное «три» звучало по-хеттски совсем как по-русски: *три* (писалось немного иначе: *тари*).

Выходит, язык таинственных хеттов — родственник русского языка? Да, родственник! И не только русского, но и английского, немецкого, греческого, хинди, древненндийского и других языков, относящихся к индоевропейской семье.

Сравните, например, хеттские слова со словами нескольких индоевропейских языков:

Хеттский	Немецкий	Латинский	Древнеиндийский	Русский
watar	*Wasser*	—	*uda-*	*вода*
ezza-	*essen*	*ada-*	*ed-*	*есть, еда*
petar	*Feder*	*pater*	*patra-*	*перо*
kuis	*wer*	*quis*	*kas*	*кто*
tri	*drei*	*tres, tri*	*tri*	*три*

Еще яснее видна принадлежность хеттского языка к индоевропейской семье, если мы сравним его грамматические формы (самая стойкая часть языка!) с соответствующими грамматическими формами каких-либо индоевропейских языков, например древнеиндийского и древнерусского (или церковнославянского). В таблице, которая приведена ниже, дается спряжение глагола «быть» в 1-м, 2-м и 3-м лице единственного числа. В последнем столбце таблицы спряжение глагола «быть» дано в форме, реконструируемой лингвистами для древнейшего индоевропейского языка, от которого пошли все языки этой семьи:

Хеттский	Древнеиндийский	Древнерусский	Индоевропейский праязык
esmi	*asmi*	*есмь*	**esmi*
essi	*asi*	*еси*	**esi*
eszi	*asti*	*есть*	**esti*

Уже из этой таблицы видно, что хеттский язык весьма близок к «праязыку».

Ранее считалось, что самые древние тексты на индоевропейских языках (естественно, сохранившие самые древние, архаичные черты языка-прапрадеда) дошли до нас в поэмах Гомера, в сборнике древнейших индийских гимнов «Ригведа», сложившемся, как полагает большинство исследователей, в середине II тысячелетия до н. э., т. е. приблизительно 35 веков назад.

Открытие хеттского языка, оказавшегося индоевропейским, позволило ученым проникнуть глубже в «тьму времен» — вплоть до XVIII в. до н. э. (этим временем датируется древнейший хеттский, а вместе с тем и индоевропейский памятник письменности — так называемая надпись царя Аниттаса).

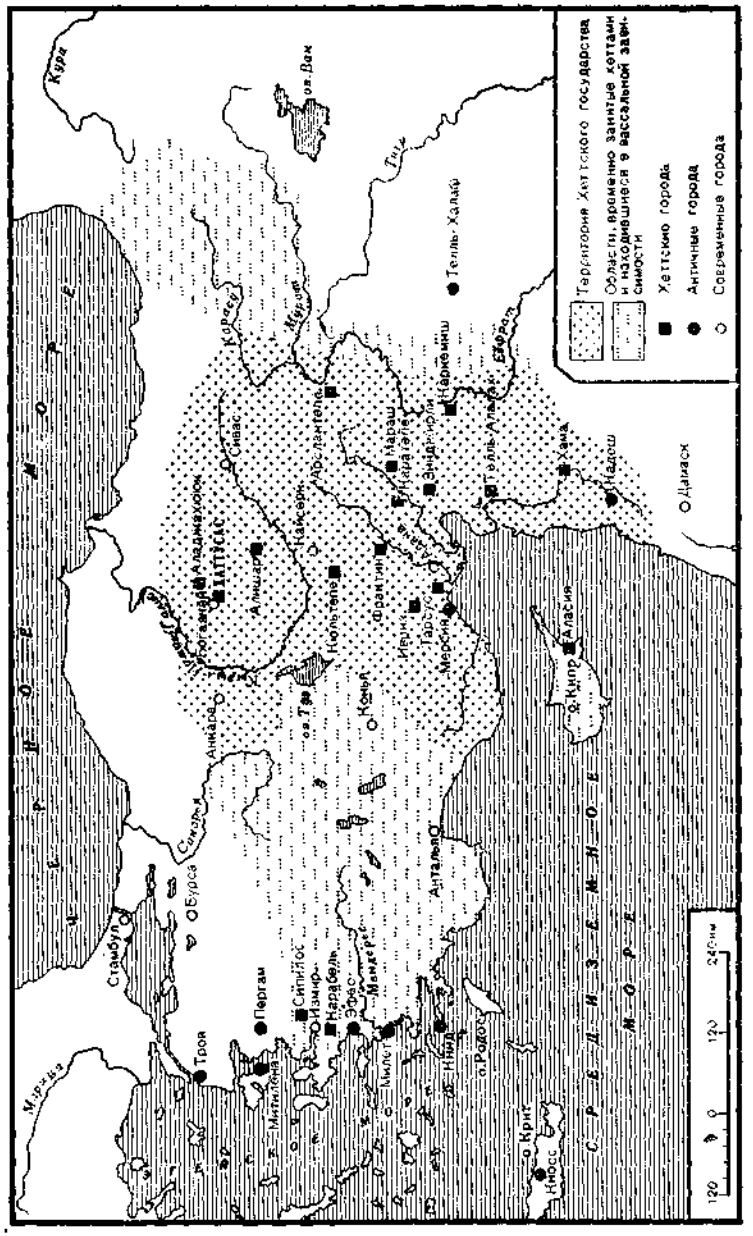
Бедржих Грозный прочитал хеттские тексты, записанные клинописью. Клинописью же были написаны тексты на другом языке, родственном хеттскому, — палайском. Страна Пала, видимо, находилась в северо-восточной части Малой Азии и одно время занимала равное положение с «Хаттусас удне», как называли свою страну хетты. Но под ударами кочевых племен значение страны Палы стало уменьшаться, а сам язык вытесняться хеттским.

Зато значение третьей большой страны, входящей в состав Хеттского государства, — Лувии (она занимала южную часть Малой Азии) постоянно возрастало. Лувийский язык, лувийские тексты вытесняли хеттские — в течение многих лет шла «лувизация» хеттов, хеттский язык пропитывался лувийскими словами и оборотами. Особенно много мы находим их в ритуальных текстах.

Впрочем, хеттам было нетрудно «лувизироваться», так же как и палайцам «хеттизироваться»: все эти три языка Хеттской державы находились в таком же родстве и близости, как, например, русский, украинский и белорусский языки. Работы лингвистов показали, что хеттский, палайский, лувийский языки образуют особую ветвь в индоевропейской семье языков (наряду с германской, славянской, романской, иранской и другими ветвями). Ее называют хетто-лувийской или анатолийской.

АРХИВЫ ХЕТТСКИХ ЦАРЕЙ

Хеттское царство находилось в северной части Малой Азии; восточнее было расположено царство Пала, на юге — Лувия. Все три государства существовали уже в XVI в. до н. э. — именно в это время составлялись хеттские законы, хорошо известные сегодня и историкам и языковедам. В законах отражено уже отцовское пра-



Хеттская держава в середине II тысячелетия до н. э.

во (наследство переходит к сыну и т. д.), тогда как в автобиографиях царей еще видим следы материнского права, по которому, например, царская власть передавалась сыну сестры царя, а не сыну самого царя. (Интересно, что даже в надписях на позднехеттских языках при перечислении родителей вначале обычно упоминается мать или бабка, а затем — отец или дед.)

В законах в качестве денежной единицы упоминается «овца» — это очень интересно в связи с тем, что и в ликийских текстах[1] в качестве суммы штрафа называется «50 быков и 50 овец» (возможно, речь идет именно о быках и овцах; сравним хеттскую формулу жертвоприношения «1 бык, 1 овца» и т. д., но, с другой стороны, в ликийских формулах штрафа — за повреждение гробниц и т. д. — обычно называются деньги, а не животные).

Многие хеттские законы касаются земельных отношений и торговых операций. Законы охраняли личную собственность, к которой, в частности, относились рабы и домашние животные.

Многие законы были изменены царем Телепинусом (этому имени, очевидно, родственно «догреческое» Дельфинус), который известен, в частности, тем, что предоставил панкусу (законодательному собранию[2]) право судить царя, который задумает угрожать жизни своих родственников. Именно Телепинус установил нормы наследования в соответствии с отцовским правом. Телепинус вводит возмещение за убитого. Раньше за убийство предусматривалась только кровная месть. Телепинус смягчил меру наказаний за некоторые преступления (хеттские законы характеризуются разработанной системой штрафов за те или иные проступки). Вообще, законы при Телепинусе в гораздо большем числе случаев, чем раньше, предусматривали материальные штрафы в пользу пострадавшего или его близких, а не казнь или телесные наказания.

Интересны автобиографии царей, описания их деяний. Очень древняя надпись[3] принадлежит царю Аниттасу, который жил в начале II тысячелетия до н. э. Аниттас был завоевателем Хаттусаса, ставшего впоследствии столицей Хеттского царства. Он же завоевал город Несас, по имени этого города хетты дали назва-

[1] Ликийский язык — потомок одного из западнолувийских диалектов. О языках — потомках хеттского и лувийского мы расскажем в главах «Малые хетты», «Последний из могикан».

[2] Телепинус возродил права панкуса — собрания, в состав которого входили свободные воины. Панкус возник в эпоху патриархального строя. В связи с усилением царской власти роль панкуса постепенно сводилась на нет. Слово *панкус*, видимо, произносилось [бангус] — оно восходит к индоевропейскому корню **бхенгх-*, обозначающему большое количество чего-нибудь.

[3] Большинство древнейших надписей дошло до нас в виде копий, содержащихся в надписях позднего времени.

ние своему языку — *несили;* поэтому и у нас иногда употребляется термин «неситский». Кстати, очевидно, названия *Несас* и *Канесас (Канес)* — это не названия двух разных городов, а варианты названия одного и того же города: *Канесас* — так пишется в клинописи, а произносится, вероятно, [гнесас]; отсюда уже близко до *Несас*; ср. английское написание *know* 'знать' при произношении [nou]; кстати, *гнес-* по-хеттски тоже значит 'знать'. Канес был центром староассирийских колоний в Малой Азии.

В надписи Аниттаса содержится запрещение нарушать слово царя (те же запреты встречаются и в более поздних текстах), заселять разрушенный город; здесь же сообщается о строительстве, которое вел царь.

Драматично звучит завещание Хаттусилиса I (XVIII в. до н. э.), написанное на хеттском и аккадском языках [1]. (Кстати, имя Хаттусилис происходит от названия города и страны хеттов Хаттусас.) Он выступил против материнского права наследования, согласно которому царем становился не сын царя, а сын сестры царя. В завещании царь обращается к панкусу и призывает беречь царевича в военных походах («если вы его с собой в поход уведете, то вы целым его назад приведите»). Он призывает избавиться от междоусобиц, призывает к объединению всех членов рода («пусть род мой будет единым, как волчий род»). Так в древние времена предводитель племени обращался к своим соплеменникам. Таким образом, власть хеттского царя не была безграничной, хотя, разумеется, роль «собрания» не была столь значительной, как при родо-племенном строе.

В завещании Хаттусилиса много места посвящено изложению обязанностей будущего царя и его подданных.

Очень интересны анналы Мурсилиса II, сына хеттского царя Суппилулиумаса (это имя значит «происходящий от чистого источника»), относящиеся к XIV в. до н. э.

[1] Грозный не имел в своем распоряжении этого двуязычного текста, когда он занимался расшифровкой хеттских надписей. «Завещание Хаттусилиса» подтвердило правильность дешифровки Грозного. Полный текст этого завещания в переводе Вяч. В. Иванова приведен в книге В. Замаровского «Тайны хеттов» (М., 1968, стр. 267—272).

Мурсилис пишет о своей борьбе за восстановление сильной хеттской державы, за утверждение своего военного могущества. Много места он посвящает описанию религиозных церемоний. Мурсилис упоминает о разных народах, соседях хеттов, например о воинственных каскех, доставивших хеттам много неприятностей.

Интересны молитвы Мурсилиса II, в частности молитва об избавлении от мора, очевидно чумы, вспыхнувшей в годы его правления в Хеттском царстве. Обращаясь к богам, Мурсилис говорит о том, что на страну Хатти (царство хеттов) обрушилась болезнь и страна Хатти очень пострадала от этой болезни. «Вот уж и отца моего и брата моего настигла смерть, — пишет Мурсилис. — Для чего же меня сделали жрецом, если и моих близких настигает смерть?» Далее он говорит, что уже много лет смерть сеет опустошение в стране Хатти. «Это я, Мурсилис, жрец и слуга ваш, творю молитву, — пишет царь. — Услышьте меня, о боги, мои владыки! Снимите тяжесть с моего сердца и избавьте от тревоги мою душу. Уберите болезнь из страны Хатти и нашлите ее на страну врагов. Пусть страна Хатти станет здоровой». Далее царь говорит, что если боги не «уберут болезнь» из страны хеттов, то умрут те, кто совершает приношения из хлеба и вина (имеются в виду жрецы). И так как некому будет совершать приношения, то хлеб и вино невозможно будет приносить в дары богам и тогда боги спросят царя: «Почему не приносишь нам в дар хлеба и вина?». Кончается молитва новым призывом к богам изгнать мор из страны Хатти и сделать так, чтобы место смерти заступила жизнь, чтобы в стране Хатти все стало таким же, как было в давние времена.

Молитва эта интересна во многих отношениях. Из нее видно, что боги воспринимались в древности как люди. Царь же во многом наивен: он не думает о том, что погибнут земледельцы и виноделы, он заботится лишь о том, чтобы не погибли жрецы, которые совершают жертвоприношения богам. В то же время молитва поражает своим драматизмом.

Мурсилису II принадлежит рассказ о том, как после сильного раската грома он лишился дара речи; понятно, что и здесь Мурсилис причину своего заболевания приписывает богам и совершает приношения богам, чтобы те восстановили его речь. Это древнейшее сообщение об афазии — речевом расстройстве.

Из молитв хеттских царей и из описания различных хеттских ритуалов можно составить себе некоторое представление о религии хеттов.

Хеттский царь был одновременно верховным жрецом богов, которых у хеттов было довольно много (свыше тысячи). Если царь не был жрецом до вступления на престол, то он становился им, принимая царство. Большое значение придавалось жертвенным обрядам: в пользу богов совершались приношения пищи и возлияния масла и вина. Именно царь выступал в качестве жреца при жертвоприношениях во время больших ритуальных обрядов. В связи с этими обрядами интересна формула «царь пьет бога (божество)»; точный смысл ее неясен.

У хеттов были различные религиозные праздники, причем многие из них перешли к хеттам от хаттов — автохтонного населения

Северо-Восточной Анатолии. Одним из таких праздников был «праздник земли» — *пурулли* или *вурулли* (от протохеттского слова *фур* 'земля'). Во время этого праздника воздавались хвалы Лельвангису — богу подземного царства.

В хеттских ритуалах в качестве одного из главных богов выступает Тархунт — бог грозы (позднее это имя стало обозначением бога). Имя Тархунт происходит от индоевропейского глагола **терх-* 'преодолевать', 'побеждать'.

Интересно, что в хеттских религиозных текстах, в законах, в автобиографиях царей — всюду мы сталкиваемся с пережитками материнского права, матриархата.

Важное место в хеттском пантеоне занимала богиня солнца Аринна. К ней обращаются в своих молитвах хеттские цари. Почиталась и хаттская богиня Хебат.

Одним из ритуальных обрядов был «обход» или «объезд» (*нундариясхас* от глагола *нунтарну-* 'быстро делать, спешить', сохранившийся в карийском[1] в форме *нодрн*, — глагол этот использовался в ритуальном значении). Осенью царь объезжал разные города — «спешил» из города в город, совершая в каждом из них жертвоприношения.

Царская власть считалась богоданной. Царь рассматривался как наместник бога на земле. В одной из глиняных клинописных табличек говорится: «Сделай царя Табарнаса хорошим богом. Страна принадлежит богу грозы, небо и земля вместе с людьми принадлежат богу грозы. И он сделал царя Лабарнаса своим помощником и отдал ему всю страну Хаттусас. Лабарнас держит управление страной в своих руках. Того, кто слишком близко подойдет к особе или к собственности Лабарнаса, того бог грозы уничтожит». (*Табарнас* и *Лабарнас* — варианты одного и того же имени.)

ИЕРОГЛИФЫ АНАТОЛИИ

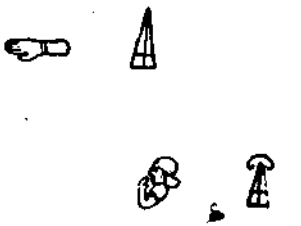
Документы архива хеттской столицы были написаны клинописью. Но кроме них существовали еще и надписи, сделанные иероглифами, не похожими на египетские, или на критские, или же шумерские. Какой язык скрывают они?

Бедржиху Грозному не нужно было дешифровать систему письма — ему нужно было определить, какой язык скрывается за клинописными знаками. С иероглифами Малой Азии дело обстояло гораздо сложней — и язык и само письмо были неизвестны.

Разгадывать тайну иероглифов пришлось многим поколениям ученых — дешифровка продолжалась целое столетие. Первым попытку прочитать загадочные письмена предпринял Сейс.

[1] Один из позднехеттских языков — см. главу «Последний из могикан».

Почти сто лет назад Сейс предположил, что загадочные письмена, которые находили (и продолжают находить до сих пор!) в Малой Азии, принадлежат хеттам.



Образцы лувийских иероглифов

Попытка Сейса прочесть иероглифы потерпела неудачу. И не только его одного — на протяжении шести десятков лет были тщетны попытки проникнуть в смысл загадочных знаков Малой Азии. И только в 30-х годах нашего века наметился реальный сдвиг в изучении этих письмен. Чех Грозный, американец Гельб, немец Фридрих, итальянец Мериджи — вот далеко не полный список ученых, принимавших участие в дешифровке иероглифов.

Ученым удалось найти иероглиф, который означал слово «сын». А с помощью его — и родословную хеттских царей. Во многих надписях древнего Востока часто фигурирует проклятие тем, кто посмеет повредить или разрушить надпись. Определить эту «формулу проклятия» удалось и в иероглифике Анатолии. Сделав это, исследователи смогли судить уже о строе предложения. Удалось найти и чтение одного из глаголов — «делать». А это помогло затем определить, какой язык скрывают иероглифы. Кроме того, шаг за шагом в текстах были найдены географические названия, имена богов и царей.

Печать Тархумуваса — клинописно-иероглифическая билингва. Эта печать послужила отправным пунктом дешифровки иероглифического лувийского письма

В конце 30-х годов ученые продвинулись настолько, что нашли чтение целого ряда знаков, которые передавали слоги, — значит, смогли прочесть некоторые части текста. Удалось установить формы спряжения и склонения. Но окончательно раскрыть тайну иероглифов помогла счас-

тливая находка археологов. В 1947 году немецкий ученый Хельмут Боссерт обнаружил надписи, сделанные иероглифами и финикийскими письменами (которые свободно читают востоковеды). И содержание обеих частей надписей — иероглифической и финикийской — совпадало!

После этой замечательной находки дешифровка иероглифов двинулась семимильными шагами. Причем, к великой радости ученых, чтения знаков и грамматика, установленные раньше только на основе самих текстов, в основном подтвердились. Билингва, двуязычная надпись, явилась, таким образом, не началом дешифровки (как Розеттский камень для Шампольона), а ее подтверждением и завершением.

Иероглифический лувийский текст на печати Тархумуваса: «Тархумувас — царь страны Мира»

На каком же языке были сделаны иероглифические надписи? Оказалось, также на индоевропейском. Правда, он несколько отличался от хеттского: ближе всего к нему стоит лувийский язык. Вот почему правильно называть иероглифические тексты не хеттскими, а лувийскими.

ЗНАКИ И ЯЗЫКИ

Находка билингвы окончательно подтвердила, что ученые, целое столетие штурмовавшие хеттскую твердыню, были на правильном пути. И все же нельзя считать, что мы проникли до конца в тайну лувийских иероглифических текстов. Напротив, решение их загадки и по сей день остается одной из увлекательнейших проблем востоковедения.

Главная трудность расшифровки наиболее древних иероглифических надписей — в их краткости. Это коротенькие, в несколько знаков, тексты на печатях и монументальные надписи, также очень короткие. А подавляющее большинство древних иероглифических текстов, по всей вероятности, навсегда утеряно для нас. Откуда мы это знаем? Из самих же хеттских документов. Так, в одном из хеттских клинописных текстов встречается выражение, которое мы можем перевести так: «согласно подлиннику, сообразно с иероглифическим текстом». Это означает, что многие иероглифические тексты переводились, дублировались на более понятную и удобную для чтения клинопись. Но не только легкость клинописи была причиной такого дублирования. Основным писчим материалом, «бумагой» хеттов было дерево. Писцы, пишущие на деревянных дощечках, упоминаются в документах из знаменитого богазкёйского архива, где речь идет и о «доме писцов, пишущих на дереве», и о «деревянных табличках с иероглифическим текстом». Дерево же материал недолговечный, и все (или почти все) записи на нем, сделанные в хеттском государстве, очевидно, погибли. И не только по вине времени.

В одном из документов хеттского правителя Мурсилиса II упоминается о сожжении иероглифических надписей на дереве. Весьма вероятно, что сожжение это было связано с борьбой отдельных хеттских провинций между собой, а быть может, и борьбой двух различных школ письма: клинописной и иероглифической.

Когда же возникло иероглифическое письмо в Анатолии? И каким образом? Самобытный характер знаков убеждает нас в том, что ни Египет, ни Двуречье не были теми районами, откуда было заимствовано иероглифическое письмо Анатолии. Многие знаки иероглифики имеют сходство с различными священными символами, обнаруженными на древних памятниках Малой Азии, относящихся к III тысячелетию до н. э. Новое доказательство самостоятельного происхождения анатолийского письма!

Почти 90% всех дошедших до нас клинописных текстов из архива Богазкёя написано на хеттском языке. Мы уже говорили, что кроме хеттского употреблялись еще два языка, также относящихся к анатолийской ветви индоевропейских языков, — лувийский и палайский. Но, более внимательно изучив архивы хеттской столицы, лингвисты с удивлением обнаружили, что в них есть тексты, написанные на языках, не имеющих родства ни с хеттским, ни с лувийским, ни с палайским, ни вообще с каким-либо индоевропейским языком. Таким языком был прежде всего язык могущественного государства Митанни, соперничавшего с хеттским царством, — язык хурритов.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Страна хурритов занимала очень выгодное географическое положение: она находилась между Сирией, Южным Двуречьем и Малой Азией. В начале II тысячелетия до н. э. разрозненные племена объединяются в единое государство, которое вскоре становится грозным соперником Египта, Ассирии и Хеттской державы. Хурриты захватывают даже Сирию и Палестину, давнее «яблоко раздора» между египтянами и хеттами. Под их власть попадают крупнейшие города Ассирии — Ниневия и Ассур. Этими успехами хурриты обязаны прежде всего своим боевым колесницам, неведомым дотоле ни хеттам, ни ассирийцам, ни египтянам.

В XV в. до н. э. хурритский царь Тушратта, заручившись поддержкой египетского фараона, начинает теснить хеттов. Но хитрый политик, хеттский царь Суппилулиумас в конце концов одерживает победу над хурритами. Тушратта был убит в результате дворцового заговора. Ассирийцы, сбросив власть хурритов, обрушиваются на своих поработителей, и, как сообщают архивы хеттской столицы, найденные Винклером, «страна Митанни совершенно погибла».

Царь хеттов Суппилулиумас, по свидетельству тех же архивов, «взял Маттивазу, сына царя Тушратты, за руку и возвел его на трон. Чтобы страна Митанни, великая страна, не погибла, великий царь призвал ее к жизни ради своей дочери. Маттивазу взял за руку и дал ему свою дочь в жены». С этой поры хурритское государство становится вассалом хеттов, а позже вообще перестает существовать как самостоятельное государство. Некогда могущественное царство Митанни распадается на ряд мелких царств, всецело зависящих от своих могучих соседей — Ассирии и страны хеттов.

Хурритский язык не имеет близкого родства ни с индоевропейскими языками, ни с семитскими — аккадским и другими, он не родствен языку древнейших обитателей Двуречья — шумерскому. И все-таки у хурритов оказался «родственник» — язык государства Урарту, древнейшего государства на территории нашей страны. «Уже давно были отмечены некоторые факты близости между этими языками, — пишет известный знаток урартского языка советский языковед Г. А. Меликишвили. — Но лишь в последнее время, благодаря значительному прогрессу в деле изучения этих языков, вопрос о несомненном родстве урартского языка с хурритским стал на твердую основу».

Судите сами, насколько близки эти языки: по-урартски и по-хурритски одинаково звучат слова «давать» (*ар*), «другой» (*ули*), «дар, подарок» (*таше*), «воин» (*хурати*) и ряд других. Общими являются также многие грамматические элементы языка, а они говорят о родстве гораздо убедительнее, чем совпадения лексики (слова могут заимствоваться, грамматические же показатели — самая устойчивая часть языка, его «скелет»).

Среди многочисленных хеттских текстов изредка встречались и краткие записи на языке, не имеющем ничего общего ни с анатолийскими языками, ни с хурритским. Как правило, они сопровождались переводом на хеттский, и, таким образом, исследователи имели и билингву, что облегчило интерпретацию этого неизвестного языка. Например, по-хеттски «злой» звучит *идалус*, а на языке, который именовался хаттили, т. е. хаттский, «злой» будет *ишгару* или *исгару*; хеттскому *лингаис* 'клятва' соответствовало хаттское *элами* и т. д. Резкие различия наблюдались и в строе языка, в его грамматике. В языке хеттов грамматические отношения выражались в основном с помощью суффиксов и окончаний (как, например, и в русском языке), тогда как в хаттском языке преобладали префиксы (приставки).

Кем же были носители хаттского языка? Зачем понадобилось хеттам делать записи на языке хаттов? Ответить на этот вопрос помогла одна историческая параллель. Дело в том, что при раскопках древнего Вавилона также были найдены тексты на языке, не имевшем ничего общего с языком вавилонян. Это были религиозные тексты. Они содержали заклятия, космогонические мифы. Ученые увидели в них отзвук древнейшей культуры, которую усвоили вавилоняне. Носителями этой культуры были — шумеры. Для вавилонян шумерский язык стал языком религии и культуры. Шумерский язык изучался в вавилонских школах: ученые нашли даже шумеро-вавилонские словари.

Вавилонские глиняные книги давали текст по-шумерски, а затем его перевод на вавилонский (аккадский) язык. Точно так же в глиняных книгах хеттов сначала шел текст на хаттском языке, а затем его перевод на хеттский. Совпадала в основном и тематика вавилонских и хеттских текстов — они были ритуальными, обрядовыми (как правило, хаттские тексты посвящены главным богам царства хеттов — богине солнца Аринне и ее супругу, богу грозы). Стало ясно, что в Малой Азии до хеттов жил народ, создавший древнюю цивилизацию, подобно тому как это было в Двуречье до вавилонян. Племена хеттов восприняли и развили культуру своих предшественников, коренных обитателей страны.

Получается, таким образом, что само название *хетты* — не хеттское. Это название идентично по происхождению названию хаттов — предшественников хеттов. Хетты же называли себя неситами — по имени города Несас, самой древней своей столицы. (Хаттов ученые называют также протохаттами или протохеттами — в отличие от хеттов-неситов.) Основы земледельческой техники, умение плавить железо и многие другие культурные навыки были усвоены хеттами от их предшественников — хаттов. От древних хаттов хетты переняли многие религиозные обычаи и включили в свой пантеон хаттских богов. В хеттских религиозных текстах и художественных рельефах часто изображается сражение богов со змием — этот миф не хеттского, а местного, хаттского происхождения.

Язык хаттов оказал глубочайшее воздействие на язык хеттов, лувийцев и, возможно, на другие языки древней Малой Азии [1]. Не только множество культурных терминов, но вообще более половины хеттских слов, дошедших до нас, надо считать хаттскими по происхождению.

Кем были хатты? В последние годы лингвисты все чаще говорят о сходстве языка хаттов с языком жителей Кавказа. Так, например, в хаттском языке имелся префикс *ле-*, служивший показателем множественного числа (префикс, а не суффикс, как в большинстве индоевропейских языков, в том числе и анатолийских). В языке сванов, жителей Кавказа, имеется архаичный префикс множественного числа *ла-*, который может быть просто осколком языка хаттов или родственного хаттскому языку. Глагольная система хаттского имеет большое сходство с глагольной системой, существующей в грузинском языке (родственном сванскому).

Особенно значительно сходство хаттского языка с абхазо-адыгскими языками Западного Кавказа — адыгейским, кабардинским, черкесским, абхазским и другими. В хаттском есть префиксы *и-* и *уа-*, выполняющие функции артикля. В абхазском языке существуют местоименные префиксы *и-* и *у-*, близкие как по значению, так и по звучанию. Не только в лексике, но и в морфологии имеются черты сходства хаттского и кавказских языков.

Что это: черты глубокого древнего родства хаттов и кавказцев? Или же просто доказательство того, что хаттский язык прошел сквозь «языковой фильтр» народов Кавказа и поэтому имеет общие черты с кавказскими языками? Трудно ответить на этот вопрос с уверенностью: ведь дошедшие до нас тексты на хаттском языке очень скудны, к тому же история языков Кавказа недостаточно еще изучена лингвистами. Пока что ясно одно: между хаттами, предшественниками хеттов, и кавказцами существовали либо длительные контакты, либо родство (если родство имелось, то скорее всего между хаттским и абхазо-адыгскими языками).

Ряд ученых считают, что предки абхазов и адыгов заселяли прежде и территорию Малой Азии, откуда они были впоследствии вытеснены. Другие ученые, напротив, считают, что в III тысячелетии до н. э. местное население Кавказа (о котором сохранились легенды в абхазском фольклоре как о народе «ацанов») подвергалось завоеванию хаттами, пришедшими из Малой Азии.

[1] В хетто-лувийских языках (во всяком случае, в хеттском и ликийском) обнаруживается «гармония гласных» хаттского типа (см. стр. 63, прим. 1).

Хаттский язык поставил интересные проблемы не только перед лингвистами, но и перед археологами. По данным археологических раскопок, в III тысячелетии до н. э. в Анатолии появился новый тип керамики. Но появился он в стороне от мест распространения хеттской культуры; кроме того, этот новый тип не уничтожил старый, а продолжал сосуществовать с ним. От каменного века до возникновения и расцвета хеттской цивилизации шло непрерывное развитие культуры. Так говорит археология. А лингвисты утверждают следующее: на территории Малой Азии не позже II тысячелетия до н. э. существовали языки, не имеющие друг с другом общих черт, — анатолийские (индоевропейские) и хаттский.

В чем же дело? К решению этой загадки вновь можно привлечь аналогию с древним Двуречьем. Когда кочевые племена, предки вавилонян, пришли в страну шумеров, это было не внезапное вторжение и завоевание (подобное, например, монгольскому нашествию или походам крестоносцев), а длительный и постепенный процесс. Капля за каплей, племя за племенем оседали предки вавилонян в стране шумеров, их становилось все больше — и все больше шумерский язык вытеснялся языком пришельцев, отходил на второй план, пока наконец не превратился в язык жрецов, в священный язык вавилонской религии.

Логично предположить, что такой же процесс проходил не только в Двуречье, но и на территории древней Анатолии. Носители анатолийских языков проникли на территорию хаттов не как варвары, сметавшие на своем пути все традиции, всю местную культуру, а постепенно просачиваясь в гущу местного, более цивили-

зованного населения, смешиваясь и скрещиваясь с ним. Неясно только, с какой именно территории пришли хетты на свою новую родину.

Шумерские культурные, религиозные и хозяйственные термины, названия богов и другие слова вошли в язык вавилонян. Точно так же и в хеттском, лувийском, палайском языках имеется большое число хаттских слов.

ОТКУДА ВСТАВАЛО СОЛНЦЕ?

Хетты, говорящие на языке индоевропейской семьи, пришли в Центральную Анатолию, где вступили во взаимодействие с коренным населением — хаттами.

Откуда же пришли хетты (если они не жили испокон веков в Малой Азии)? Шли ли они с севера, с Балкан, в Малую Азию? Или пришли в Малую Азию через Кавказ? Из степей нашего Причерноморья? В древних палайских молитвах говорится о солнце, встающем из-за моря. Но из-за какого моря? Образ солнца, встающего из-за моря, не мог возникнуть в Малой Азии — здесь не было моря на востоке. Быть может, это Каспийское или Черное море? Трудно ответить на этот вопрос. Ясно лишь, что уже к началу II тысячелетия до н. э. хаттский язык был вытеснен анатолийскими языками, а это значит, что хетты заняли главенствующее положение в Малой Азии уже четыре тысячи лет назад! Значит, приход их относится к еще более давним временам, а поэтому в хеттских текстах нет прямых указаний о переселении в Малую Азию: это событие было седой стариной даже в 1700—1500 гг. до н. э.

Впрочем, многие исследователи полагают, что рассказ о переселении в Анатолию отсутствует в текстах не потому, что это событие было забыто к тому времени потомками. Просто-напросто хеттам было нечего забывать — они всегда находились в Малой Азии. Хатты занимали северную и центральную часть Анатолии, а хетты, верней, их ближайшие родственники лувийцы — южную. Ведь уже в глубокой древности они обитали на всем протяжении Южной Анатолии, а кроме того, жили там, где теперь расположена Сирия (точнее, ее северная часть). Писали «сирийские» лувийцы не клинописью, а иероглифическим письмом.

Откуда же пришли лувийцы «к себе»?

На этот счет нет единого мнения. Некоторые считают, что лувийцы пришли в Малую Азию независимо от хеттов. Однако едва ли это так — слишком близки между собой языки хеттов и лувийцев. Очевидно, лувийцы никогда не «отрывались» от хеттов. Другие исследователи думают, что лувийцы и хетты (вернее, предки тех и других — хетто-лувийцы) пришли в Малую Азию через Кавказ. И эта гипотеза не находит четкого подтверждения. Наконец, многие ученые думают, что хетто-лувийцы «спустились» в Малую Азию с севера Балкан. Эта гипотеза интересна: в соответствии с ней хетто-лувийцы жили в глубокой древности на более западных территориях. Действительно, на Крите и в материковой Греции встречаются древние географические названия хетто-лувийского происхождения. Но ведь и проходя через Кавказ, хетто-лувийцы могли докатиться в своем движении на запад до той территории, которая позднее стала греческой. Наконец, хетто-лувийцы могли сформироваться как народность именно в Малой Азии, затем проникнуть через Босфор на Балканы, чтобы потом вернуться в Малую Азию.

Лувийцев нельзя отрывать от других народов, говорящих на анатолийских языках, — хеттов и палайцев. Однако это не значит, что все предки лувийцев были именно хетто-лувийцами (или, во всяком случае, индоевропейцами). Скорее всего, коренное — неиндоевропейское! — население Малой Азии постепенно перешло на язык пришельцев (возможно, немногочисленных), постепенно забыв свой язык. А еще позднее потомки этих хетто-лувийцев переняли язык греков, отказавшись от своего (греков же было не так много, да и жили они в основном на побережье; но их культура была выше, и ее принимали вместе с языком).

Чем дальше в глубь веков, тем менее достоверны гипотезы, тем разнообразнее точки зрения. Кто обитал в Малой Азии до хеттов? Ведь в Анатолии совсем недавно были открыты поселения, которые, быть может, являются самыми древними на нашей планете!

ДЖЕЙМС МЕЛААРТ НАЧИНАЕТ РАСКОПКИ

В 1956 году молодой ученый Джеймс Мелаарт начал раскопки небольшого — около 150 *м* в диаметре и 5 *м* высоты — холма Хасилар на юге Анатолии. Пятиметро-

вая высота холма, казалось, говорила о том, что древность поселения, находившегося под землей, не очень велика. Это было вполне вероятно: все специалисты сходились на том, что в Малой Азии период «неолитической революции» наступил гораздо позже, чем в Двуречье, Палестине, Туркмении, где возраст первых поселений насчитывал 80—90 веков. А в Анатолии первые поселения относились к III или концу IV тысячелетия до н. э., т. е. были на добрые 40 веков моложе.

Мелаарт начал раскопки холма Хасилар... И сразу же выяснилось, что небольшая высота холма отнюдь не говорит о молодости поселения. Его центр, который, казалось бы, должен постоянно подниматься с течением времени, на самом деле просто переносился в сторону. Сгорит селение от пожара — отстроенные заново дома ставят не точно на месте сгоревших, а немного в стороне от пожарища и т. д. Таким образом, культурные слои Хасилара не залегали прямо друг на друге, а образовывали своеобразную «лесенку», напоминая кирпичную кладку: каждый последующий кирпич лишь частично перекрывал предшествующий.

Три тысячи лет до нашей эры... четыре тысячи лет... четыре тысячи семьсот пятьдесят — возраст наиболее хорошо сохранившегося слоя. Считавшийся ранее «предел древности» перекрыт почти на тысячелетие! А ведь культурные слои далеко еще не исчерпаны.

VII тысячелетие до н. э. — таков был возраст древнейшего слоя холма Хасилар. Возраст, совпадающий с возрастом селения Анау в Туркмении, Джармо в Иране, Иерихона в Палестине, с возрастом древнейших поселений в долине Тигра и Евфрата. Юг Анатолии, как показали раскопки Мелаарта, входит в тот район, где впервые на нашей планете появились постоянные поселения (археологи до сих пор не решили — можно ли называть их городами или нет), где родилось оседлое земледелие и скотоводство — фундамент всех цивилизаций древнего мира.

В Хасиларе была найдена целая коллекция статуэток, сделанных из обожженной и необожженной глины. Они изображают женщин, стоящих или сидящих с детьми на руках и лежащих на боку или на спине. Свободные позы женщин переданы древними художниками с большим мастерством и выразительностью.

Есть среди хасиларской коллекции и «парные» композиции, например одна из статуэток изображает женщину, сидящую на леопарде (который был для хасиларцев священным животным), другая — молодую женщину в объятиях юноши, третья — женщину, держащую детеныша какого-то животного, скорее всего молодого леопарда. Мастерству выполнения этих статуэток не уступает мастерство, с которым выполнены сосуды в виде оленя, кабана, птицы. А другие сосуды украшены налепными изображениями головы быка, собаки, оленя.

Художественное мастерство обитателей Хасилара достигло высокого уровня. Но подлинные шедевры первобытного искусства были найдены тем же Мелаартом не в Хасиларе, а в другом месте Южной Анатолии.

ОТКРЫТИЕ ЧАТАЛ-ХЮЮКА

В двухстах тридцати километрах к югу от Хасилара и в ста километрах от Средиземного моря Мелаарт начал раскопки древнего поселения, расположенного на горе Чатал-Хююк. И здесь результаты превзошли все ожидания.

«На второй день раскопок, — пишет Мелаарт, — в нашей первой траншее появилась стена, покрытая белой обмазкой. Один из наших рабочих толкнул ее, и часть облицовки упала, обнаружив поверхность, покрытую красной обмазкой. Присмотревшись, мы убедились, что это часть туловища какого-то нарисованного красной краской животного на розовато-белом фоне». Фрески, чей возраст равен 80 векам, древнейшие в мире настенные росписи! Трудно представить более важное открытие для истории искусства.

Поселение располагалось на склоне горы Чатал-Хююк и было обнесено стеной. Внутрь селения можно было попасть только через одни ворота. Но и тогда, чтобы проникнуть в дом, нужно было... взобраться на его крышу. Двери в домах отсутствовали, отсутствовали в селении и улицы. Жилища Чатал-Хююка тесно прилепились друг к другу крышами, и эти крыши служили мостовыми и тротуарами для жителей. Деревянная лестница соединяла крышу с внутренностью дома.

В домах не было мебели: глинобитные возвышения заменяли и столы, и кровати, и стулья, и рабочее место. Пол покрывался соломенными циновками. Под полом, а не на кладбище хоронили жители Чатал-Хююка своих умерших сородичей.

Овцы, козы, коровы, свиньи — всех этих домашних животных

разводили чатал-хююкцы девять тысяч лет назад; на своих полях они сеяли ячмень, пшеницу, горох, чечевицу.

Посудой им служили изделия из костей и дерева, очень редко — из камня. Затем их начала сменять глиняная посуда, первоначально подражавшая по форме деревянной и костяной; металлы — будь это свинец, олово, железо, медь, золото — не употреблялись: все орудия труда изготовлялись из камня. И все-таки металлы были знакомы населению Чатал-Хююка! Только не как материал для орудий, а как материал для украшений; бусы делались порой из меди или свинца. Впрочем, на изготовление бус шли самые разнообразные материалы — кабаньи клыки и яшма, раковины и мел, уголь и апатит, алебастр и красная охра, кости и зубы зверей и разноцветный — серый, зеленый, голубой, красный, черный — известняк.

В плотном кольце домов Мелаарт обнаружил более двадцати строений, которые ни по своим размерам, ни по внутреннему убранству никак не могли служить жилищами людей. Тщательно изучив эти строения, Мелаарт пришел к выводу, что они являются святилищами, вокруг которых располагались жилища жрецов.

О культовом назначении зданий *лучше всего* говорят произведения искусства, украшавшие их стены, а также найденные внутри помещений. Кроме древнейших в мире фресок Мелаарт обнаружил глиняные, алебастровые и каменные статуэтки небольшого размера и вылепленные из глины, а затем ярко раскрашенные рельефы — также древнейшие в мире. Все произведения искусства объединяла общая тематика.

Большинство изображений было посвящено женщине. По всей видимости, это покровительница земледелия, повелительница природы, богиня плодородия. Великая мать, известная позднее в Малой Азии под именами Ма, Нана, Кибела, Иштар, Астарта, Артемида, Атаргатис, Рея. Греки, жившие в Малой Азии, хетты и их предшественники, хатты, — все они почитали верховной богиней Великую мать. Раскопки Мелаарта показывают, что культ ее восходит к временам Чатал-Хююка, т. е. к VII тысячелетию до н. э. Чатал-хююкские художники изображали ее либо беременной, либо сидящей в почетном окружении животных, символов природы.

Гораздо реже встречаются изображения мужчины. Вероятно, это — супруг Великой Богини (в Малой Азии спустя тысячелетия хетты почитали его под именем Телепинус, для фригийцев — это Аттис, для греков — Дионис, для сирийцев — Адонис, для жителей Двуречья — Таммуз). Скорей всего, супруг Великой Богини земледелия почитался как бог скотоводства — символическим воплощением его был могучий бык. Недаром на стенах святилища Мелаарт обнаружил огромные бычьи головы, сделанные из глины; фрески Чатал-Хююка также часто изображают быка.

Кроме этой божественной пары жители Чатал-Хююка почитали некоторых домашних и диких животных, например леопарда. Археологи восхитились мастерством и реализмом, с каким были исполнены рельефы двух леопардов, обнаруженные в Чатал-Хююке. Под этим рельефом вскоре удалось найти еще один рельеф, который точно повторял первый. Под вторым рельефом — третий, также изображающий леопардов, под ним — четвертый, пятый, шестой, седьмой и т. д. вплоть до... сорокового! Целых сорок «слоев леопардов»! Безусловно, жители Чатал-Хююка поклонялись этому животному в течение многих веков, воспроизводя его рельефное изображение на стенах.

Открытия в Чатал-Хююке ставят интереснейшие вопросы перед искусствоведами, историками религий, археологами. По-новому ставят они вопрос, который вот уже много десятилетий тщетно пытаются решить лингвисты и историки: где была прародина индоевропейцев? Не следует ли искать ее в Малой Азии?

РОДИНА ЛЕГЕНДАРНЫХ «АРЬЕВ»?

Древнейшие тексты на индоевропейском языке — это тексты «Ригведы», одной из священных книг индийцев (кстати сказать, слово «веды» родственно русскому слову *ведать*), так думали ученые прошлого века. И с первых же лет открытия родства индийских, иранских, большинства европейских языков и части языков Кавказа, т. е. в начале XIX в., встал вопрос о том, где была родина индоевропейцев. «Ригведа» говорит о вторжении в долину Инда племен, называющих себя «арьи» (т. е. благородные). Естественно было предположить — и так считали филологи прошлого века, — что легендарные «арьи» как раз и были первыми индоевропейцами, вторгшимися в Индостан в незапамятные времена, покинув свою родину. Таким образом, вопрос о родине индоевропейцев сводился к вопросу, откуда пришли племена «арьев» в Индию.

В литовском языке можно найти очень много общих черт с древнейшим индийским; поэтому ряд исследователей предположили, что родина «арьев» находилась в районе литовских лесов. Отсюда и началось расселение индоевропейцев — на юг, в Грецию, Италию, Индию, Иран; на восток — в Россию, на запад — в Германию, Францию, Англию (кельтские языки!), на север — в Скандинавию, Исландию.

Но вот языковеды реконструировали древнейшие корни индоевропейского праязыка. И оказалось, что множество слов — это названия для свиньи, коровы, телки, вола, ягненка, жеребенка, лошади, овцы и других домашних животных [рус. *овца*, англ. *ю* (пишут *ewe* [1]) греч. *ois* (из *ovis*), лат. *ovis*, литов. и др.-инд. *avis*, хетто-лув. *хавас* восходят к индоевропейскому **ховис* [2] 'овца'; рус. *поросенок*, итал. *porka*, лат. *porkus* произошли от индоевропейского **порк* и т. д.]. Такое обилие слов — названий домашних животных убедительно говорит о том, что индоевропейцы были скотоводами. Да и тексты «Ригведы» убедительно свидетельствуют об этом же. Таким образом, литовские леса никак не могли быть родиной кочевников-скотоводов.

Степи Причерноморья или степи Центральной Азии — таковы были два основных «адреса» родины индоевропейцев, после того как «археология языка» показала, что индоевропейцы занимались скотоводством.

Немецкий филолог О. Шредер еще в прошлом веке привел убедительные данные в пользу того, что прародиной индоевропейцев была Восточная Европа. Крупнейший знаток осетинского языка и его предка — языка скифов — профессор Василий Иванович Абаев в своей книге «Скифо-европейские изоглоссы» поддержал гипотезу Шредера. «В числе вскрытых нами скифо-европейских языковых и мифологических связей есть такие, для исторического оправдания которых приходится исходить из исконной автохтонности ираноязычных племен на юге России... Скифы же были тем иранским народом, который удержался на своей родине на юге России».

Так ли это? Геродот рассказывал в IV книге своей «Истории», что скифы пришли в Причерноморье издалека, с востока. И действительно, советские ученые нашли на Алтае, в Пазырыкских курганах замечательные памятники скифского искусства. И если «в исторической науке вопрос о приходе скифов с востока считался открытым, так как не было прямых доказательств такого переселения, — пишет советский археолог С. С. Черников в книге „Загадка золотого кургана", — то по мере накопления новых фактов все больше и больше выясняется, что точность и правильное историческое чутье Геродота подтверждаются и здесь».

Быть может, на вопрос о родине индоевропейцев можно ответить, узнав, откуда — с запада или с востока — вторглись племена кочевников «арьев» на территорию Индостана? Шли ли они из Средней Азии или же со стороны Иранского нагорья?

В письменных памятниках древних государств Передней Азии встречаются «арийские» слова, относящиеся главным образом к коневодству, а также имена богов, общих для пантеона индийцев и древних иранцев, и имена, которые имеются лишь в гимнах «Вед». Все эти факты говорят о том, что, покинув свою родину, племена «арьев» шли в Индию через Переднюю Азию, через Иран.

В начале нашего столетия при раскопках в Восточном Туркестане были обнаружены тексты на двух родственных диалектах. Язык их явно относился к индоевропейскому — и в то же время его нельзя было отнести ни к какой из известных науке групп языков: ни к иранским, ни к индийским, ни к славянским и т. д. Так в распоряжении исследователей появился еще один язык особой группы, который был назван «тохарским». Открытие тохарского языка (некоторые его слова удалось впоследствии отыскать в китайских текстах III в. до н. э.) значительно повысило шансы сторонников «азиатской» родины индоевропейцев.

Советский археолог Сергей Павлович Толстов после раскопок древнего Хорезма привел много интересных данных, говорящих о том, что Средняя Азия и ее древняя цивилизация могут помочь решению «одной из наиболее спорных и крупных проблем этногонии народов Старого Света — проблемы этногенеза индоевропейцев».

Очень многие индийские ученые считают, что следы вторжения «арьев» нужно искать не на западе или востоке, а в самой Индии, так как Индостан является прародиной индоевропейцев. Были и другие, еще более смелые и неожиданные гипотезы — например, родиной индоевропейцев назывался остров Ирландия!

Разгадка языка хеттов и лувийцев, живших в Анатолии несколько тысячелетий назад, включила Малую

---

[1] Написание здесь, как и во многих других случаях, отражает произношение, более близкое изначальному, чем современное.

[2] Ларингал — звук типа начального *х* — восстанавливается в исходной индоевропейской форме не только по данным хетто-лувийских языков, где эти ларингалы сохранились, но и по данным армянского языка, в котором *хавив* 'пастух' восходит к **хови-па* 'овце-пас'.

Азию в число «претендентов» на родину индоевропейцев.

В самом деле: почему мы должны искать родину древнейших индоевропейцев — хетто-лувийцев — где-то вне Анатолии? И почему прародиной индоевропейских народов не может быть Малая Азия?

Приняв эту гипотезу, можно объяснить не только глубокую древность *анатолийских языков, но и другие* проблемы, которые никак нельзя решить с помощью центральноазиатского, восточноевропейского или индийского «адреса». Речь идет о чертах сходства индоевропейской семьи языков с другими семьями.

Талантливые грузинские лингвисты Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачаварнани провели целую серию интереснейших исследований, посвященных сравнению и сопоставлению индоевропейских и картвельских (грузинского, сванского и мегрельско-чанского) языков. Оказалось, что черт сходства очень много. Что это: результат длительного контакта? Или, может быть, это — свидетельство древнего родства индоевропейских и картвельских языков? Возможно, и то и другое.

Почти во всех индоевропейских языках имеются слова, заимствованные из семито-хамитских языков. Речь идет не о поздних заимствованиях, а о древних, относящихся к эпохе существования общеиндоевропейского и общесемитского языков[1]. Это говорит о том, что в древности прародина индоевропейцев находилась рядом с прародиной носителей семито-хамитских языков. И вновь Малая Азия оказывается самым «точным адресом».

Правда, и картвельские языки имеют черты сходства с семито-хамитскими языками. А индоевропейские языки — с уральскими (финским, венгерским, мансийским, ненецким). И не только с ними, но и с монгольскими языками, и даже с чукотским и юкагирским — все эти языки называются ностратическими. Неужели и тут

[1] В. М. Иллич-Свитыч посвятил этой теме специальное исследование «Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты». К словам, заимствованным из семитского, относятся, в частности, п.-евр. **tauro* 'бык' (ср. лат. *taurus*), **g^{w}ou-* 'бык, корова' (др.-инд. *gaus*; ср. наше *говядина*), **agro-* 'поле' (греч. *ἀγρος*), **g^{w}ern-* 'жернов' (русск. *жернов*), ср. *dhwer-* ~ русск. *двор*, *madhu-* ~ русск. *мед*, *ario* 'господин' ~ др.-инд. *arya* (отсюда название арийцев) и др. Статья Иллича-Свитыча напечатана в сб. «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964.

малоазиатский «адрес» поможет объяснить это удивительное сходство? Впрочем, родину ностратических языков столь точно локализовать нельзя; можно говорить об одном из районов Передней Азии.

Здесь мы видим, что вопрос о прародине индоевропейцев перерастает в еще более интересный и важный вопрос — вопрос о родстве и прародине языков, *называемых «ностратическими» или «сибиро-европейскими».*

ЧТО ТАКОЕ НОСТРАТИКА?

В 1966 году трагически погиб один из самых гениальных языковедов мира, советский ученый Владислав Маркович Иллич-Свитыч. Ему было всего 30 лет. Сделал он столько, что даже трудно себе представить, как смог все это сделать один человек, да еще такой молодой. Его основным достижением было составление словаря корней ностратических языков. Ностратическими (т. е. примерно «нашими, нашенскими» — от лат. *noster* 'наш') называются те языковые семьи, которые связаны между собой древнейшим родством. Если до работ Иллича-Свитыча многие лингвисты сомневались в существовании такого родства, то теперь всякий, кто внимательно знакомится с его работами, признает факт существования этого древнейшего родства.

Независимо от Иллича-Свитыча к очень сходным результатам пришел другой советский ученый — Арон Борисович Долгопольский. Иллич-Свитыч собирался читать несколько лет назад на филологическом факультете МГУ курс лекций «Введение в ностратическое языкознание» (он начал читать курс по сравнительной грамматике индоевропейских языков). Теперь этот курс лекций читает А. Б. Долгопольский.

В чем же сущность ностратической теории? Слова разных языков обладают разной устойчивостью. Например, слова со значением «вода», «нос», «рот» очень устойчивы. Они обычно не заимствуются из языка в язык. Можно выделить несколько десятков таких слов; при этом обнаружится, что они совпадают (не полностью, конечно) не только в индоевропейских языках, но и во многих других (например, в финском «вода» будет

веси. род. пад. *веден;* тот же корень обнаруживается в тунгусо-маньчжурских и семито-хамитских языках). Можно предсказать, даже не зная языка (но зная, что он относится к ностратическим), что такое-то слово в этом языке звучит так-то. Повторяем, речь идет о словах, относящихся к наиболее устойчивой части словарного состава языка.

При сравнении таких устойчивых слов нужно опираться на четкие фонетические законы, а не сравнивать слова по созвучию (так, индоевропейскому корню **вед-* 'вода' в уральских языках будет соответствовать корень *вете-*, а не *веде-*, и тому есть свое объяснение, как есть объяснение тому, что в германских языках **вед-* восходит к индоевропейскому корню *вет-*). Законы звуковых соответствий не менее четки, чем математические формулы, они не особенно сложны, большей частью очень просты. Но вывести их не всегда бывает легко, как не легко добываются и формулы математики.

Итак — устойчивые слова, сравниваемые в соответствии с четкими фонетическими законами. Это основное. Но важно еще одно: желательно сравнивать не два-три языка (как делали раньше), а возможно большее число языков. Ведь если мы обнаружим один и тот же корень в данном значении в тридцати языках, это будет более показательно, чем если мы обнаружим его лишь в трех языках.

Оказывается, родство с индоевропейскими обнаруживают уральские языки (финский, венгерский, ненецкий, нганасанский и др.), алтайские языки (турецкий, узбекский, азербайджанский, монгольский, маньчжурский), картвельские языки (грузинский, чанский и др.), семито-хамитские языки (египетский, арабский, амхарский и др.), эскимосско-алеутские и чукотско-камчатские языки, дравидийские языки, а также вымершие языки Передней Азии — хурритский и урартский [1]. К ностратическим языкам восходят и японский и корейский, далеко отошедшие от своих «родных» алтайских языков; из древних языков к ностратическим относится, видимо, также и эламский (а возможно, и этрусский).

[1] Отнесение этих языков к ностратической прасемье стало возможным благодаря исследованиям ереванского ученого проф. Г. Б. Джаукяна.

Итак, в глубочайшей древности (несколько десятков тысячелетий назад) индоевропейская, семито-хамитская, картвельская, алтайская, уральская, дравидийская и некоторые другие семьи языков имели один общий язык-предок. Потомки его расселились по всему пространству Европы, Передней, Центральной, Средней Азии, Ирана, Индии, Северной, а отчасти и Восточной Африки.

Отдельными островками среди них являются неродственные языки вершикцев, или буришей, жителей Северного Кавказа, Абхазии и Дагестана, язык басков, а также язык небольшого народа кетов, обитающих в верховьях Енисея, но пришедших откуда-то с юга (об этом говорят и этнографические и лингвистические данные).

Быть может, расселение «ностратических» племен началось из Малой Азии или прилегающих земель: ведь глубочайшая древность Чатал-Хююка косвенно свидетельствует об этом. Небольшой ностратический язык распался на несколько диалектов, из которых произошли языки, давшие начало огромным современным семьям языков. Специалисты утверждают, что если какой-то язык распространен на большой территории, не будучи расчлененным на многие диалекты, то такая территория не может быть прародиной данного языка (взять территорию США: английский язык «распространился» по ней совсем недавно). Если же имеется небольшая территория, на которой сосредоточено множество родственных языков и диалектов, то это — древняя территория для данного языка, возможно, прародина языковой группы или семьи. Именно в Средиземноморье можно найти такие территории (это касается, во всяком случае, индоевропейских языков: здесь есть следы множества языков и диалектов).

ГЛАВА 7

МАЛЫЕ ХЕТТЫ

МОСТ МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЕВРОПОЙ

«Малая Азия служила то колыбелью, то кладбищем для народов, для науки и для искусства. Она единственная в своем роде по своему бессмертному прошлому» — так писал Петр Александрович Чихачев, известный русский путешественник и ученый.

«Отец философии» Фалес, «отец истории» Геродот и другие великие античные ученые происходили из Малой Азии. На территории древней Анатолии находился храм Артемиды Эфесской и мавзолей — два из семи чудес света; третье чудо — Колосс — было сооружено на острове Родос, расположенном в непосредственной близости от берегов Малой Азии. К чудесам света причисляли в древности и Алтарь Зевса, находившийся в малоазиатском городе Пергаме.

Греки, фригийцы, ликийцы, лидийцы, писидийцы, троянцы, хетты, лувийцы, палайцы и многие-многие другие народы населяли Анатолию. Малая Азия с давних времен была грандиозным мостом между великими цивилизациями Востока и европейской культурой.

Полуостров Малая Азия протянулся на 1000 *км* в длину, а в ширину — на 600 *км*. На его северо-западной оконечности находилась Мисия. К югу от нее, на побережье Эгейского моря, располагалась Лидия (женское имя Лидия происходит от названия этой страны). Еще южнее находилась Кария и, наконец, на крайней юго-западной оконечности Малой Азии — Ликия. К востоку от нее, по южному берегу, тянулись Памфилия и Киликия. Севернее расположились Писидия, Исаврия, Ликаония и Каппадокия, еще севернее — Фригия и Галатия, на самом севере (на южном побережье Черного моря) — Вифиния, Пафлагония и Понт. Это — карта греческой эпохи (середина и конец I тысячелетия до н. э.). В более древнюю — хеттскую — эпоху расселение было иным.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВА ХЕТТОВ

Первое государство хеттов возникло около четырех тысяч лет назад. Примерно в 1800 г. до н. э., после долгой и упорной борьбы правитель Кушара Аниттас одержал победу над другими племенами и городами и основал в центре Малой Азии царство со столицей в городе Несас. Из года в год растет могущество молодого государства. Правитель хеттов по имени Табарнас, покорив целый ряд провинций Малой Азии, начинает величать себя «великим царем» и считает свое царство равным Вавилонскому. Впоследствии имя этого великого царя превратилось в царский титул и хеттские цари именовали себя «табарнас» (как в Риме был принят титул «цезарь» от имени Гая Юлия Цезаря).

Хеттские правители простирают свою власть почти на всю Малую Азию, на Северную Сирию и продвигаются в сторону Двуречья. Царь Мурсилис I совершает поход на величайший город древнего мира — Вавилон — и захватывает его. Сведения об этом походе кратки; вавилонская хроника ограничивается такими словами: «Люди страны Хатти выступили против страны Аккад». Хеттская летопись повествует о том, что царь Мурсилис I «пошел походом на Халпу (Алеппо), и разрушил Халпу, и привел пленных из Халпы и добычу в Хаттусас. После этого он пошел на Вавилон и разрушил Вавилон, также напал на Харри (страну хурритов) и удержал в Хаттусасе пленных и добычу из Вавилона».

Добыча эта была, по всей видимости, богатой — ведь даже изображение верховного бога вавилонян, Мардука, было похищено и увезено в хеттскую столицу. Правда, позднее оно было вновь возвращено в Вавилон, когда в Хеттской державе начались смуты.

При Мурсилисе хетты достигли, пожалуй, наибольшего расцвета и могущества. Но великий царь был предательски убит, и страна погружается в пучину династических раздоров и войн. Царю Телепинусу на какое-то время удается восстановить порядок в Хеттской державе. По его приказанию составляется большой исторический текст, повествующий о деяниях хеттских властителей от легендарного Табарнаса вплоть до самого Телепинуса. Телепинус установил твердый порядок наследования престола, чтобы положить конец дворцовым смутам и борьбе за власть.

Но это, очевидно, не спасло Хеттское царство от раздоров:

после смерти Телепинуса наступает настоящее «смутное время». Около двухсот или трехсот лет идет упорная борьба различных претендентов на престол. Воспользовавшись внутренними смутами, от царства хеттов отпадают завоеванные ими ранее области. Вспыхивают восстания рабов. Так, например, в одной из хеттских надписей говорится о том, что «рабы царевича восстали, начали ... дома разрушать, своих господ предавать и проливать их кровь».

Затем хетты исчезают с исторической арены и появляются на ней вновь в XV—XIV вв. до н. э. Первоначально Новохеттское царство было слабым и посылало дары египетскому фараону: на египетских памятниках времен великого фараона-завоевателя Тутмоса III есть изображения хеттов, приносящих дары. Затем начинается период возрождения. Царь Суппилулюмас предпринимает ряд походов и восстанавливает господство хеттов в восточной части Анатолии и в горных областях около реки Евфрат. Он одерживает победы над сирийскими княжествами.

Области Сирии, подчинявшиеся ранее Египту, попадают в руки хеттов; хетты проникают даже в Палестину. Естественно, что такое бурное продвижение на юг не могло не привести к столкновению с Египтом.

Хетты неуклонно теснили египтян. Летописцы страны пирамид называют их «великими хатти», а «эпитет „подлые", который добавляли при этом советники фараона, лишь свидетельствует своей ядовитостью о том впечатлении, которое они производили на своих противников», — пишет один из крупнейших египтологов, Гастон Масперо.

Упорная борьба за господство в Сирии и Палестине между хеттами и египтянами завершается знаменитым мирным договором Рамсеса Великого и Хаттусилиса III: Сирия была поделена между двумя великими державами. Культурные и торговые связи пришли на смену военным действиям. Отныне люди из Египта «могли без страха, в радости своего сердца достигать страны хеттов», как сказано в одном из документов того времени. Но близился закат Хеттской державы.

Египетские тексты пространно повествуют о нашествии воинственных «народов моря», которые обрушились на Египет около XII в. до н. э. С большим напряжением сил удалось египтянам отразить нашествие пришельцев. Но то, что оказалось под силу древнему Египту,

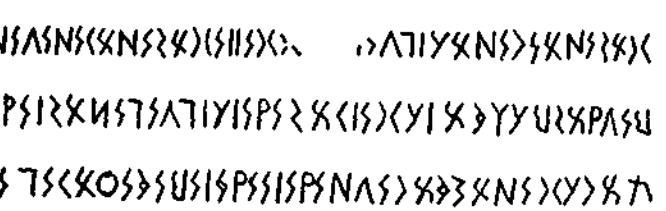
было не под силу молодому Новохеттскому царству: оно было разгромлено «народами моря» и распалось на целый ряд мелких государств. Мелкие хеттские государства оказались легкой добычей для могущественной Ассирии: ассирийский царь Саргон II в VIII в. до н. э. захватывает их одно за другим, и некогда могущественный народ, создатель третьей великой державы, навсегда исчезает вместе со своим языком и культурой из истории древнего мира. Впрочем, потомки хеттов, которых можно было бы назвать «малыми хеттами», еще несколько веков говорили на анатолийских языках, родственных хеттскому.

ПОТОМКИ ХЕТТОВ И ЛУВИЙЦЕВ

В 1961 году была опубликована докторская диссертация молодого голландского ученого Фило Хоуинка тен Кате, специалиста по хеттскому и лувийскому языкам. В ней неопровержимо доказывалось, что всю южную полосу территории Малой Азии в I тысячелетии населяли хетто-лувийские племена. Языки «забытых хеттов» — лувийцев и палайцев — не исчезали бесследно. Целый ряд малоазиатских языков является их наследниками и потомками.

Правда, северную часть Анатолии населяли народы, говорившие на индоевропейских — но не на анатолийских! — языках, это — фракийцы и фригийцы. Народы эти пришли в Малую Азию с Балкан (современный армянский является единственным потомком этой фракофригийской ветви индоевропейской семьи). Вся остальная Анатолия была населена потомками хеттов («малыми хеттами») — об этом говорят как малоазийские имена в греческой передаче, так и сами языки Малой Азии: до нашего времени дошли тексты на этих языках, записанные, правда, не иероглифами или клинописью, а буквами.

Самые молодые надписи — на писидийском языке. Они относятся уже к началу нашей эры и, таким образом, являются позднейшими текстами на языке анатолийской группы. Самые древние анатолийские и вместе с тем индоевропейские тексты, дошедшие до нас, да-



Недавно найденная большая сидетская надпись

тируются, как вы помните, началом II тысячелетия до н. э. Таким образом, хотя в настоящее время нет ни одного народа, говорящего на каком-либо анатолийском языке, лингвисты имеют возможность изучать развитие хетто-лувийской группы на протяжении двух тысяч лет.

Писидийцы писали греческими буквами, если судить по дошедшим до нас надписям. У них не было, в отличие от других «малых хеттов», специальных букв для передачи звуков, отсутствовавших в греческом языке. Впрочем, до нас дошло очень немного писидийских надписей, причем надписи эти необычайно кратки. Это — надгробные надписи, состоящие из собственных имен. «Такой-то, сын такого» — типичный образец писидийского текста. Кроме надписей на надгробных стелах имеются изображения похороненных людей.

К более ранним временам относится сидетское письмо. Его называют также памфильским, т. е. письмом жителей страны Памфилия (столицей Памфилии был город Сиде — отсюда и пошло название «сидетское письмо»). Письмо это очень странное — оно на первый взгляд не похоже ни на какое другое буквенное письмо. Но если присмотреться внимательнее, то окажется, что и оно близко греческому и семитскому письму. Сидетских надписей еще меньше, чем писидийских, а по краткости они не уступают последним. Несмотря на поистине героические усилия, ученые долго не могли найти ключ к письменам Памфилии. Удалось же разгадать сидетскую загадку лишь после того, как в 1949 году была найдена относительно большая двуязычная надпись (на греческом и сидетском языках).

Благодаря этой билингве знаменитый немецкий хеттолог Хельмут Боссерт (живущий в Турции) опубликовал в 1950 году в турецком журнале «Беллетен» статью с дешифровкой сидетских надписей. В этой статье речь шла об упомянутой нами короткой билингве, в которой говорилось: «Аполлоний [сын] Аполлодора [внук] Аполлония, поставил это изображение всем богам».

Недавно ученые-азианисты были заинтересованы новым открытием: нашли две новые большие сидетские надписи. Эти надписи подтверждают вывод о родстве сидетского с другими хетто-лувийскими языками и позволяют определить чтение почти всех букв сидетского алфавита. Надписи свидетельствуют о сильнейшем влиянии греческого языка на сидетский: очень многие сидетские слова были греческого происхождения.

Оба языка — писидийский и сидетский — исследуются в основном путем сравнения собственных имен с именами и словами других хетто-лувийских языков. Для этой цели не обязательно брать местные надписи. Вот, например, писидийское имя *Кбедаси*. Оно восходит, видимо, к форме *хбадаси*, позднелувийскому прилагательному от *хбади*. Это слово произносилось в ранних хеттских языках *хбадис* и значило 'слуга, вассал'. Важно, что перед нами не просто соответствие одного имени другому (что тоже бывает важно): перед нами соответствие имени типичной хетто-лувийской именной основе. Причем важно, что имя *Кбедаси* образовано от основы с помощью суффикса относительного прилагательного *-си-* (этот суффикс был широко распространен в лувийском: *массанасси-* здесь значило 'бо́гов, божеский' от слова *массана-* 'бог').

Таких примеров много. Они показывают, что образование имен в поздних языках было живым, действующим явлением. Имена образовывались с помощью хетто-лувийских суффиксов, от хетто-лувийских основ, по хетто-лувийскому образцу. Существует специальная наука — ономастика (т. е. наука об именах), которая занимается выяснением структуры имен, их языковой принадлежности, их классификацией. Образец ономастического анализа мы только что привели. Понадобится нам ономастика и в дальнейшем.

Можно только на основе анализа имен ликийцев (живших на юго-западной оконечности Малой Азии) в греческой передаче доказать, что их язык был также хетто-лувийским. Но делать это нет необходимости: на материале большого числа ликийских надписей ученые доказали, что ликийский язык был очень близок лувийскому и входил в группу хетто-лувийских языков индо-

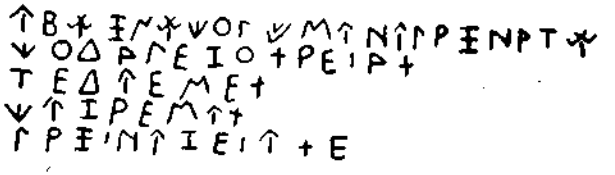
европейской семьи. Не только основы слов и суффиксы ликийского языка обнаруживают хетто-лувийский облик. Важно, что и окончания имен и глаголов здесь явно хетто-лувийские, а окончания очень устойчивы, они не заимствуются из языка в язык, как слова или собственные имена.

Было, правда, время, когда шли дискуссии о том, следует ли считать ликийский язык сильно изменившимся индоевропейским или же он должен быть отнесен к другой семье языков, например кавказской. Так продолжалось до 30-х годов нашего века; в эти годы итальянец Пьерро Мериджи доказал тезис о индоевропейском характере ликийского языка. И только в 1945 году, после выхода работы датского лингвиста Хольгера Педерсена «Ликийский и хеттский», чаша весов решительно склонилась в пользу первого предположения, и анатолийская ветвь пополнилась еще одним языком. Позднее было показано, что ликийский язык ближе к лувийскому, нежели к хеттскому языку.

СТРУКТУРА И СМЫСЛ ЛИКИЙСКИХ ТЕКСТОВ

Ликийские надписи были прочтены еще в конце прошлого века. Тогда еще молодой Педерсен и другие скандинавские ученые добились очень значительных успехов в исследовании ликийского языка. Ликийские надписи были записаны буквенным письмом, заимствованным у греков. Не все буквы были похожи на греческие, а некоторые похожие буквы имели совсем не то значение, что в греческом, но надписи все же были дешифрованы без труда. Как и во многих других случаях, на помощь пришли билингвы — двуязычные надписи на греческом и ликийском языках. В этих надписях имелись собственные имена — одни и те же в обоих текстах. После того как эти имена были обнаружены в ликийских надписях и прочитаны, не составляло труда прочесть и остальной ликийский текст.

И все же мы не имеем достаточных сведений о звуковых значениях многих ликийских букв, особенно редких. Вот, например, буква)(. Обозначает она звук, который мог заменяться глухим согласным звуком [т]. С другой стороны, есть данные, говорящие, что буква)(передавала звонкий согласный звук, но не [д], так как там для передачи [д] существовала другая буква. Возможно, эта буква передавала звонкий спирант (как английское [ð] в слове *this*). Но может быть, это было и не так.



Ликийская надгробная надпись

Многие ликийские надписи не только читаются, но и переводятся без всякого труда. Многие, но не все. Как раз самые большие и интересные надписи понимать труднее всего. Дело в том, что большинство ликийских надписей — надгробные. Они похожи друг на друга (в них говорится обычно, что такой-то человек построил гробницу для себя, своей жены и детей; иногда добавляется, что никто не должен наносить гробнице ущерб, а тот, кто это сделает, будет наказан).

Те же несколько надписей, которые решительно отличаются по содержанию от обычных надгробий, понимаются с большим трудом. Лишь недавно удалось понять значительное число фраз. Зато довольно прозрачен грамматический костяк надписей. При анализе больших ликийских надписей мы сталкиваемся с чем-то вроде ликийского варианта «глокой куздры». В свое время академик Л. В. Щерба приводил такую фразу: «глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка». Здесь весь грамматический костяк фразы понятен, а о значении слов можно только догадываться.

Ликийский язык был условно разделен исследователями на два диалекта — А и Б. Первоначально было неизвестно, как сами ликийцы называли диалект Б, и ученые назвали его «милийский». Недавно удалось установить, что на самом деле правильно назвать его не «милийский», а «труйский», однако в науке уже укоренилось первое название.

Таким образом, в Ликии существовало по крайней мере два диалекта одного и того же языка, один из которых (диалект А) назывался *трммили* (термильский), другой (диалект Б) — *труели* (труйский). На тесную близость ликийского и милийского ученые обратили внимание давно. Между ликийским и милийским почти нет грамматических различий и очень незначительны звуковые различия (так, в милийском сохранялся древний *с*, а в ликийском он переходил в *х*; это был легкий придыхательный звук вроде немецкого *h*). Милийский был архаичным диалектом (т. е. диалектом, сохранившим весьма древние черты языка). В сущности, в эпоху ликийско-милийских надписей (V—IV вв. до н. э.) это был мертвый диалект, возведенный в ранг священного языка; на нем писались торжественные и религиозные тексты. Его положение в Ликии можно сравнить с положением латыни в средневековой Европе, старославянского в славянских странах или санскрита в Индии. Интересно, что очень многие нарицательные слова милийского в ликийском использовались как имена людей; в милийском были, например, два слова — *муни* и *каллейма*. Первое означает 'царь' или 'жрец', а второе же значило 'сила', 'мощь' или что-то в этом роде. И вот в ликийском находим имя человека Муникллейма — оно составлено из двух этих слов (такие составные имена были часты у ликийцев и других народов Малой Азии). Это понятно: ведь милийский сохранил древние слова со значениями «мощный, доблестный, священный» и т. д. В именах людей мы часто находим отголоски таких слов (ср. русские *Владимир, Святослав* и др.).

СТЕЛА ИЗ КСАНФА

Если на ликийском языке А (иногда этот язык называют термильским) имеется 150 надписей (правда, в основном это стандартные эпитафии), то на милийском (или ликийском Б) имеется всего две надписи. Но очень важно, что одна из них — большая и хорошо сохранившаяся. Собственно, это часть большой ликийско-греческо-милийской надписи, находящейся на четырех сторонах колонны — так называемой стелы из Ксанфа. Стела эта воздвигнута по приказу ликийского царя, и находилась она в городе Арнна (греческое название — Ксанф), столице Ликии. Она должна была прославлять династию ликийских царей; ее венчала фигура властителя Ликии, восседавшего на троне, который поддерживался двумя каменными львами. Рядом со стелой, видимо, находились гробницы.

В самое последнее время установлена дата создания надписи. Это не 380 г. до н. э., как думали раньше, а, очевидно, конец предшествующего V в. до н. э., возможно, 410 г. Откуда мы знаем это с такой точностью? Дело

том, что в ликийской и милийской частях надписи говорится о персидском полководце Тиссаферне, который был поставлен персидским царем над Лидией и Ликией в качестве, так сказать, губернатора (причем Ликия оставалась весьма самостоятельной страной). Этот полководец сражался, в частности, против перса же — полководца Аморга (по-милийски — Умркка), отколовшегося от основных персидско-ликийских сил. Сражался Тиссаферн и против греков-ионийцев (они также выступали против основных сил Персии и Ликии, тогда как спартанцы выступали на стороне этих сил). Вообще, чтобы разобраться в сложных междоусобицах того времени (ликийцы тоже не были едины!), можно воспользоваться следующей грубой схемой. Имелись две группировки, сражавшиеся одна против другой:

I	II
Персия (основные силы)	Часть персов (полководец Аморг и др.)
Ликия (основные силы)	Часть Ликии (город Тлос и др.)
Греки-спартанцы	Греки-ионийцы

Так вот, Тиссаферн в 412 г. захватил Аморга, которого взяли в плен спартанцы во главе с полководцем Агесилаем и передали персам. Это событие отражено в стеле из Ксанфа. Вообще в тексте говорится о победе ликийского полководца Кереи над мятежным Тлосом, о разгроме ионийцев и войска Аморга как о последних событиях, так что это уже позволяет датировать надпись примерно 410 г. до н. э. К тому же, хотя основателем ксанфского памятника (включающего нашу надпись) и был Кереи, по приказу которого была воздвигнута Ксанфская стела, он не был в то время царем (как предполагалось): в тексте надписи (мы об этом подробнее скажем ниже) в качестве царя и верховного жреца выступает Керига, а Кереи — в качестве военачальника (видимо, он был «принцем крови»). К тому же и царские монеты с надписью Керига, видимо, относятся ко времени не позже 410 г. и, наоборот, монеты с надписью Кереи стали чеканиться в 410 г.

И уж во всяком случае стела не может датировать-

ся более поздним временем, чем 396 г. Дело в том, что отношение к персидскому «губернатору» Тиссаферну к этому времени изменилось: он был схвачен и казнен по приказу персидского царя в 396 или 395 г. до н. э. На стеле же Тиссаферн — прославленный персидско-ликийский военачальник, побеждающий врагов, сооружающий памятные стелы. Теперь ясно, что стела относится к той эпохе, когда Тиссаферн находился в зените своей славы.

ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЙ КЛЮЧ

В первой же строфе милийского текста на стеле из Ксанфа мы сталкиваемся с названием милийского языка — труели. Слово это связано с названием города Трисы в Ликии (по-ликийски *трус*) и с ликийской именной основой *труве-*.

Интересно, что уже в 30-х годах нашего века профессор Мериджи, доказавший индоевропейскую принадлежность ликийского языка, был близок к правильному объяснению слова *труели*[1]. Он попытался было сравнить это слово со словами типа *лувили* 'лувийский', но затем отказался от этого предположения, решив, что это не название языка, а прилагательное со значением 'истинный', 'верный'. Мериджи в то время выступал против сравнения ликийских слов со словами других языков, против так называемой кенигсбергской школы — Борка, Кенига и некоторых других немецких филологов. Они достаточно нафантазировали, сравнивая ликийские слова со словами кавказских языков; естественно, их интерпретации ликийских слов оказались неудачными.

Мериджи был сторонником комбинаторной методики, т. е. такой методики, которая объясняла текст из самого текста, не прибегая к сравнению с другими языками. Это была трезвая реакция на фантастические построения кенигсбергской школы. Но это же приводило и к фактическому отказу от сопоставлений ликийских слов со словами хеттского и лувийского языков. В данном случае Мериджи не придал должного значения сравнению слов типа *труели — лувили — несили*. А с другой стороны, он перевел *труели* словом 'истинный' лишь потому, что оно созвучно с немецким *treu* 'верный'. Этого делать никак было нельзя: ведь немецкое слово родственно нашему *дерево* ('верный' — т. е. прочный, как дерево), причем оба слова восходят к корню **дреу/деру*. В германских языках произошло чередование согласных (**д* дало *т*), в большинстве других индоевропейских языков **д* сохранилось именно в виде *д*. В ликийском, как и в подавляющем большинстве других индоевропейских языков, *т* обычно восходило именно к **т*, не к **д*.

Слово *труели* встречается в такой милийской фразе (приведем часть ее): *натри ...лабра труели зазати нбб* 'предводитель... на камнях по-милийски высекает (т. е. пишет) следующее' (*нбб* — сокращение; его переводят словом 'следующее' или 'следующим образом'). Здесь слово *натри* происходит от корня *не-, най-* 'вести', широко распространенного и в хетто-лувийских и в других языках. С нашим *на-три* можно сравнить древнеиндийское *не-тар;* это слово содержит индоевропейский суффикс имен деятеля. Слово *зазати* содержит удвоенный корень *за-*, восходящий к **дхе-* 'класть', 'ставить' (ср. наше *деть*) и также очень хорошо представленный в хетто-лувийских языках. О слове *лабра* мы поговорим позднее.

Точно так же, как ликийское *трм̃мили* значило 'по-ликийски' и 'ликиец', слово *труели* значило 'по-милийски' и 'милиец'. Действительно, в одном месте встречаем форму *трцйеле* 'у милийцев' (как *трм̃миле* 'у ликийцев'). Очень важно, что уже после того, как слово *труели* было сопоставлено с индоевропейским **треу-* 'процветать', исследователи обнаружили этот корень **треу-* и в хеттском языке (в слове *травай-* 'обогащать', 'оснащать'). Ведь сравнение ликийских слов с хеттскими надежнее, чем просто возведение к индоевропейским корням, среди которых всегда могут оказаться подходящие созвучия, в действительности не связанные родством со словами интерпретируемого языка.

[1] Название *труели* восходит к индоевропейскому **треу(с)-* 'процветать'; сюда же относится название города *трус* (и, видимо, слово *e-trus-ci*), карийское имя **труваль* и название Трои (по-этрусски *труда*), население которой, видимо, говорило на языке, близком ликийскому (ср. имя Приам и милийское имя *Прийама* от хетто-лувийской основы *прийа-* 'выдающийся').

Но вернемся к интерпретациям Мериджи. Фразу *Кереи хастте терн тлахн эрббеди* из ликийского текста Мериджи перевел так: 'Керен наградил войско Тлоса имуществом'. Из того, что сказано нами выше, следует, что такая трактовка невозможна: ведь Керен, ликийский принц, а затем царь, воевал именно против мятежного Тлоса. Мериджи же не был специалистом в области истории (что он сам охотно признавал). Отсюда и эта «небольшая» неувязка. Что верно здесь, так это грамматическая трактовка: слово *хастте* верно определено как глагол 3-го лица единственного числа прошедшего времени (окончание *-те*), *тер-н* — как форма винительного падежа от *тер-* 'войско' (значение этого слова установлено было раньше), *тла-х-н* 'тлосское' (прилагательное на *-х*, стоящее в форме винительного падежа на *-н*) от *тла* 'Тлос'. Верно определен и падеж слова *эрббеди* — творительный (окончание *-ди*). Почему же «имуществом»?

Здесь опять на Мериджи «давил» немецкий язык: *Erbe* по-немецки 'наследство'. Таким образом, получалось, что ликийское *эрббе* и немецкое *Erbe* — одно и то же слово... Что же оказалось на самом деле? За последнее время установлено, что в ликийском *эрббе* значит 'несчастье, поражение' — оно точно соответствует лувийскому слову *арба-*, имеющему эти же значения. *Хас-* значит 'наказывать штрафовать' (и здесь есть хетто-лувийские параллели, к тому же это слово известно из так называемых «формул проклятия» *в ликийских же надписях*). Вся фраза значит: 'Керен наказал тлосское войско поражением'. Заметим, что нам в переводе Мериджи необходимо было лишь поменять знак плюс на минус: из «положительных» значений «наградил имуществом» сделать «отрицательные»: «наказал поражением». Это хороший пример, показывающий, как много значит в анализе текста отнесение слов либо к сфере положительного, либо к сфере отрицательного. Ясно и то, что, прежде чем мы начинаем понимать текст, мы можем хорошо уяснить его грамматически. Ясно, наконец, какое важное значение имеет сравнение с близкородственными языками.

Вот ликийский глагол *мрсххати*. Его основа соответствует хеттскому *марсахх-* 'искажать, портить'. Вот слово *цайала*, образованное от корня *цай-*, который в хеттском значит 'переступать'; судя по суффиксу *-ла*, *цайала* обозначает действующее лицо и может быть переведено как 'преступающий, преступник'. В одной милийской фразе говорится о преступнике, который *мрсххати* (т. е. 'искажает, нарушает') установления общины. Перевод этой фразы помог разобраться и в следующих трех предложениях, которые странным образом оканчивались на глагольные основы, лишенные каких бы то ни было окончаний. Дело в том, что эти три предложения и заключали установления общины, они содержали глагольные формы в повелительном наклонении 2-го лица единственного числа. Этим и объясняется отсутствие окончаний (возьмите наше слово *стой*: это «чистая» глагольная основа и в то же время это форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа).

В нескольких местах говорится о том, что герой или бог «повергает злодеев». Интересен в этой связи глагол *мувати*. Он значит буквально 'осиливает'. Но что такое «осилить»? Конечно, это примерно то же, что «одолеть». Однако приставка в слове «одарить», например, имеет совсем другое значение. Если ориентироваться на

это, значение *осилить* можно было бы перевести как 'наделить силой'. И действительно, в ликийском слове *мувати* в некоторых случаях имеет явно «положительное» значение 'наделять силой'. И все-таки при желании можно было бы сомневаться в такой «двойной» трактовке глагола *мувати* ('одолевает' или 'наделяет силой'), если бы близкородственный иероглифический лувийский язык не содержал подтверждения: здесь *мувати* действительно значит и 'одолевает' и 'наделяет силой'!

В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ «КУХНЕ»

Исследование текстов должно, конечно, начинаться с чисто формального (комбинаторного) анализа. Однако после того как мы исчерпали возможности такого анализа, мы вправе обратиться к сравнению интересующих нас слов со словами близкородственных языков. Чтобы сохранить максимум объективности, мы можем поступать так: на основе данного ликийского (или милийского и т. п.) слова восстановим ту хетто-лувийскую основу, от которой это слово произошло. Потом посмотрим, имеется ли в хеттском или лувийском словаре такое слово и соответствует ли его значение тому значению, которое мы предполагаем для него. В нашем примере на основе милийского *мрсххати* 'искажает' мы восстанавливаем хетто-лувийскую основу *марсах-* 'искажать' и, действительно, находим это слово как раз с таким значением в хеттском словаре.

Другой пример: милийское *нениети* значит 'направляет' — это следует уже из комбинаторного анализа. Милийское *нение-* должно восходить к хетто-лувийскому *наннийа-*. И действительно, находим глагол *наннийа-* со значением 'гнать, направлять' в хеттском языке (это слово происходит от корня **най-* 'вести', о котором речь шла выше). Мериджи в одной из своих поздних работ, правильно определив, что *нениети* — глагол попытался связать его с ликийским *нени* 'брат', но перевод, который он дал слову *нениети* — нем. 'verbrüdert: (от слова *Bruder* 'брат'), никак не вяжется со значением 'направляет', которое можно получить на основе комбинаторного и этимологического анализов.

По традиции некоторые исследователи (Ларош, Гусмани и др.) переводят милийское слово *кибе* союзом 'или'. Значение 'или' словечку *кибе* придали только потому, что оно похоже на ликийское *тибе*, которое действительно значит 'или'. Но ведь ликийскому *ти* 'который' соответствует в милийском тоже *ти*, а не *ки;* ме-

стоимение *ки* в милийском есть, но означает оно 'этот'. Видимо, в ликийском «или» тоже писалось *тибе*. Оно просто не встретилось в сохранившихся текстах. А что же значит *кибе?*

С этого-то и надо было начинать: исследование должно начинаться с комбинаторного анализа, а не со звуковых сопоставлений. И вот выяснилось, что в милийском *кибе* всегда связано с группой, состоящей из определяемого и определения, например, *приелиеди кибе мереди* 'первыми (...) воинами'. Но, если слово *кибе* стоит между существительным и прилагательным, оно не может значить «или». Действительно, *кибе* является, судя по всему, усилительной частицей вроде наших *же, то* (видимо, *кибе* родственно указательному местоимению *ки*). Поэтому фразу *трппали мету-пе-не приелиеди кибе мереди* надо понимать так: 'изменение [в тексте стелы] не должно быть предпринято даже первыми воинами!' (*мету* здесь повелительное наклонение; *трппали* 'изменение' родственно лувийскому *тарпали-* 'замена').

Внимательное изучение текста позволяет исправить и другие ошибки, связанные с излишним доверием к этимологическому анализу. Взять, например, ликийское слово *трбби*. Долгое время думали, что это послелог со значением 'против' (ср. иероглифическое лувийское *тарпи* или *тарби* 'против'). Но никак не получался перевод ликийской фразы *се сппарталияхе трбби атанас цххантe терн*, — выходило мало понятное и против спартанцев афинское войско победил' (субъект предложения — Тлссаферн: этот персидский наместник в Ликии действительно сражался против афинян, но при чем тут 'против спартанцев'?). Выяснилось в конце концов, что мы имеем дело не с *трбби*, а с винительным падежом [трббин] (пишется тоже *трбби*) существительного со значением 'враг' (ликийское *трбби*, видимо, соответствует хеттскому *тарби-* — 'злой демон'; хетто-лувийский глагол *тарб-* значит 'поворачивать', ср. наше 'оборотень'; лувийское *тарби* 'против' этимологически относится сюда же). Получаем и перевод, соответствующий исторической правде. 'И врага спартанцев афинское войско, победил', точнее: 'И врага спартанского, афинян (вин. пад.) войско, победил'.

Особенно важно учитывать данные комбинаторного (и конечно, этимологического) анализа при интерпретации грамматических форм. Эти данные говорят, например, что окончание творительного падежа в ликийском и милийском всегда имеет вид *-ди*. Но вот итальянский исследователь Р. Гусмани предположил, что *-ти* и *-нди* тоже могут быть окончаниями творительного падежа. Однако обращение к текстам сразу же убеждает нас в

ошибочности такого предположения. Гусмани относит, например, к формам творительного падежа слово *нешети*, но, как мы видели, это — глагольная форма; Гусмани переводит творительным падежом даже сочетание *натри ти;* на самом деле оно значит 'предводителя, который' (произносилось [натрин ти]).

Что же касается *-нди*, то в именах существительных и прилагательных это вообще не окончание, а суффикс.

Другой именной суффикс, *-ндени*, итальянский ученый О. Карруба считает глагольным окончанием 3-го лица множественного числа (пишется этот суффикс так: носовой гласный + *-тени*; этого для Каррубы оказалось достаточным, чтобы отождествить его с лувийским *-тени*, действительно глагольным окончанием. Карруба не принял во внимание данных комбинаторного анализа, которые говорят о том, что ликийские и милийские слова на *-ндени* — существительные, а не глаголы).

Профессор Мериджи теперь признает необходимость сопоставлений ликийских и милийских слов с хеттскими и лувийскими; он сам посвятил этому вопросу интересные исследования, как и профессор Э. Ларош, который, собственно, и обосновал положение об особенно тесной связи ликийского и лувийского языков внутри хетто-лувийской языковой семьи. Но у обоих этих исследователей встречаются ошибки, вызванные, как это ни странно, невнимательностью к комбинаторному анализу.

Так, Мериджи, перечисляя ликийские и милийские местоименные и наречные частицы, обнаруживает их и в формах *эрите, эпиде, эпейте, себеди*, выделяя здесь «частицы *-те, -де, -ди*»; на самом деле это — окончания глаголов, которые буквально «разрываются на части» в результате анализа Мериджи. На самом деле, например, глагол *себеди* 'направляет, уделяет' четко выделяется, как таковой, во фразе: *хнтаван кридеси себеди хирзен зиви* 'Кридеси (один из титулов царя) направляет особую долю богу'.

Ларош тоже «разрывает на части» некоторые слова, в частности *энке* 'как' и *ике* 'не': он стремится найти двойной союз *ке... ке* 'и... и' во фразе, где этого союза нет. В результате искажается смысл вполне прозрачной фразы *Ике хезлми Вериклебе-энке кнтабан увети сукрен* 'Пусть ни один человек не ведет великое руководство, подобно [богу] Гераклу!'. Сочетание *эрите тери(н)* 'остановил войско' Ларош переделывает в непонятное *эри тетери;* он разрывает на две части персидское имя *Эрийемяне*, соотнося его начало с ликийским *эрйейне* 'останавливать', и т. п. [1].

[1] Подробнее об ошибках ряда современных исследователей ликийских и милийских текстов см. в статье «Проблемы ликийского языка», напечатанной в «Вопросах языкознания» (1968, № 6).

При внимательном сопоставлении ликийских и милийских текстов с хеттскими и лувийскими можно найти целые «формулы», общие как поздним, так и ранним хетто-лувийским языкам (такие соответствия служат хорошим подтверждением правильности интерпретации).

Так, милийская формула *трису треи хали* 'трижды в течение трех дней' (где *хали* соответствует лувийскому *халли-* 'день') находит соответствие в иероглифическом лувийском: милийское *трису хннантбису* 'три раза двенадцать раз' (т. е. «много раз») соответствует хеттским выражениям, переводимым как 'три раза четыре раза'; мы говорили уже о ликийской формуле *кммасита ваван се кммасита хаван* 'пятьдесят быков и пятьдесят овец', которая соответствует хеттскому выражению, переводимому как 'один бык и одна овца'.

Интересны также соответствия вроде милийского *хидри-лахади* грозить войной' и хеттского *курур хадрай-* 'грозить войной' (о них см. ниже). А вот соответствия, не содержащие этимологически родственных слов: милийское *трппсли(н) ме-* 'предпринимать изменение' и лидийское *алидад тасо-*, буквально значащее 'распоряжаться об изменении'.

БОГИ И ПОЛКОВОДЦЫ

Из того, что мы говорили до сих пор, читатель может сделать следующий вывод: проникнуть в смысл древних текстов (в нашем случае — ликийских) можно лишь в том случае, если строго будут соблюдаться некоторые правила исследования.

Прежде всего, необходимо попытаться реконструировать формальную структуру текста, его грамматику; кроме того, нужно всегда принимать во внимание факты истории народа или народов; если к сравнению привлекаются родственные языки, то это привлечение должно быть достаточно обоснованно (это вполне оправданно в нашем случае: близкое родство между ликийским языком, с одной стороны, и хеттским, лувийским, лидийским — с другой, установлено), причем важно учитывать фонетические закономерности сравниваемых языков.

Казалось бы, что тут говорить, это и так ясно. Однако зачастую бывает так, что теоретически ясные положения искажаются на практике, в самом процессе исследования. Случаи подобного искажения мы разбирали выше. Приведем еще такой пример. Профессор Мессинского университета Р. Гусмани в специальной работе по ликийскому Б сравнивает слово *вахсса* с лувийским *вашха-* или *васха-* 'господин'. Но ликийское *вахсса, вахса* значит 'слава, доблесть': это было давно установлено. В хеттском есть слово *вахессар*, обозначающее некое положительное качество, и именно с этим словом фонетически четко связано наше *вахса* (здесь этимология подтверждает давно известные факты комбинаторного — структурного — анализа). Следуя своей ложной интерпретации, Гусмани в предложении *Кереи тебете терн се Вахссепддими* связывает часть имени *Вахссе-* со словом *Кереи* ('Керей ... господин'), не давая полного перевода этого текста. На самом деле приведенное предложение значит 'Керей разбил войско Вахссепддими' (букв. 'войско и Вахссепддими'; здесь перед нами опять случай, подобный описанному на стр. 162: связываются союзом «и» слова, находящиеся в отношении подчинения). Читалось последнее слово, следовательно, [Вахссепддимин]: винительный падеж на *-н*.

Верный перевод именно этого предложения очень важен: ведь речь идет о войске мятежного Тлоса. Устанавливая истинный смысл предложения, мы тем самым находим в тексте стелы из Ксанфа имя руководителя тлосской армии — после слова «войско» обычно следует имя полководца (он явно был ликийцем: *Вахссепддими* — ликийское по происхождению имя и значит буквально 'Сопровождаемый славой'). Это — важный исторический факт.

Предложение подобного типа мы находим в том же тексте, но несколько ранее, там, где речь идет о прежних сражениях. Вот это предложение: *Трббенимн тебете терн се Миласандран* 'Трббенимн разбил войско [и] Мелесандра'. Из истории мы знаем, что Мелесандр, афинский полководец, был послан против ликийцев в 429 г. до н. э., но вскоре был разбит (судя по данным Фукидида, Мелесандр потерпел поражение в морском сражении). И вот в тексте ликийской стелы мы находим сообщение о поражении Мелесандра, да еще и узнаем, как звали ликийского полководца, который победил Мелесандра. В другом месте текста на стеле говорится о победе Трббенимн над войском Афин. (Не исключено, что *Трббенимн* — не имя, а эпитет ликийского стратега.)

О персидском полководце Тиссаферне, который упоминался нами выше, говорится, что он, «подобно Гераклу и Ахиллесу», разбил войска Афин (перечисля-

ются места сражений), а также войско Аморга. Все это — в той части стелы, которая написана на ликийском диалекте А. В тексте на диалекте Б — милийском — имена упоминаются реже, но смысл надписи в общем ясен. В начале текста «хозяин стелы» — Кереи — славит свой род и свои войска, причем много места уделяется описанию победных сцен, изображенных над текстом надписи. Несколько раз упоминается царь Ликии Керига, «санкционирующий» предписания. Упоминается и «отщепенец» Аморг: как и в тексте на диалекте А, речь идет о его поражении, причем говорится, что вассалы ликийского царя повергли в прах стелу Аморга, а в это время Керига 'основал памятник' (или 'совершил жертвоприношение'?) в честь ликийских побед. После сообщения о том, что население захваченных врагом областей возвращено «внутренней Ликии», сказано об укреплении военной мощи ликийцев, которым теперь никто не сможет «грозить походом» (т. е. войной; как и в хеттских текстах, здесь употреблен глагол *хадрай-*, лик. Б *хидри-* 'писать, посылать'; хетты говорили в таких случаях «посылать вражду», что значило примерно «объявлять войну»).

В тексте упоминаются ликийские боги — *трххиц* (Тархунт), *зрппеду* (Сарпедон), *турахсси* (Аполлон), *эрикле* или *верикле* (Геракл), *хахлаца* (Ахиллес), *зеусе* (Зевс); иногда боги называются *маса,* или *масана* (от лувийского *массана* 'бог'), или *зива* (ср. лидийское и хеттское *зива-* 'бог': корень тот же, что в греческом *Зевс,* ср. русское *диво, день*). Боги оказывают помощь ликийским царям и полководцам, богам воздаются почести, им «направляются» жертвы, боги наказывают различного рода отступников и преступников. В роли наказующих богов выступают Тархунт, Сарпедон и «общинные боги» (*уведриц масащ*).

В тексте упоминаются кроме «основных» действующих лиц (Керен, Кериги и Тиссаферна) еще и многочисленные родственники Керен и Кериги, а в той части, что написана на диалекте А, еще и персидские полководцы Утана, Ариямана и др.

Конечно, при анализе текстов и поныне встречаются свои трудности. Целые куски текста Ксанфской стелы до сих пор нам непонятны: в них идет речь о ритуальных обрядах, а с ликийскими ритуалами мы почти незнакомы. Но и здесь есть надежда продвинуться вперед, кропотливо изучая все, что нам известно о малоазиатских и греческих ритуальных обрядах, и облекая постепенно в плоть тот костяк ликийского текста, который нам понятен уже и сейчас. Успехи исследователей в области хеттского и лувийского и других родственных языков тоже могут помочь в интерпретации ликийских текстов. Будем надеяться и на то, что в ближайшее время археологи найдут новые ликийские надписи. Собственно, и сейчас имеются надписи, давно или недавно выкопанные из земли, но еще не опубликованные.

Кстати, такова же ситуация и с языком соседей ликийцев — карийским. До сих пор не опубликовано 11 копий новых надписей и 30 уточненных копий старых надписей, хранящихся у О. Массона в Париже.

ЯЗЫК ЦАРСТВА КРЕЗ

В интерпретации текстов на ликийском языке, несмотря на имеющиеся успехи, есть еще много «белых пятен», а писидийский и сидетский языки являются едва ли не сплошным «белым пятном». Пока что мы можем с уверенностью говорить лишь о том, что они являются потомками древних анатолийских языков — и только.

Расскажем теперь еще об одном «позднем» хетто-лувийском языке Малой Азии — лидийском, который изучен лучше, чем, скажем, сидетский, но хуже, чем ликийский.

Лидия была очень богатой страной в VII в. до н. э. В ней чеканились первые в истории человечества золотые монеты — недра Лидии изобиловали золотом и другими полезными ископаемыми. В поговорку вошло богатство Креза — одного из лидийских царей (дело, конечно, не в его личном богатстве, а в богатстве Лидии как державы). В Лидии имелось развитое земледельческое хозяйство, процветали ремесла. Благоприятное положение Лидии на скрещении торговых путей способствовало быстрому ее возвышению. В эпоху Креза она превратилась в богатую торговую страну.

Недавно была обнаружена гробница лидийского царя Гига, имя которого, очевидно, восходит к хеттскому слову *хухха-* 'дед' (хетто-лувийцы часто давали детям

имена со значением «дед», «бабка», «отец», «мать», «племянница», «племянник» — очевидно, в честь родственников ребенка). Эта гробница обнаружена в столице Лидии, в Сардах, археологической экспедицией под руководством профессора Ханфмана.

Вот уже в течение многих лет Ханфман производит ежегодные раскопки в Лидии, на территории древних Сард. За это время было обнаружено много ценных архитектурных сооружений и других памятников лидийской культуры.

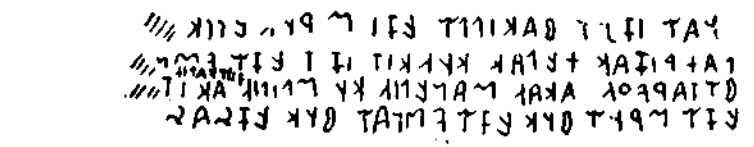
Могильный холм царя Гига — одно из наиболее ранних монументальных сооружений лидийцев. В холме проведены каменные туннели, на их стенах несколько раз встречается надпись *гуггу* — Гиг. По сообщению профессора Ханфмана, стены и усыпальница сложены из крупных камней методом, который в середине VII в. до н. э. нигде больше не был известен. Безусловно, это один из наиболее ранних образцов монументального строительства в районе Восточного Средиземноморья. В Греции сооружение больших храмов этим способом началось лишь в конце VII в. до н. э. Очевидно, сооружение могильного кургана было начато еще при жизни Гига. Интересно, что кроме «плановых» туннелей к центру холма ведут и несколько других — тайных. Эти туннели самой гробницы не достигают, вдруг обрываясь. Видимо, туннели эти были сооружены римлянами, стремившимися похитить богатства Гига, положенные в усыпальницу после его смерти.

Лидийские здания украшались красивыми керамическими плитками. Эти плитки ярко расцвечивались красной, белой и желтой краской.

В садах были обнаружены красивые, богато раскрашенные вазы и другие керамические изделия. Несомненно, греческая культура оказала на лидийскую значительное влияние. Это влияние сказывается и в архитектуре и в керамике. Были найдены золотые монеты, которые, по мнению Ханфмана, изготовлялись главным образом для оплаты наемников, служивших в лидийском войске (главную силу в этом войске составляла конница, которая, однако, формировалась не из наемников, а преимущественно из местных, лидийских, аристократов). Но ни конная гвардия, ни наемные войска не помогли лидийцам противостоять натиску персидской державы: в VI в. до н. э. правитель персов Кир захватил Сарды и навсегда покончил с Лидийским государством. С тех пор и вплоть до XX в. о Лидии мало что было известно. (Правда, и до наших времен сохранилось изобретение лидийцев — монеты да красивое женское имя Лидия.)

Раскопки в Сардах впервые были начаты в 1910—1913 годах, с той поры было найдено всего 80 лидийских надписей, в основном очень кратких.

Но загадки лидийского языка уже не существует —



Первые строки лидийской части лидийско-армейской билингвы

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

за короткий срок и на очень скудном материале ученым удалось расшифровать многие лидийские письмена.

«В то время как изучение ликийского продолжалось более столетия и было связано с огромной затратой сил, хотя и не привело к особо значительным результатам, изучение лидийского языка началось лишь после первой мировой войны, почти на голом месте и притом не потребовало большого труда», — пишет известный специалист по дешифровке письмен древнего Востока Иоганнес Фридрих.

Лидийский язык, как вы в этом убедитесь сами, имеет много сходства с языками, входящими в индоевропейскую семью. Вот, например, лидийское слово *аму*, означающее 'я, мне, меня'. Сравните русское *м-не, меня*, немецкое *m-ir, m-ich*. Вот лидийские местоимения *куис, куид*, означающие 'кто, что'. Они полностью созвучны латинским местоимениям *quis* 'кто' и *quid* 'что'. Лидийское слово *альас* 'другой' сходно с латинским *alius*, имеющим то же значение. Лидийское *аманс*, видимо, означает 'любящий', ср. французское *амур*, итальянское *аморе*, означающие 'любовь'. А латинское *amans* полностью совпадает — по значению и по звучанию — с лидийским словом *аманс*.

Все это — не случайные совпадения и не заимствования; ведь приведенные выше слова относятся к той части лексики, которая, как правило, не заимствуется и является основным фондом языка. Значит, лидийский язык — индоевропейский. Это положение доказал в 30-х годах нашего столетия Пьерро Мериджи.

К какой же из многочисленных ветвей этой семьи нужно отнести язык подданных царя Креза? Был ли он связан с языком своих соседей, фригийцев (родственником которого является современный армянский язык), населявших в древние времена север Малой

Азии? Или его родственником нужно считать греческий язык? Или латинский (ср. приводимые выше совпадения лидийских и латинских местоимений)? В этом сегодня нетрудно разобраться. Сравним лидийские слова со словами других языков.

Мы уже приводили лидийское местоимение *аму*, означающее 'я, мне, меня'. Оно родственно хеттскому местоимению *аммук* 'я'. Очень сходно по звучанию и ликийское *эму* 'я'. Лидийское слово «дом» писалось *бирас*, но произносилось, по всей вероятности, *пирас*. По-хеттски «дом» — *пир*. Лидийское указательное местоимение «он» пишется *бис*, в хеттском «он» — *абас*, в ликийском — *эбе*. По-ликийски «рисунок (на камне)» будет *зрббла*, по-лидийски *эн-сарб-* значит 'выцарапывать', 'писать'. Оба эти слова, и ликийское и лидийское, восходят к общему хеттскому корню **сарб-*. По-лидийски «сооружать» *зуве-, за-*; по-хеттски и по-лувийски это слово пишется *тува-, та-*, по-ликийски *туве-, та-, за-*. По-лидийски «старый» *весфанс*, по-хеттски — *вецпантс*. Слово «бог» в лидийском, милийском и хеттском звучало одинаково — *зива* (в лувийском же «бог» — *массана-*). Можно привести еще множество других хеттско-лидийских соответствий. Но и приведенных выше вполне достаточно, чтобы понять, что лидийский язык несомненно относится к ныне вымершей анатолийской семье языков, причем ближе всего из этих языков к лидийскому стоит язык «забытого царства хеттов». Вывод об особо близком родстве хеттского и лидийского был сделан несколько лет назад хеттологами профессором А. Камменхубер и профессором О. Каррубой.

Действительно, хетты жили в древности не только в центре, на севере, но и на западе (северо-западе) Малой Азии; в местах, в которых впоследствии обитали лидийцы, во II тысячелетии до н. э. жили хетты. Стало быть, лидийцы — прямые потомки древних хеттов? И да и нет. Действительно, лидийский язык ближе хеттскому, чем лувийскому (причем связующим звеном в хетто-лидийскую подгруппу языков входит карийский, о котором мы расскажем в следующей главе). С другой стороны, между хеттским и лидийским существует значительная разница — ее не было бы, если бы лидийцы были прямыми потомками тех «центральноанатолийских» хеттов, язык которых дошел до нас в богазкёйских табличках. Очевидно, лидийцы — прямые потомки западных хеттов, язык которых до нас не дошел в виде письменных памятников. Западные хетты говорили на одном из хеттских диалектов — отсюда и те различия, которые обнаруживаются между лидийским и «центральнохеттским» (мы не говорим сейчас о различиях во времени: хеттские письменные памятники на целое тысячелетие «старше» лидийских).

И все же лидийские надписи пока что интерпретируются с большим трудом. Дело не только в том, что надписей мало, но и в том, что они довольно разнообразны по содержанию. Пока что более или менее удовлетворительно читаются лишь надгробные надписи. Они схожи с ликийскими: в них содержатся «формулы проклятия», запрещающие повреждать гробницу («а если кто-либо повредит ее, то дом и двор его уничтожит богиня Артемида»).

Почти каждый год ученые находят новые лидийские надписи, но они мало что прибавляют к тем сведениям об этом языке, которые у нас имеются сегодня. Возможно, новый, самый тщательный анализ всех лидийских текстов в сопоставлении с текстами на других хетто-лувийских языках обогатит наши знания о лидийском, как это было с ликийским языком.

ЗАГАДКА КАРИЙЦЕВ

Писидийский, сидетский, ликийский, лидийский... Все эти языки являются потомками языков хеттов и лувийцев, «малыми хеттскими» языками. Когда Бедржих Грозный установил, что язык таинственных хеттов относится к индоевропейской семье, это открытие стало началом нового этапа в развитии индоевропейского языкознания. Данные хеттского, а затем и других анатолийских языков заставили лингвистов пересмотреть целый ряд, казалось бы, бесспорных положений. Заново пришлось пересматривать и проблемы древнейшего расселения народов. Оказалось, что народы, говорившие на языках индоевропейской семьи, уже многие тысячи лет назад заселяли Малую Азию и Эгеиду.

Были ли они самыми первыми жителями этого района? Античные историки утверждали, что самыми древними жителями Эгейских островов были лелеги, или карийцы. Карией, или страной карийцев, называлась в I тысячелетии до н. э. небольшая страна, расположенная между Ликией и Лидией; она была связующим звеном между Малой Азией и островами Эгеиды.

На каком языке говорили карийцы? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было расшифровать тексты карийцев, найденные в Малой Азии, а также в Египте, где их оставили карийские наемники, служившие на чужби-

не. До самого последнего времени не удавалось найти ключ к загадочным карийским письменам. «Бессильной оказывается пока наука также перед письменностью и языком Карии — области, расположенной в юго-западной Малой Азии, — писал известный дешифровщик Н. Фридрих. — Среди многочисленных находок Малой Азии, послуживших материалом для успешных дешифровок, оказалась одна, до сих пор остающаяся для нас тайной. Будем надеяться, что тайна эта будет раскрыта».

Только совсем недавно, в 60-х годах, удалось определить чтение карийских букв, прочесть некоторые надписи и установить родство карийского языка, этого последнего из могикан среди многочисленных языков древней Анатолии.

ГЛАВА 8

«ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН»

МЕЖДУ ЛИДИЕЙ И ЛИКИЕЙ

Отец Геродота, великого историка античности, не был греком. Он был карийцем. Геродот, как уже говорилось, родился и вырос в Карии — древней малоазийской стране, расположенной между Лидией и Ликией.

Греки передавали имя отца Геродота как Луксес или Люксес, в русской традиции Ликс. А как сам Ликс писал свое имя по-карийски? Только недавно удалось ответить на этот вопрос и заодно на некоторые другие вопросы такого же рода (например, мы знаем теперь, как писалось по-карийски и что значило имя карийского царя Мавсола; кстати, от этого имени происходит слово *мавзолей* — так называлась гробница, которую построила Мавсолу его сестра и жена, царица Артемисия). Но сначала познакомимся немного с карийцами и их языком.

У карийцев был сильный флот. Геродот писал, что карийцы в древнюю эпоху были союзниками критского царя Миноса. Крит некогда господствовал на море, карийские же корабли входили составной частью в критский флот. Греческий историк Фукидид сообщает нам легенду, согласно которой Минос в конце концов изгнал карийцев с Крита и других, более мелких островов.

Карийцы заплывали и в Грецию, и в Египет, и в другие страны. Они были «грозой морей»: карийские пиратские корабли бороздили окрестные моря. Остатки карийских поселений и погребений были обнаружены во многих местах Греции.

Геродот писал, что однажды карийцы попали в Египет — они были занесены туда бурей во время своих пиратских странствий. Так это было или нет, мы не знаем, но сообщение это — не просто легенда. Дело в том,

что в Египте действительно существовали карийские поселения-колонии (как, впрочем, и греческие). Мужчины-колонисты служили в наемных войсках египетского фараона.

О том, что карийцы жили не только в Карии, но и в Египте, сообщают и другие античные авторы. Но реальное подтверждение того, что многие карийцы жили в Египте, европейская наука получила лишь в прошлом веке.

В 1841 году французский аристократ и любитель древностей граф Луи де Сен-Ферреоль, путешествуя по Египту, обнаружил надгробный памятник — стелу с надписью на неизвестном языке. Надпись содержала непонятные знаки, часть которых была очень похожа на греческие буквы. Через три года немецкий египтолог Рихард Лепсиус, сыгравший исключительно важную роль в окончательной дешифровке египетских иероглифов, скопировал несколько похожих надписей в Абу-Симбеле — там находился огромный, высеченный в скале пещерный храм, фасад которого украшали четыре колоссальные статуи Рамсеса II (сейчас эти фигуры распилены и перенесены на более высокое место, а прежнее их «место жительства» затоплено водами Нила, сдерживаемыми Асуанской плотиной). Лепсиус верно определил, что надписи эти — карийские. Дело в том, что на ногах колоссов имелись надписи не только на карийском, но и на греческом и финикийском языках, а в Египте как раз служили карийские, греческие и финикийские наемники. В своих походах они заходили довольно далеко на юг и при случае оставляли короткие надписи (граффити) на скалах, на стенах древних сооружений — совсем как современные туристы.

Карийские надписи Абу-Симбела были сделаны одновременно с греческими (это было в 591 г. до н. э., при фараоне Псамтике II). Интересно, что некоторые греческие надписи принадлежали, судя по всему, не грекам, а именно карийцам, которые довольно хорошо знали греческий язык, но все-таки время от времени вставляли в греческий текст карийские буквы вместо греческих (несколько таких надписей было обнаружено в Абу-Симбеле совсем недавно: они ускользнули от внимания прежних исследователей).

В середине прошлого века знаменитый французский востоковед Огюст Мариетт обнаружил в развалинах мемфисских гробниц бронзовую статуэтку, изображавшую бога-быка Аписа. На основании статуэтки были надписи — одна на греческом, другая на карийском языке. Тогда же Мариетт обнаружил стелы с карийскими надписями.

Число находок увеличивалось. Были найдены надписи на многих бронзовых изделиях, печатях, кольцах. Карийские надписи прочесть не удавалось, но в египетских текстах сообщалось о богатых иностранцах — судя по всему, карийцах, занимавших важные посты при дворе фараона. Некоторые краткие надписи (например, надписи на стенах храма в Абидосе) были сделаны карийскими торговцами, путешествовавшими по стране.

Карийские надписи Египта относятся к VII—IV вв., это значит, что карийцы оставались в Египте в течение довольно долгого времени.

Может возникнуть такой вопрос: как ученые, не зная содержания надписей, могли их датировать? Здесь помогли различные «косвенные данные». Например, известно, что в 560 г. до н. э. египетский фараон Амасис переселил карийцев из дельты Нила в Мемфис. Поэтому все надписи, найденные в Мемфисе (надписи на стелах и на бронзовых реликвиях), датируются так: «не ранее чем 560 г.». Граффити, находящиеся рядом с греческими, датируются тем же числом, что и греческие. Надписи Карии, в которых имеются поздние греческие буквы, датируются IV в. до н. э. (III в. их датировать, видимо, уже нельзя: к этому времени карийцы полностью утратили свой язык, перейдя на греческий; уже во времена Геродота многие карийцы были двуязычными, т. е. владели и карийским и греческим языками. То, что самые поздние карийские надписи Египта датируются IV в. до н. э., не означает, что потом карийцы исчезли из Египта: они и здесь, очевидно, утрачивали постепенно свой язык).

Мы сказали — надписи Карии... Как ни странно, но в самой Карии карийских надписей найдено сравнительно немного. Хотя первая карийская надпись была найдена на территории Карии, и причем достаточно давно (еще в 1811 г.), впоследствии карийские надписи находили в основном в Египте и Судане. Лишь несколько десятилетий тому назад были обнаружены сравнительно большие карийские надписи в самой Карии. Самая большая — Кавнская — надпись была найдена в 1949 году; надпись включает более двухсот письменных знаков, но она, к сожалению, повреждена со всех четырех сторон — по сути дела, это обломок надписи. В отличие от большинства других надписей Карии Кавнская надпись — не надгробие, а, очевидно, текст исторического содержания.

Несколько обломков карийских надписей было найдено во время раскопок разных лет на территории древней Лидии, соседнего с Карией государства, население которого говорило, как это теперь выяснилось, на языке, близкородственном карийскому. Но не только в Африке (в Египте и Судане) и в Азии (в Карии и Лидии)

ученые находили карийские надписи. В Афинах, столице Греции, была найдена небольшая надпись на двух языках — греческом и карийском.

Почему же все-таки в самой Карии карийских надписей найдено меньше, чем за ее пределами? Дело в том, что в самой Карии, особенно на территории ее древних столиц, не велось серьезных раскопок. Основные карийские надписи Карии были найдены не во время раскопок, а случайно, заезжими путешественниками (одна надпись, например, находится на камне, оставшемся от древних сооружений и вставленном в стену современного жилого дома). Вот и получается, что многие карийские надписи, найденные в последние годы, обнаружены на территории Лидии, где регулярно ведутся археологические раскопки. Если бы раскопки велись и в Карии, мы наверняка имели бы возможность познакомиться с новыми большими карийскими надписями. А пока земля древней Карии надежно хранит в себе свои тайны.

СЕЙС И ДРУГИЕ

Несмотря на плохое зрение, копированием карийских надписей много занимался английский востоковед Арчибальд Генри Сейс. Он часто бывал в Египте, где и копировал карийские граффити, каждый раз обнаруживая надписи, неизвестные его предшественникам. Сейс прожил долгую жизнь (он умер в 1933 году в глубокой старости), и сорок лет этой жизни он посвятил карийским надписям. Особенно плодотворен был для него в этом отношении 1884 год, когда он скопировал в абидосском храме 38 карийских надписей. Как теперь выясняется, Сейс очень точно копировал надписи: современные исследователи довольно редко вносят исправления в его копии.

В 1885 году Сейс выступил перед лондонским «Обществом библейской археологии» с докладом об изучении и дешифровке карийских надписей. Позднее он добавил к этому докладу некоторые новые выводы, связанные с очередными находками карийских надписей, но эти выводы не изменили существа доклада.

Сейс вслед за Ленорманом считал, что в Малой Азии в древности существовало особое письмо — «азианический силлабарий» (т. е. слоговое письмо). Перу Сейса принадлежит несколько статей по истории письма, в которых он пытается доказать, что все алфавиты

Малой Азии восходят в конечном итоге к этому «азианическому силлабарию».

Естественно, Сейс свел к этому силлабарию и знаки карийского письма. Правда, некоторые знаки вроде A, O, Y, очень уж похожие на греческие буквы, он отождествил именно с этими буквами — и оказался прав. Его преемники, увлеченные идеей «древнего силлабария», совершенно потеряли чувство меры, сравнивая, например (это делал Ф. Борк), со знаками кипрского слогового письма даже те карийские знаки, которые точно совпадали по форме с греческими буквами (а не со знаками кипрского силлабария, с которыми они обнаруживали лишь очень отдаленное сходство). В общем и целом Сейс и его последователи рассматривали карийскую письменность как смешение слогового и буквенного письма.

Для того чтобы опровергнуть утверждение Сейса о слоговом характере ряда карийских знаков, достаточно уже тех материалов, которыми располагал сам Сейс. Но особенно наглядной несостоятельность теории Сейса стала теперь, после находки новых карийских надписей. Так, в 1951 году французский археолог Жан Леклан скопировал в египетских Фивах на стенах гробницы Монтуэмхата несколько карийских надписей, которые отличались одной интересной особенностью. В этих надписях вместо обычного для других карийских надписей знака, который условно можно назвать «двойная ламбда», использовался знак Δ (известный также и из других надписей). Он употреблялся именно в тех словах, в которых в остальных надписях употреблялась «двойная ламбда». Это само по себе говорит о сходстве звуков, обозначаемых обоими знаками. Но знак Δ большинство исследователей вслед за Сейсом отождествляли с греческой дельтой, тогда как знак «двойная ламбда» наделялся ими звучанием [ре]. Чтобы разрешить это противоречие, нужно отказаться либо от чтения *д*, либо от чтения *ре*. Если заменить чтение *ре*, скажем, на $д_1$ (чтобы подчеркнуть, что «двойная ламбда» обозначала звук, сходный с тем звуком, который передавался через $Δ = д$), мы получим чтение, близкое к реальности, если считать, что знак Δ действительно передавал звук [д] (это подтверждается теперь).

Вот и исчез один из немногих слоговых знаков, ко-

торый мог иметь какую-то аналогию в кипрском письме. Скорее всего, знак «двойная ламбда», составленный из двух Λ, следовало бы назвать «двойной дельтой», ибо Λ — это не только *л*, но и *д* в древних алфавитах. «Двойная дельта» обозначала звук, близкий [д], точно так же как в писидийском алфавите знак «двойное Y» передавал звук, близкий [у] (т. е. звуку, для передачи которого использовалось обычное *υ*). Есть сходные примеры и в других алфавитах: в ликийском, например, звук [х] передается через Ψ, а другой, сходный звук — через «двойное Ψ» (в лувийской клинописи оба этих звука передавались одинаково).

К сожалению, Сейс располагал более скудным карийским материалом, чем тот, которым мы располагаем сегодня. Он не понял, например, что обычное C и «угловатое ⊂» — разные знаки (второй совпадает с F — оба знака были вариантами одной и той же буквы не только в карийских, но и в греческих надписях).

Дело в том, что Сейс и его преемники не знали, что в Карии существовали разные алфавиты, отличающиеся друг от друга графическими вариантами букв. Что это такое, понять нетрудно. Представим себе, что букву «д» в Москве все вдруг стали писать *д*, а в Ленинграде *д*.

Перед нами — графические варианты («московский» и «ленинградский») одной и той же буквы «д». На то, что это не разные буквы, а всего лишь варианты одной буквы, указывают такие пары, как *д о м* и *д о м*: никто ведь не станет утверждать, что перед нами разные слова. Вот такими вариантами и отличались карийские алфавиты друг от друга. Но Сейс этого не знал — для него все знаки карийского письма входили в один алфавит. Понятно, что алфавит этот получался у него довольно громоздким — ведь в него входили и отдельные буквы и варианты букв. Ну, а раз знаков слишком много для буквенного алфавита, то карийское письмо не алфавитное, а смешанное — алфавитно-слоговое.

Вообще нужно сказать, что всякий раз, когда Сейс «обнаруживал» мифические слоговые знаки в малоазийских алфавитах, он очень гордился, ибо видел в этом подтверждение существования «азианического силлабария». Что же касается тех переводов, которыми Сейс снабжал все или почти все карийские надписи, то на них останавливаться мы не будем — они годятся для фантастических романов, но не для научных работ. И все же в объяснениях, которые Сейс давал карийским надписям, есть доля истины: он правильно предположил, что короткие карийские надписи, состоящие

из двух слов, из которых второе оканчивалось на Θ, представляют собой имена людей. Знак Θ в них соответствовал либо окончанию родительного падежа, либо суффиксу вроде нашего *-в*: Иван Петров, Степан Алексеев. Таким образом, если первое слово в подобных надписях передавало имя человека, сделавшего надпись, то второе соответствовало имени отца с соответствующим окончанием или суффиксом.

Сейс и его последователь Сундваль верно определили (это выяснилось лишь теперь) чтение некоторых именных основ — в тех немногих случаях, когда вся основа состояла из знаков, полностью или почти полностью соответствующих греческим буквам. К таким верно прочитанным основам относятся: *месна-, мава-, сава-, тавсе-*.

Если при определении звуковых значений карийских букв первые исследователи — Сейс, Сундваль, Торп — все же опирались на сходные по начертанию греческие буквы, то при определении «слоговых знаков» звуковые значения, что называется, брались с потолка: теоретически предполагалось, что «слоговые знаки» карийского письма должны иметь аналогии в средиземноморских слоговых письменностях. Но в них-то как раз и не было или почти не было знаков, похожих на карийские. Постепенно исследователи стали проявлять при дешифровке карийского письма совершенно безудержную фантазию.

Вот некоторые примеры «чтений» карийских знаков, предложенных разными учеными: буква «опрокинутый треугольник» V — *а, ай, и, ра, ро, йа, о, ой, у, к* (забегая вперед, сообщим, как на самом деле читался этот знак: это согласный *п*); «перечеркнутый круг» Θ — *во, мо, о, г, х, в, т, к ф* (на самом деле звук, близкий [л]).

Одно и то же слово читалось разными учеными как *ссассаэ, риросехе, плоэаи, пифсяэ, нанаэ* и т. п. Разобраться в этой «дешифровке» было, безусловно, труднее, чем дешифровать карийские тексты заново.

Альф Торп еще в начале нашего века верно определил, что знак ♀ относится к гласным и обозначает *и* (он встречается чаще всего между знаками, по форме соответствующими греческим согласным; кроме того, он встречается в слове, которое можно прочесть как *шула;* здесь второе *и,* видимо, передает неслоговой звук: *шйула*). Но последующие исследователи отнесли и этот

знак к слоговым, придав ему значение *хе*, причем без всяких оснований.

Сейс отметил такой важный факт: в абидосских греческих надписях встречается на месте эты и эпсилона (т. е. на месте долгого и краткого *э*) карийский знак «перечеркнутый полукруг» ⊕. Естественно, Сейс определил этот карийский язык в качестве *э* (*е*). Сходный (более редкий) знак карийских надписей был к тому же полностью идентичен по форме греческой эте (обозначим его через e_1); оба этих знака явно передавали очень сходные звуки (или просто один и тот же звук [э]), ибо они встречаются в слове *лулеки, луле*$_1$*ки*, которое Сейс сравнил с хеттским *лулаххи-*; в греческом эта основа звучит *лелег-*: по преданию, карийцы называли себя лелегами.

Но на все эти важные выводы, которые могли бы послужить хорошей основой для дешифровки, преемники Сейса, Торпа и Сундваля не обратили внимания. Они отбросили значение *э*, которое с полным основанием придал нашему значку Сейс, «превратив» и эту букву в «слоговой знак» *хе*.

Из ученых более позднего времени особенно «неистовствовали» в своих дешифровках карийских надписей Фердинанд Борк и Артур Менц. Последний, правда, выступил с критикой теории «азианического силлабария» и попытался придать карийским знакам буквенные значения. Но при этом он совершенно не опирался на факты, поэтому все его отождествления ненаучны. Как верно отметил французский специалист по карийской эпиграфике профессор Сорбонны О. Массон, «все отождествления Менца должны быть отброшены». Менц не удовольствовался тем, что придал совершенно нереальные чтения карийским буквам. Он еще занимался «исправлением» карийских надписей, считая, что карийцы во многих случаях делали ошибки на письме. Возможно, карийцы и делали ошибки, но уж, во всяком случае, не там, где это нужно было Менцу.

Интересно, что совсем недавно, в 1965 году, Р. Шэфер напечатал в бельгийском журнале «Классическая древность» статью «Прорыв в карийской плотине», где в своем фантазировании превзошел даже Менца. Шэфер решил, что исследователи прошлого потому не сумели дешифровать карийское письмо, что они читали карийские надписи «не в ту сторону» (на самом деле направление чтения карийских надписей в подавляющем большинстве случаев не вызывает сомнения). И вот Шэфер стал «читать» слева направо те карийские надписи, которые писались справа налево; надписи же, которые писались слева направо, он стал «читать» справа налево. Чтобы «вычитать» хоть что-нибудь из карийских надписей, Шэфер придавал одному и тому же карийскому знаку самые различные звуковые значения, в зависимости от того, какой именно звук хотел он в данном случае «слышать». Ни у кого не вызывало сомнения то обстоятельство, что короткие надписи Карии — надгробные. Шэферу до этого было мало дела. Он мог рассматривать такие надгробия, например, как своего рода «классные доски», на которых греки учились карийскому языку — или наоборот. Кстати, здесь Шэфер не оригинален — Менц, например, рассматривал надгробные надписи из Египта, содержащие лишь имена умерших, как заклинания, обращенные к египетским богам.

ДЕШИФРОВКА ПЕРВЫЙ ЭТАП

Дешифровка плохо продвигалась вперед (точнее говоря, она двигалась назад), несмотря на то что в 50-х годах нашего века известные карийские надписи подвергались ревизии. Были заново изучены оригиналы надписей, и в имеющиеся копии были внесены уточнения. Этой кропотливой эпиграфической работой занимались бельгиец Деруа и французы Массон, Юайотт и Бернан (двое последних — в Египте, изучая карийские граффити на скалах и стенах храмов). Эта работа позволила не только уточнить старые чтения, но и обнаружить некоторые новые надписи, в том числе и надписи на египетских изделиях, хранящихся в различных музеях мира, но забытые учеными. Кстати отметим, что в 1964 году в Москве и Париже была опубликована забытая египетская карийская надпись на статуэтке Исиды из ленинградского Эрмитажа. Эта статуэтка числится в каталоге Голенищева, изданном в прошлом веке, но никогда не публиковалась и, кажется, нигде больше не упоминалась. Как она попала в Эрмитаж — неизвестно. В Эрмитаже она хранится в одном из запасников (см. рис. на стр. 197).

Появилась возможность научного анализа карийских надписей. Поскольку карийские надписи были найдены в самых различных районах (например, в одной только Карии имеется несколько групп надписей, найденных в разных районах страны), имело смысл задаться вопросом: не существует ли между карийскими надписями различий, подобных тем, которые имеются между греческими надписями?

Ведь в разных районах Греции существовали разные локальные (местные) алфавиты, незначительно отличавшиеся друг от друга. И вот выяснилось [1], что в Карии действительно существовали локальные алфавиты, несколько отличавшиеся друг от друга. Если сложить все знаки, употреблявшиеся в разных алфавитах, получится довольно много; в каждом же отдельно взятом алфавите их было не так уж много — что-то порядка тридцати. Эта цифра соответствует тому, что мы имеем в соседних с Карией ликийском и лидийском алфавитах (в каждом около 30 букв).

Стало быть, карийское письмо — не слоговое, а обычное буквенное? Да, это так, и к этому выводу был близок знаменитый хеттолог Х. Боссерт, писавший в 1950 году о том, что если в большой Кавнской надписи на 240 сохранившихся знаков приходится всего 27 разных, то это говорит как раз о том, что в Кавнской надписи использовалось буквенное письмо: возможно лишь, что кавнский алфавит насчитывал не 27, а 28 или 29 букв.

При исследовании местных карийских алфавитов была произведена так называемая идентификация вариантов различных букв. Было установлено, какие знаки разных алфавитов соответствуют друг другу (т. е. передают одни и те же звуки), какие знаки в одной и той же группе надписей передают действительно разные буквы, а какие представляют собой лишь варианты одной и той же буквы. В некоторых случаях (один такой случай мы уже отмечали) в данном алфавите одна буква может соответствовать двум буквам (а следовательно, и двум звукам) другого алфавита и т. п.

После этой предварительной работы можно было приступать к выявлению звуковых значений отдельных карийских букв — к дешифровке в собственном смысле этого слова (хотя, строго говоря, и предварительный, эпиграфический анализ следовало бы тоже отнести к дешифровке).

С чего начать? Что если попытаться выбрать у прежних исследователей (Сейса, Торпа, Сундваля и др.) то ценное, что можно использовать для дальнейшего движения? Это сделать трудно, но в принципе возможно: надо отобрать такие идентификации (отождествления отдельных букв), которые не содержат внутренних противоречий.

А можно действовать и иначе: разработать метод отделения гласных от согласных в буквенном письме и применить его к карийским текстам. Мы получим в этом случае два класса букв — класс гласных и класс согласных. Такая поляризация букв должна нам значительно облегчить дальнейшую работу.

[1] См. подробнее в книге: В. В. Шеворошкин, Исследования по дешифровке карийских надписей, М., 1965, стр. 93 и сл.

А как можно отделить гласные от согласных, не зная языка, и почему это вообще можно сделать? Дело тут, в общем, простое. Очень многие языки земного шара имеют «структуру СГСГСГ». После согласного в любом слове этого языка стоит гласный, после гласного (если только это не последний звук слова) стоит согласный и т. д. Мы уже говорили о таких языках в разделе о линейном письме [1].

Такая структура речи лучше всего отвечает произносительным возможностям человека. Человек говорит слогами, а не отдельными звуками, и самый удобный слог для него — СГ. Этот слог чаще всего встречается в языках мира. Это, по сути дела, единственный тип слога, встречающийся во всех без исключения языках. Этот слог — самый обычный слог в языке детей (русские дети, еще не научившиеся правильно говорить, произносят *пигаю* вместо *прыгаю, мокие* вместо *мокрые, павина* вместо *правильно* и т. п.).

Те языки, в которых могут встречаться по два согласных (или гласных) подряд или более сложные однородные сочетания (ССС, ГГГ), все же предпочитают слог СГ всем другим слогам. Взять, например, русский язык, в котором встречаются даже по четыре согласных в начале слов (*встреча, вздрогнуть*), — явление исключительно редкое среди других языков — так даже в русском языке между двумя гласными чаще всего стоит один согласный, а уж между двумя согласными в подавляющем большинстве случаев стоит один гласный. Два гласных подряд в русской речи встречаются редко.

Помня о подобных закономерностях, можно разработать простую методику отделения гласных от согласных, которая будет годиться как для текстов на живых (современных) языках, так и для текстов на мертвых языках, ибо все языки характеризуются регулярным следованием гласных и согласных. Ведь если, например, в языке часто встречаются по два, а то и по три согласных подряд, то и в таких языках все равно согласные встречаются лишь по соседству с гласными. А если ча-

[1] Подробнее см. в книге: В. В. Шеворошкин, Звуковые цепи в языках мира, М., 1969, гл. 2 и 3.

сто встречаются скопления согласных, то не встречаются или редко встречаются скопления гласных. Поэтому достаточно выделить один регулярный класс букв (звуков), члены которого не встречаются (или встречаются редко) по соседству друг с другом. Другой класс выделится механически. Какой из двух классов включает в себя гласные, а какой — согласные, узнать нетрудно: разных согласных в системе языка всегда больше, чем разных гласных.

Как же на практике выглядит методика отделения гласных от согласных? Сделайте так: возьмите только что прочитанное вами вопросительное предложение (без учета деления на слова) и составьте на его основе столбцы троек, «организованные» по центральной букве:

1	2	3	4	5	6	7	и т. д.
как	*акж*	*жен*	*ена*	*кти*	*тик*	*выг*	
нап	*акт*	*кев*	*енщ*	*итм*	*дит*	*ных*	
рак	*ике*	*жет*	*сны*	*ето*	*дик*	*ных*	
као	*ика*	*дел*	*сны*	*отд*	*ния*		
лас		*лен*		*отс*			
лас							

Предполагается, что мы не знаем, какие буквы гласные и какие согласные. Ведь такие столбцы составляются совершенно «автоматически», языка тут знать не нужно. Наша цель — выделить столбцы, имеющие сходную структуру, чтобы отделить «класс гласных» от «класса согласных». Посмотрим, какие буквы встречаются «в окрестности» центральной буквы в тройках того или иного столбца по нескольку раз. В 1-м столбце это *к, с, л*; во 2-м — *а, и*; в 3-м — *л, н*; в 4-м — *е, ы, с*; в 5-м — *и, о*; в 6-м — *к, т, д*; в 7-м — *н, х*.

Нетрудно заметить, что выписанные (т. е. наиболее часто встречающиеся) буквы в каждом столбце не те, что центральная. Получаются противопоставления «окрестностных» и центральных букв:

1. *а* : *к, с, л*
2. *к* : *а, и*
3. *е* : *л, н*
4. *н* : *е, ы, с*
5. *т* : *и, о*
6. *и* : *к, т, д*
7. *ы* : *н, х*

Далее «группу» *к, с, л* мы объединяем с «группой» *к*, а «группу» *а* объединяем с «группой» *а, и*. С «группой» *е* объединяем «группу» *е, ы, с*, а с «группой» *л, н* — «группу» *н* и т. д.

Эти семь противопоставлений (или больше, если столбцов больше) можно объединить в одно:

а, и, е, ы, о, с : *к, л, н, т, д, х, с*

Возникает лишь вопрос, куда отнести *с*. Оно попадает в обе «группы». Но привлечение нового материала для такого анализа покажет, что *с* попадает во вторую «группу».

Важно, что у нас имеются два класса букв, представители которых группируются в тексте преимущественно «в окрестности» друг

у друга. Один из этих классов включает гласные, другой — согласные. Дальнейший анализ (можно взять еще несколько фраз) покажет, что к первому классу (*а, и, е, ы, о*) можно присоединить еще *я* и *ю*, тогда как остальные буквы отойдут ко второму классу [1]. Первый класс как меньший по объему определяется как класс гласных, второй — как класс согласных.

Такая методика, естественно, действительна только для буквенных текстов. А что, если мы не знаем, буквенный текст перед нами или нет? В этом случае сама невозможность выделения двух классов элементов (или, что то же, двух типов столбцов) покажет нам, что текст небуквенный. Успех же анализа докажет, что текст буквенный.

Эта методика была успешно применена при дешифровке агванского письма известным советским лингвистом-кавказоведом Г. А. Климовым. Подробно она изложена в 3-й главе книги «Звуковые цепи в языках мира». Впервые же эта методика была использована при исследовании карийских текстов, в результате чего к гласным отошли буквы, сходные с греческими буквами, передающими гласные, а к согласным — буквы, сходные с греческими буквами для согласных. Это подтвердило вывод о родстве греческого и карийского письма. Теперь нужно было определить звуковое значение каждой отдельной буквы.

Если бы карийские тексты фиксировали все звуки языка, можно было бы применить специальную методику выделения подклассов букв, соответствующих сонантам, смычным, спирантам и т. д. Такая методика тоже существует. Но в карийских текстах имелись значительные скопления согласных букв, среди которых отсутствовали гласные (хотя в речи гласные звуки, видимо, имелись). Это затрудняло применение специальной методики. Здесь нужно было идти на хитрость.

Кроме тех карийских имен, которыми изобилуют карийские надписи, имена карийцев встречаются и в

[1] Анализ можно продолжить и на нашей единственной фразе, но она невелика по объему и содержит не все буквы алфавита. Но уже на нашем примере можно увидеть, что столбцы с центральными *а, и, е, ы* в целом более «правильны», чем столбцы с центральными *к, н, т*: первые имеют в окрестности в подавляющем большинстве случаев элементы второго класса; вторые же содержат в окрестности элементы обоих классов.

греческих передачах. О некоторых таких именах (*Ликс, Мавсол*) мы уже говорили. Можно подсчитать, как часто такая-то буква (скажем, альфа или сигма) встречается в греческих версиях карийских имен, а потом сравнить эти подсчеты с такими же подсчетами, но сделанными уже на материале самих карийских надписей. Если при этом выяснится, что греческая альфа встречается в карийских именах так же часто, как и буква A в карийских надписях, можно считать, что греческая альфа передавала тот же звук, что и карийская A; получаем: A=*а*. Так можно проверить и подтвердить идентификации Сейса (A=*а*, O=*о*, V=*у*) и идентифицировать те буквы карийского письма, которые не находят соответствий в греческих алфавитах.

Это и было сделано. Многие буквы удалось отождествить, многие, но не все. Ведь если две-три буквы и в греческих версиях и в карийских надписях встречаются одинаково часто, то трудно сказать заранее, какая из них чему соответствует. В этих случаях имело смысл сравнивать уже не отдельные буквы, а целые имена.

Вот, например, распространенная именная основа MeMNa-. Здесь гласные нам известны, а согласные — нет. После различных сопоставлений[1] принимается одно из возможных (но не окончательных) решений: M=*м*, M=*с*, N=*н*, т. е. *месна*. Такой вывод подтверждается и тем, что *м* встречается обычно реже, чем *н* или *с*, но все же это чтение необходимо проверить. Оказывается, что в карийских именах из греческих надписей довольно часто встречается именная основа *масна-* (мы говорим «основа», а не «имя», ибо *масна-* входит в состав более сложных имен). В лувийском и ликийском языках *масна-, масана-* значило 'бог'. Эта основа употреблялась и в именах, например *Масна-пийа* букв. 'богом данный' (ср. Богдан). Чтение букв *м*, *н* и *с* подтверждается этим и целым рядом других сопоставлений.

Подтверждается оно и тем, что в древнейших греческих алфавитах, родственных карийскому, *с* изображалось в виде M, а *н* — в виде N (впрочем, N означало *н* не только в самых древних, но и вообще во всех греческих алфавитах). Подтверждается это чтение и перекрестной проверкой: имя *Месеве* находим и в карийских и в ликийских надписях; карийское имя *Бскове* точно соответствует хеттскому имени *Баскува-* и т. д. То, что в карийских именах иногда встречаем *е* там, где в других языках писалось *а*, объяснить нетрудно: уже в греческих передачах карийских слов *е* часто писалось на месте *а*, и наоборот. То же мы встречаем и в самих карийских надписях (ср. такие варианты, как *Мава-* и *Маве-*, и т. п.; кстати, это имя, употреблявшееся и в ликийском, обозначало малоазийскую Богиню-мать).

Применяя различные методы идентификации и проверки, мы можем без особого труда прочитать и такие имена, как *Тавсе-* (букв. 'мощный', если судить по такому же лидийскому слову), *Эсов-* или *Эсова-* (в греческих передачах *Эсоуа*), *Ийавнна-* (ср. «догреческое» *ийавонес* 'ионийцы'), *Слара* (в греческой передаче *Салара*), *Кавеа* (хеттское *Кавийа*; ср. лидийское *каве-* 'жрец'), и целый ряд других. Некоторые из этих имен (*Мава-, Тавсе-* и еще несколько) были верно прочитаны Сейсом, Сундвалем, Торпом и Айлерсом. Эти имена включают буквы, очень похожие на греческие, например F =*в* (эта буква в поздних греческих надписях уже не встречается: звук [в] исчез из греческого языка), O = *о*, Δ =*д* и др. Были, однако, и буквы, не похожие на греческие (те, что неправильно считали «слоговыми» знаками).

Как быть, например, с именами, в которых встречаются такие совершенно «непонятные» буквы, как Θ? Это — не греческая тета ([т] с придыханием), ибо в карийском имелась особая буква («крест в круге»), соответствующая греческой тете в ее наиболее древней форме. К тому же в карийском имелись варианты буквы Θ, например: ΦΦ Φ . В общем, это была буква, которой ничто не соответствовало в греческих алфавитах.

Чему же соответствовала эта буква в греческих передачах карийских имен? Ведь все «основные» звуки уже были «закреплены» за теми или другими карийскими буквами: F =*в*, M=*с*, И,N=*н*, Λ, Γ=*л*, O=*о*, V=*у*, A=*а*, «крест в круге»=*т*; «косое» H=*б* (такая же буква имелась в древних греческих алфавитах), P=*р*, X,+=*х* и т. п. Чему соответствовали такие, например, имена, как *Θухсе, Θувло, Θуке, МеснаΘ*? Тщательный

[1] При которых учитывается и частотность букв в карийских текстах и в греческих передачах карийских имен.

перебор карийских имен в греческой передаче показал, что эта буква передавалась в греческом через Λ. Греческие версии перечисленных имен таковы: *Луксес, Лоуолос, Луке-*. Имени *МеснаΘ* соответствует лувийское *масналли-* 'божественный'. Видимо, не случайно Θ стояла в начале имен перед *у* (перед другими гласными карийцы употребляли обычное Λ); скорее всего, эта буква передавала в карийском языке особый звук, близкий Λ, но не совпадающий с ним. Может быть, первоначально эта карийская буква соответствовала мягкому звуку вроде нашего *ль:* ведь в имени *МеснаΘ*, т. е. *Месналь*, этот звук происходит из более древнего *-лли-* или *-ли-*, судя по лувийскому *масналли-*.

Получается любопытная картина. Дело тут не только в том, что мы определили такие важные имена с начальным Θ как *Лухсе-, Луксес* (так звали отца Геродота), *Луке-* (ср. названия Лукка, Ликия) и др., и не только в том, что мы определили звуковое значение уподобительного знака, не находящего аналогий в греческом письме. Самое важное заключается в том, что мы узнали, как звучал карийский суффикс, игравший тут роль родительного падежа. Ведь, как показали Сейс и Сундваль, именно этот суффикс Θ использовали карийцы в своих многочисленных надписях, значивших «Такой-то, сын такого-то», например: *Микру Эвавсе-ль* 'Микру, сын Эвавсе' и т. п. (мы даем карийские имена в новом чтении). Родственный суффикс использовали и лидийцы, в языке которых, скажем, карийскому *Тавсель* должна соответствовать форма *Тавселли-*, и лувийцы (*масналли-*/кар. *месналь*) и хетты. В хеттском имелось, например, слово *хасталли-* 'герой' (букв. 'костистый'); в карийском же к этому слову восходило имя *Хасталь*, что ясно из греческих передач (*Костолли-, Кастали-*). Определив этот карийский суффикс, мы нашли и разгадку написания *-о͂лос, -о͂лдос* в греческих передачах карийских имен: долгий *о* (*о͂*, омега) соответствовал карийскому *а* (это был глубокий звук, близкий в произношении к [о]), а группа звуков *лл, лд* передавала то самое второе *л* (по происхождению мягкий звук), которое содержалось и в карийском *Лухсе* и в карийском *Масналь* (в греческом было бы *масно͂лдос*).

Итак, в греческой передаче *-о͂ллос* скрывался карийский суффикс *-аль* (*-ос* — окончание именительного падежа — уже чисто греческое: ср. окончание *-ас*, которое литовцы присоединяют ко всем мужским фамилиям). Он имелся, например, в имени Мавсол (греч. *Маусоллос*), которое значило буквально 'воин (богини) Мав'; в карийском писалось бы *Мав-усаль* (с особым *у*, восходящим к *ва*: ср. карийское *уссос* 'копье' и ликийское *ваццu*).

Обнаружение в карийском суффикса *-ль*, родственного лидийскому *-лли-* или *-ли-*, было важно особенно потому, что таким образом устанавливалось особо тесное родство между лидийским и карийским языками: ведь именно в этих двух языках данный суффикс использовался как заместитель родительного падежа (в других хетто-лувийских языках суффикс *-лли-* или *-ли-* имелся, но в них существовал, кроме того, и специальный аффикс родительного падежа).

Однако не мало ли одного этого суффикса, чтобы говорить о вхождении карийского в состав хетто-лувийских языков (т. е. древних индоевропейских языков Малой Азии) и об особо близком родстве карийского и лидийского? Возможно, одного суффикса было бы мало, но тут обнаружилось довольно много особенностей, которые несомненно свидетельствовали о родстве карийского с хеттским, лидийским и другими хетто-лувийскими языками. Дело не только в совпадении имен (вроде карийского *Месналь* и лувийского *Масналли-* или карийского *Бскове* и хеттского *Баскува-*); имена могут и заимствоваться из языка в язык. Дело прежде всего в совпадении окончаний имен и глаголов, а они-то если и заимствуются, то только из одного близкородственного языка в другой.

Подобно тому как в тексте на неизвестном языке мы можем отделить гласные от согласных, точно так же мы можем отделить имена существительные от глаголов, выделить префиксы, суффиксы, окончания имен и глаголов и т. д. Это будет «формальный анализ» текста (его содержательной стороны).

Возьмем абзац текста, недавно прочитанный вами: *Получается любопытная картина...* и т. д. Попробуем произвести формальный анализ этого текста (для простоты рассмотрим текст таким, какой он есть, т. е. разделенным на слова; в принципе неважно, разделен текст на слова или нет: в ходе формального анализа может быть произведено и вычленение слов в сплошном тексте).

Посмотрим, какие элементы отдельных слов встречаются особенно часто. К числу таких элементов относится буквосочетание *-ли: определили, узнали, показали, использовали, нашли; -их: своих, значивших, греческих, карийских; -ое: звуковое, самое, важное, долгое, второе; -цы: лидийцы, лувийцы, карийцы* и др. Со словами на *-их*, видимо, связаны стоящие с ними по соседству другие слова на *-х: многочисленных, надписях, передачах* и др.

В класс форм на *-х* входят, очевидно, формы на *-ом*, поскольку они образованы от тех же слов, от которых образованы формы на *-х: карийском, греческом, хеттском*. Слова этого класса имеют и формы на *-цы*, упомянутые выше.

Обнаруживается, в частности, следующая закономерность: со словами на *-ли* сочетаются слова на *-ы* и слова на *-цы*: ср. *мы определили, мы узнали, мы нашли, использовали карийцы, использовали и лидийцы... и лувийцы... и хетты.* Можно отметить, что рядом со словами на *-ли* обычно стоят слова на *-ы* (которые, видимо, могут соединяться посредством *и*), а если их нет, то слова, соединяемые посредством *и* (*показали Сейс и Сундваль*). Этого недостаточно, чтобы определить формы на *-ы* как подлежащие в форме множественного числа, а формы на *-ли* как соответствующие сказуемые, но мы уже на пути к этому. Во всяком случае, устойчивая связь форм на *-ы* с формами на *-ли* очевидна, причем нетрудно увидеть, что формы на *-ли* не входят в класс, объединяющий формы на *-ы, -х, -ом* и др. (этот класс именной: имена, а не глаголы могут выстраиваться в длинные цепочки согласованных форм вроде: *...своих многочисленных надписях, значивших...; ...греческих передачах карийских...* и т. п.).

Обычно устойчивые сочетания представителей разных классов передают отношения между субъектом и предикатом или предикатом и объектом. На субъект (или объект) может указывать повторяющееся в тексте слово именного класса (в нашем случае *мы*); повторение формального элемента глагольного класса при разных знаменательных элементах (глагольных основах) может указывать на определенный «фон» повествования (в нашем случае *-ли* указывает на прошедшее время).

Если привлечь дополнительные тексты, мы без труда получим подтверждение первоначальных выводов: к глаголам отойдут не только формы на *-ли*, но и другие формы с *-л-, -л* (*передавали, передавала, передавало, передавал; соответствовало; происходил* и т. п.), формы с *-сь, -ся*, а также формы на *-ет, -ят* и др. В конечном итоге будет выявлена морфология языка. (Нужно отметить, что очень большой текст помог бы нам выявить не только грамматику, но и семантику языка, т. е. определить конкретные значения слов.)

В карийском на основе формального анализа выделились такие, например, глагольные окончания: *-с, -ть, -и* и некоторые другие. Наиболее частым окончанием было *-с*, и, судя по кратким текстам, оно присоединялось к глаголам 3-го лица единственного числа прошедшего времени. В хеттском этому окончанию соответствовало именно *-с*. Вот и еще одно подтверждение родства карийского с хетто-лувийскими языками. Дальше — больше: *-ть* и *-и* соответствовали хеттским окончаниям *-ци* (из **-ти*) и *-и* (суффиксы 3-го лица ед. ч. настоящего времени: два типа спряжений [1]).

[1] В прошедшем времени в хеттском также имелось два типа спряжений: окончания 3-го л. ед. ч. *-т* и *-с*. Второму соответствовало, как мы сказали, карийское *-с*, а первому — в карийском «ноль звука». Очевидно, в этом языке *-т* отпало, так что в качестве форм прошедшего времени выступала чистая основа. То же произошло и в лидийском, но здесь возникло новое окончание *-л* (как и в русском языке, это окончание произошло из суффикса причастия).

В системе имен существительных в карийском выделяются окончания *-ль* (дательный или местный падеж по форме совпадает с суффиксом *-ль*, о котором мы говорили выше), *-н* (винительный падеж), *-(о)ц* и др. Соответствие им находим в лидийском, хеттском, лувийском и ликийском: в лидийском *-ль* было как раз окончанием дательно-местного падежа; в этом языке, а также в хеттском, лувийском, ликийском *-н* было окончанием винительного падежа; в хеттском *-ац* или **-оц* было окончанием «отложительного» падежа.

Всюду обнаруживается особая близость между карийским и лидийским либо карийским и хеттским языками, причем карийский выступает как бы в качестве соединительного звена между лидийским и хеттским. Уже раньше исследователи выделили хеттский и лидийский языки в особую подгруппу среди хетто-лувийских языков. Факты карийского языка подтверждают и подкрепляют этот вывод. Конечно, соответствия карийскому обнаруживались не только в хеттском и лидийском: так, карийское *нда-ку* 'на-писал' или 'над-пись' состоит из префикса *нда-* (ликийское *нда-* 'в', 'на') и основы *ку* из **ква-* (лувийское *квай-* 'гравировать'; ср. русское *ковать*).

ДЕШИФРОВКА. ВТОРОЙ ЭТАП

Ученые разных стран мира весьма быстро отреагировали на те результаты дешифровки карийских надписей, о которых мы здесь вам рассказали. Советские лингвисты И. М. Дьяконов и Л. А. Гиндин, польский хеттолог М. Попко, чех Л. Згуста, итальянцы В. Пизани и Р. Гусмани опубликовали рецензии, в которых присоединились к полученным результатам; принял их и А. Хойбек и ряд других исследователей. С возражениями выступила профессор Камменхубер из Мюнхена, но это была не специальная работа, а несколько строк в статье, посвященной совсем другому вопросу. Из этих строк следовало, что Камменхубер книги «Исследования по дешифровке карийских надписей» не читала, но «в силу консерватизма» выступает против определения карийского языка как одного из хетто-лувийских. Возра-

жал против некоторых чтений и Массон, ибо они противоречили тем предположениям, которые он когда-то высказал. Речь здесь идет о надписи, в которой есть слово *слмодо:* по Массону, это — собственное имя, в «Исследованиях» же говорится, что *слмодо* — форма глагола в повелительном наклонении ('пусть увековечит' или что-то в этом роде).

Массон считает, что, судя по египетской надписи на той же реликвии, на которой имеется и карийская надпись, в карийском тексте обязательно должны быть два собственных имени. В принципе это может быть верным (хотя, судя по всему, карийская надпись совсем не повторяет египетской), тем более что в карийском тексте имеются два слова, связанные союзом *-хе* 'и'. Но слова *слмодо* среди них нет.

Уже после того как были дешифрованы карийские надписи, удалось выяснить, что и в ликийских надписях встречаются формы 2-го лица повелительного наклонения от того же глагола: *слама* по-ликийски значит 'запечатли, увековечь!' Примечательно, что не только основа карийского глагола, но и окончание его соответствует окончанию в ликийском языке: здесь повелительное наклонение 3-го лица единственного числа было бы *слмаду* при карийском *слмодо* (кстати, ликийское *у* писалось на месте старого **о*!). В хетто-лувийском *-аду, -адо, -одо* — окончания повелительного наклонения.

В 1966 году, вскоре после выхода в свет «Исследований», была опубликована брошюра ленинградского грециста Ю. В. Откупщикова «Карийские надписи Африки», направленная против тех положений, которые развивались в «Исследованиях», и содержащая новую дешифровку карийских надписей. В появившихся затем рецензиях Дьяконова, Гиндина, Массона, Хойбека, Йордана (грецист из Берлина) дешифровка Откупщикова получила резко отрицательную оценку. Но об этом можно было бы и не говорить, если бы не два обстоятельства. Во-первых, на примере Откупщикова можно наглядно показать, что такое неудачная дешифровка. Во-вторых, в работе Откупщикова содержится одно важное положительное замечание (касающееся, правда, не самой дешифровки), на которое не обратили внимания его критики.

Речь идет о происхождении знака ⚲, который еще

в начале века был верно определен в качестве буквы *и*. Откупщиков заметил, что этот карийский знак похож на южносемитский знак «йод»; он сообщил в статье, опубликованной в Трудах 1-го Конгресса микенологов в Риме, и о том, что в карийских алфавитах есть и другие знаки южносемитского типа. Но это его замечание, будучи верным, противоречит его же дешифровке.

В карийском действительно находим и буквы $\underline{\text{M}}$, $\overline{\text{W}}$, B=*м*, похожие на южносемитский знак для *м*, и буквы M, W=*с*, аналогичные южносемитскому знаку для *ш*, и «опрокинутый треугольник» ▽=*п*, и его «открытый книзу» вариант ⊓, очень сходный с южносемитским знаком для *б*. Но, по Откупщикову-то, $\underline{\text{M}}$ — это *с*, а не *м*; M — это *м*, а не *с*; ▽ — это *у*, а не согласный! Этот пример очень интересен: он показывает, что, как только у автора ложной гипотезы появляется хоть одна верная мысль, вся его гипотеза разрушается в одно мгновение.

Но как же, спросит читатель, сопоставить с южносемитским знаком для *б* карийскую букву, обозначающую звук [п], а не [б]? Это-то самое интересное. Как и в лидийском, в карийском произошел сдвиг звуков: [б] превратился в [п], а старый [п] еще до этого превратился в [ф] (карийское Ф). Лидийское *эпад* 'здесь' писалось с *б*, но это *б* произносилось уже как [п]. Точно так же и карийское *эпад* 'здесь' писалось с *б*, которое, однако, произносилось как [п]. Тут важно, что значение *п* карийской буквы ▽ было установлено еще до того, как было выяснено ее происхождение, причем само слово *эпад* было обнаружено в карийских текстах талантливым хеттологом А. А. Королевым уже после дешифровки. Так практика исследования подтверждает верность дешифровки. Причем и в этом случае обнаруживается особая близость между карийским и лидийским языками. Пример сдвига согласных, о котором мы рассказали, возможно, говорит о том, что в хетто-лувийских языках происходило явление, называемое передвижением согласных.

Откупщиков считает, что в карийских текстах гласные встречались очень часто. В доказательство он приводит несколько греческих передач карийских имен, в которых подряд идет несколько гласных. На самом деле в этих именах имелись согласные, но для

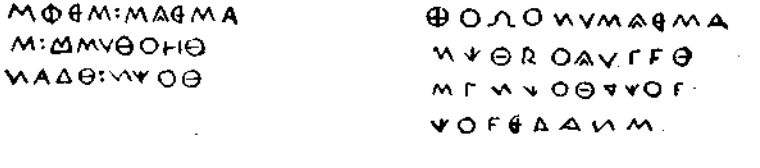
них не нашлось согласных в греческом письме (в котором, например, не было *в*: вместо *в* греки писали *у, о* или *оу;* мы приводили в пример карийское имя *Лувло,* которое греки передавали как *Лоуоло-,* и т. п.). Как раз в карийском, как и в лидийском, языке могли встречаться по нескольку согласных подряд (во всяком случае, в текстах; в речи между такими согласными имелись, очевидно, гласные «призвуки», «довески»). Внимательный анализ греческих передач именно об этом и говорит: здесь обнаруживается много имен, содержащих значительные скопления согласных (как в лидийском).

Исходя из своего неверного положения об обилии гласных в карийских текстах, Откупщиков придает карийским согласным буквам значения гласных: «перевернутый треугольник» ▽, передававший в карийском звук [п], превращается у Откупщикова в *у*; буква Р в одних случаях читается у него как *р*, в других же — как *о*; знак словораздела ‖ превращается у него в букву *и;* карийская буква Θ, *передававшая звук типа [л], волей Откупщикова превращена в гласный о* и т. п.

Но никаких доказательств в пользу своих чтений Откупщиков привести не может. Как, например, обосновывает он свое утверждение, что ‖ — это не знак словоделения, а буква *и*? Очень просто: он приводит в пример копии надписей, которые помещены в конце книги «Исследования по дешифровке карийских надписей», где, по мнению Откупщикова, имеется знак словораздела ‖. Но ‖ не знак словораздела, и вообще карийцы тут ни при чем: этому знаку не 2500 лет, а намного меньше! Дело в том, что посредством значка ‖ ученые показывают, что данная надпись не может быть умещена в книге на одной строчке и что ее нужно перенести на другую строчку. Это, так сказать, знак переноса, но только не карийский, а наш, современный. Правда, в книге это специально не пояснялось, ибо книга рассчитана на специалистов (см. подробный анализ брошюры Откупщикова в статье Дьяконова, опубликованной во 2-м номере журнала «Вестник древней истории» за 1967 год). Кроме того, Откупщиков не принимает во внимание структуры карийских текстов, исправляя и дополняя их по своему усмотрению.

Но вернемся к карийским надписям.

Положения, сформулированные в «Исследованиях», развивают в своих работах Мериджи, Пизани, Гиндин, Вяч. Иванов, Освальд Семереньи и другие известные ученые. Мериджи в своей статье, опубликованной недавно в сборнике «Europa», показал, что в одной из надписей имелось слово *стесан,* а не *стесас,* как предполагалось в «Исследованиях» (дело в том, что в другой надписи действительно имелось слово *стесас*; что касается слова *стесан*, то конечная буква в нем повреждена, так что чтение неясно). Мериджи верно определил слово *стесан* как форму винительного падежа существительного. Очевидно, с этим словом согласовано, можем добавить, стоящее перед ним прилагательное *туван* (с



I II

Карийские посвятительные надгробные надписи

энклитикой *-у*: эта энклитика несколько раз встретилась в карийских текстах, о ней мы скажем ниже).

Вся надпись (см. надпись II) читалась так: *туван-у стесан кль иотульвль слнколь-н ковкозе данс* 'надпись (стелу) и гробницу здесь Иотулву почтеннейшему воздвиг Ковкове'. Слово *тува* есть в милийском. Оно здесь значит, видимо, 'надпись (на камне)'. От корня *тува-/за-* (и.-евр. **дхе-* 'класть') происходит и милийский глагол *заза-* 'высекать (слова на камне)' (о нем речь шла в предыдущей главе).

К индоевропейскому корню **дхе-* восходит и лидийско-карийский глагол *дан-* 'класть', 'воздвигать'. Сочетание «надпись и гробница» встречается как в карийском, так и в лидийском языке.

Сходная надпись на другой гробнице (см. надпись I) интерпретируется так: *сфес стесас мсулоцль надль нколь* 'собственная гробница Мсулоца, [сына] почтенного Нада'. Здесь *-с* в первых двух словах — окончание номинатива в диалекте Юго-Восточной Карии. В ряде других диалектов *-с* как падежное окончание исчезло (как в ликийском; в лидийском оно сохранялось). Прилагательное *сфе-* 'свой' родственно нашему *свой*; звук [ф] здесь оглушенный [в] (после глухого [с], как в польском, где, хотя и пишется *свуй,* произносится [сфуй]). *Сфе-* 'свой' находим и в лидийском — еще одно подтверждение близкой связи между этим языком и карийским. Мериджи, правда, читает *ф* как *и*, но *ф* — согласный, а звук [и] в карийском передавала буква ♀ (см. выше).

Собственные имена *Над, Мсулоц, Ковкове* и другие находят четкие аналогии в малоазийском материале: в греческих передачах находим карийское имя *Надес* (*-ес* — греческое окончание); в карийском же находим имя *Улоц* (входящее в обычное для хетто-лувийских языков сложное имя *Мс-улоц*); из хетто-лувийского мате-

рнала известна и именная основа *Кува-* (кар. *кове;* удвоение основы часто встречается и в хеттском и в лувийском).

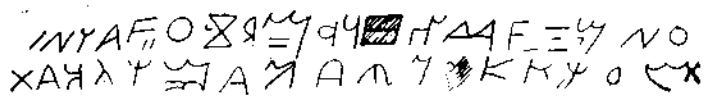
Слово *нко-* восходит к хетто-лувийскому *наххува-* 'почитать', 'любить'. Это соответствие фонетически точно (*нах-* дает *нк-*, *-ува* переходит в *-о*). В предыдущей надписи имелось слово *сл-нко-*, где префикс *сл-* можно возвести к хетто-лувийскому *салли-* 'великий', 'большой' (в карийском этот префикс, видимо, имел усилительное значение 'очень', 'много'). Суффикс *-ль* в *мсулоц-ль, над-ль, нко-ль* явно посессивный, тогда как в предыдущей надписи *-ль* может являться окончанием дательного падежа, как в лидийском (но, может быть, и здесь *-ль* — суффикс прилагательного-посессива, не имеющего специального окончания винительного падежа. Такие явления наблюдаются в ликийском, где суффикс *-хе* не получает дальнейшего оформления в предложении; это уже, по сути дела, окончание родительного падежа. В поздних хетто-лувийских языках такой падеж отмечен пока лишь во множественном числе).

Приведем еще такую надпись (стела в Египте): *мснр-б экуейль уэ кавеаль лухцет сава*. Пизани считает, что *уэ* здесь союз между первым и вторым членами сочетания (в отличие от энклитики *-хе*, которая ставилась после второго члена сочетания). Если это так, можно сравнить его с энклитикой *-у*, о которой шла речь выше: *туван-у стесан* 'памятник и гробницу'. Сочетание *лухце-т сава* похоже по строению на сочетание *слра-т лос: сава*, очевидно, глагол с отпавшим окончанием *-т* (мы говорили выше о двух типах глагола в карийском и хеттском). Пизани считает, что *мснр-* форма дательного падежа. В этом случае надо переводить 'Меснару, [сыну] Экувеи и Кавеа, посвятил (или: воздвиг и т. п.) это Лухсе'. Но нам думается, что *-б* не было окончанием в карийском. Скорее это энклитическое наречие. Переводим: 'Меснар- здесь [сын] Экувеи и Кавеа (имеется в виду: похоронен, покоится). Лухсе- это воздвиг' (ср. глагол *сав-* в лидийском: он значил то же).

В надписи на египетской статуэтке из ленинградского Эрмитажа после египетской формулы «Исида, сделай так, чтобы жил...» (букв. «Исида, дай жизнь») следует карийское имя *Авканс*. Далее идет фраза *слра-т лос* 'Слара это изготовил'. Окончание в слове *ло-с* то же, что и в *дан-с* 'воздвиг'; местоименная энклитика *-т*, имеющаяся и в лидийском — индоевропейского происхождения.

Уже в этих примерах встречаются скопления со-

Статуэтка из Египта, изображающая богиню Исиду. Надпись на цоколе начинается на египетском языке, оканчивается на карийском (Гос. Эрмитаж, Ленинград)



Образец так называемого паракарийского текста

гласных. Иногда они свидетельствуют о редукции (ослаблении и выпадении гласных: ср. русское *посмотри*, произносимое как [псматри]), иногда же это — следы древнего консонантного способа письма, при котором гласные читаются, но не обозначаются. Действительно, такие написания, как *мснр* вместо *Меснар* (собственное имя), *кмвдхсбв* (ср. в греческой передаче карийское *Комбдаккасбоэ* из Кумвдахасбове), — это уже не формы с ослабленными (непишущимися) гласными, а обычные консонантные написания семитского типа.

Подобный вывод подтверждается не только данными греческих передач и данными соседних, родственных карийскому языков (лидийского, ликийского), но и материалом паракарийских надписей, исследованных уже после дешифровки карийских текстов. Эти надписи, записанные письмом, близким карийскому, были недавно исследованы Мериджи. Он показал, что в паракарийских надписях имеется много участков текста, записанных сплошными согласными. В паракарийских надписях наряду с греческими буквами классического типа (позднее греческое влияние) имелись и очень архаичные знаки семитского происхождения. Столь архаичных знаков не было даже в древнейших греческих надписях, а ведь греческое письмо происходит от семитского.

Мы можем сделать такой вывод: паракарийское письмо было древним малоазийским консонантным письмом, заимствованным у семитов. Затем оно подверглось сильному влиянию греческого буквенного письма.

Но то же в общем и целом можно сказать и о других малоазийских письменностях: лидийской, ликийской, сидетской. Видимо, в более древнюю эпоху эти народности писали семитским письмом консонантного типа. Затем греки оказали на малоазийцев столь сильное влияние, что письменность их полностью преобразовалась: малоазийские письменности постепенно стали буквенными (сохранились лишь следы древнего письма

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

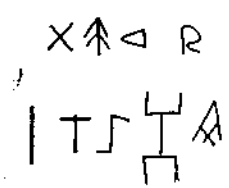
Семитские знаки для согласных		Греческие буквы	Карийские буквы	Лидийские буквы	Ликийские буквы
Север	Юг				

Происхождение некоторых греческих и малоазийских букв

в виде консонантных написаний). Тут, однако, можно заметить следующее: греки, несомненно, также испытали на себе сильное влияние малоазийского письма (в греческом есть некоторые буквы, имеющие малоазийское происхождение; в конечном итоге они восходят к знакам семитского письма, но проникли в греческие алфавиты при посредстве малоазийцев: таковы X и ряд других букв). Вопрос в том, кто изобрел знаки для гласных — греки или малоазийцы.

Судя по некоторым данным, малоазийцы могли изобрести знаки для гласных (эта идея не родилась на пустом месте: уже в семитском письме в ряде случаев знаки, обычно передававшие согласные, могли передавать и гласные, первоначально только долгие). Малоазийцы нуждались в гласных не меньше, если не больше, чем греки. В греческом языке гласных было меньше, чем в языках малоазийцев. В целом же структура языка малоазийцев и греков требовала гласных, ибо это были языки индоевропейские, а безгласные написания для носителей индоевропейских языков по ряду причин гораздо менее удобны, чем для носителей семитских языков.

Видимо, малоазийцы заимствовали консонантное письмо у семитов весьма рано. Греки потом настолько сильно воздействовали на это письмо, что можно говорить даже о заимствовании карийцами, лидийцами, ликийцами и сидетами письма у греков; но можно говорить и о малоазийском посредничестве при создании греческого письма — столь сильно было малоазийское влияние. При этом нужно иметь в виду, что заимствованные буквы передавали лишь сходные звуки. Если, скажем, заимствовался знак для звука типа [н] или [м], то это был не какой-нибудь лишний знак исходного письма, а именно знак для [н] или [м].



Недешифрованная кароидная надпись

Важно помнить, что заимствование письма—это обычно именно заимствование, а не изобретение букв. Однако это подражание в силу особенностей языка рано или поздно приводит к значительным изменениям в заимствованной системе письма. Эти-то изменения, сводимые поздними исследователями к моментальному акту, и порождают легенды о гениальности одиночек — изобретателей той или иной системы письма.

Проблем тут еще много: исследование карийских надписей, как видим, важно не только с точки зрения языкознания, но и с точки зрения истории письма.

Хотя карийские, ликийские и лидийские надписи расшифрованы, работы здесь еще остается непочатый край. Далеко не все надписи понятны, нужно продолжать интерпретацию; нужно создавать сравнительную грамматику хетто-лувийских языков. К тому же появляются новые надписи, такие, как паракарийские или паралидийские, которые, судя по всему, написаны на хетто-лувийских языках, но пока что совершенно непонятны. Самое же главное — это недавнее открытие в Северной Африке большого числа ранее неизвестных карийских надписей — эти надписи опубликует в специальной книге профессор Массон.

В общем, будущим исследователям малоазийских письменностей и языков не придется жаловаться на то, что все дешифровано, прочтено и понято до них: дел еще хоть отбавляй!

Одна из загадочных письменностей Пиренейского полуострова — так называемая южнолузитанская — очень похожа на карийскую. Действительно ли обе письменности близко родственны или их сходство случайно? На этот вопрос можно будет ответить, естественно, лишь после окончательной дешифровки «южнолузитанских» надписей.

ГЛАВА 9

ЯЗЫК НЕИЗВЕСТЕН

МЕРТВЫЕ ГОРОДА ИТАЛИИ

В апреле 1485 года в нескольких километрах от «вечного города» Рима был найден саркофаг из мрамора. В нем лежало мумифицированное тело прекрасной девушки. В течение одного дня 20 тысяч римлян осмотрело находку, а затем папа Иннокентий VIII приказал захоронить мумию тайком, чтобы не вызывать излишних волнений и кривотолков.

Находка мумии была необычным явлением в жизни римлян эпохи Возрождения. Зато находки человеческих статуй как из рога изобилия сыпались в ту эпоху. В начале XVI в. папа Юлий II строит в Ватиканском дворце даже специальный двор для хранения древнеримских и греческих статуй. Немного позже надзор за этим двором поручается гениальному живописцу Рафаэлю... а четыре десятилетия спустя двери вместилища шедевров античности наглухо заколачиваются по приказанию папы Павла IV, противника «нечистого и богопротивного» искусства, изображающего «языческих идолов».

Но джин выпущен из бутылки — интерес к античности, родившийся в среде ученых-гуманистов Возрождения, возникает во Франции, Германии и других странах Европы. В начале XVIII в. бенедиктинский монах Монкофон делает попытку систематически описать находки произведений античного искусства, выпустив в свет десятитомный труд, который очень быстро разошелся среди читателей. Примерно в это время, в 1711 году, под слоем затвердевшего вулканического пепла были обнаружены руины погибшего города. Это был Геркуланум, о гибели которого при извержении Везувия сообщали древнеримские писатели.

Раскопки начались сразу же после открытия мертвого города. Впрочем, их трудно назвать раскопками — скорее это был грабеж с помощью лопаты. Жители окрестных поселений спешно выкапывали ямы, стремясь найти ценности и статуи, за которые собиратели древностей платили хорошие деньги. Все остальное — даже изумительные (по словам очевидцев, «прекраснее творений Рафаэля») фрески, покрывавшие стены богатых вилл, — не интересовало любителей наживы.

Ущерб от хищнических раскопок был так велик, что частные раскопки были запрещены и правительство взяло руководство исследованиями в свои руки. Но и официальные раскопки немногим отличались от частных, ибо главной целью их были поиски статуй и других произведений искусства. Эту же цель преследовали правительственные раскопки и другого древнеримского города, погребенного извержением Везувия, — Помпеи, начатые в 1748 году.

Раскопки мертвых городов Геркуланума и Помпей послужили, таким образом, первым толчком к рождению новой науки — археологии (хотя подлинно научные раскопки этих городов начались спустя два века после открытия Геркуланума — в 1911 году). Материалы Геркуланума и Помпей дали решающий толчок Иоганну Иоахиму Винкельману для создания еще одной научной дисциплины — истории античного искусства.

Археологические памятники мертвы, это немые свидетели прошлого. Но до нас дошли многочисленные сочинения римских писателей, историков, философов, повествующие о жизни древних римлян и соседних с ними народов. Поэтому наука имеет возможность сопоставить свидетельства древних (а зачастую они пристрастны) с бесстрастным археологическим материалом. И поэтому мы бы знали историю древней Италии лучше, чем историю какой-либо другой страны... если бы в основе римской цивилизации не лежала цивилизация этрусков, древнего народа, исчезнувшего с лица земли в первые века нашей эры.

ЭТРУСКИ И РИМЛЯНЕ

Более двух тысяч лет назад этруски владели почти всем Апеннинским полуостровом, воздвигали города и некрополи, своим богатством не уступавшие египет-

ским пирамидам. Этруски основали Рим. «Капитолийская волчица», символ этого «вечного города», также является творением рук безымянного этрусского мастера (правда, младенцев Ромула и Рема «приделали» римляне). Жилое здание с крытым двориком в центре дома принято называть «римским» — на самом деле его изобрели этруски. Водосточная и канализационная системы, «сработанные рабами Рима», также были введены не римлянами, а этрусками. Этруски были хозяевами западных морей и безраздельно господствовали на «своем море» — Тирренском (греки называли этрусков «тиррены»). Они-то и научили римлян судостроительству, искусству вождения кораблей, искусству, благодаря которому Риму удалось сокрушить могущество своего грозного соперника — Карфагена (этруски же, кстати сказать, были в дружественных отношениях с Карфагенской державой).

Этруски оказали большое влияние на римлян и другие народы в военном деле — это признавали сами римляне. Для получения образования богатые римские патриции направляли своих детей в Этрурию (правда, в основе этого образования лежало искусство гадания по ударам молний, полету птиц, печени животных, принесенных в жертву, и т. п.).

Можно было бы долго перечислять «римские изобретения», авторами которых являются этруски. Но ясно и так, что история культуры Западной Европы неразрывно связана с культурой и историей этрусков, она восходит своими корнями к этрусской цивилизации. Интерес к этрускам возник еще во времена правления римских императоров, и все же об «учителях учителей Европы» мы знаем гораздо меньше, чем о многих других народах, которые жили на много веков раньше этрусков и на много тысяч километров дальше от Западной Европы.

Римский император Клавдий в I в. н. э. написал двадцатитомную историю этрусков, но его сочинение погибло при пожаре Александрийской библиотеки. Вероятно, время уничтожило и многие другие труды античных ученых, посвященных этрусскому языку, культуре, истории. И до нас дошли лишь отрывочные и противоречивые свидетельства, скорей упоминания об этом загадочном народе.

Этруски и по сей день продолжают оставаться загадкой: их письмена и язык представляют для современных исследователей особый интерес. В Италии был создан специальный Институт этрусскологии. В послевоенные годы на этрусские древности направлено пристальное внимание ученых Соединенных Штатов Америки. Впрочем, не только ученых: многочисленные толстосумы — коллекционеры из США всеми правдами и неправдами старались заполучить гениальные произведения искусства этрусков, что повело к варварскому разграблению этрусских гробниц и уничтожению драгоценных памятников древней культуры. Археологам приходится вести самую настоящую войну с грабителями.

Каждый год приносит все новые и новые открытия, позволяет пролить новый свет на историю удивительного народа. С каждым годом приподнимается завеса тайны над этрусским языком, загадка которого вот уже не одно столетие волнует умы исследователей. И все же до сих пор не удалось доказать родство языка этрусков ни с одним из известных ныне живых или вымерших языков мира. Самое же любопытное в том, что именно этрусское письмо легло в основу современного латинского алфавита, которым пользуется добрая половина человечества; а этрусские слова, такие, как *цистерна, церемония, персона* и ряд других, прочно вошли в языки большинства народов мира!

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЛИ АВТОХТОНЫ?

Геродот, живший примерно 25 веков назад, считал, что этруски пришли в Италию из далекой Малой Азии, из царства Лидии. В стране был страшный голод, и царь лидийцев решил разделить свой народ на две части и одну из них под предводительством своего сына Тиррена отправить за море на кораблях. После долгих странствий подданные Тиррена достигли берегов Италии, где и основали страну Тиррению.

Живший во времена Геродота греческий историк Гелланик Лесбосский считал, что этруски пришли в Италию не из Малой Азии, а из Греции, где они назывались пеласгами. Дионисий Галикарнасский, современник императора Августа, писал о том, что этруски ниоткуда не приходили: они с незапамятных времен населяли Апеннинский полуостров. Великий географ античности Страбон говорил об одном этрусском городе, что первоначально он был основан коренными жителями, затем захвачен пеласгами, а еще поздней перешел к другому народу — тирренцам... Как видим, сведения древних авторов весьма противоречивы. И все-таки, как показывают последние исследования археологов и линг-

вистов, в каждом из сообщений античных ученых есть доля истины!

Крупнейший итальянский этрусколог Массимо Паллоттино и немецкий профессор Франц Альтхайм первыми указали на то, что нельзя говорить о каком-то «приходе» этрусков как единого и уже сформировавшегося народа. Рождение этрусков было сложным процессом, в котором принимали участие различные народности и племена, говорившие на разных языках, имевшие разную культуру. Тут были и оски, и умбры, и лигуры, и греческие колонисты, и многие другие.

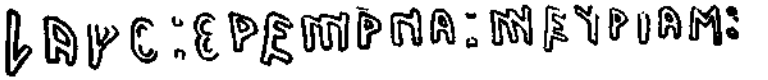
Часть из этих племен говорила на языках, безусловно относящихся к индоевропейской семье: таковы, например, языки осков и умбров, очень близкие к латыни, язык италиков, язык греков-колонистов. О других племенах нельзя сказать с уверенностью, на каком — индоевропейском или нет — языке говорили они (так, например, и поныне не решен лингвистами вопрос о языке древнейших обитателей Италии — лигуров). И хотя археологи могут ныне проследить сложный процесс рождения цивилизации этрусков, ее первые шаги, ее расцвет и ее гибель, не менее сложная языковая карта древней Италии не столько помогает, сколько запутывает вопрос о принадлежности языка этрусков.

В самом деле, в этрусском языке имеется большое число греческих слов, например названия божеств и мифологических существ. Но разве это доказывает, что и сам этрусский язык — греческий? Ведь эти названия богов и мифологических существ могли быть заимствованы у греков.

Многие слова этрусского языка не имеют сходства с индоевропейской речью. Но и это не может определить «адрес» этрусков — ведь они могли заимствовать эти слова от коренного населения Италии (и всего Средиземноморья), которое, как полагает большинство ученых, говорило не на индоевропейских языках! (Так, и в русском языке большинство имен собственных восходит к «христианским», т. е. византийско-греческим именам, а большое число слов заимствовано из неиндоевропейских языков татар, половцев, печенегов, хазар, например: *казак, арба, базар* и т. д.).

ЧИТАЮТСЯ, НО..

Итак, ни сведения античных авторов, ни данные археологии не могут помочь лингвистам проникнуть в тайну этрусского языка. И у исследователей имеется



Этрусская надпись на пепельной урне из терракоты (Гос. Эрмитаж, Ленинград)

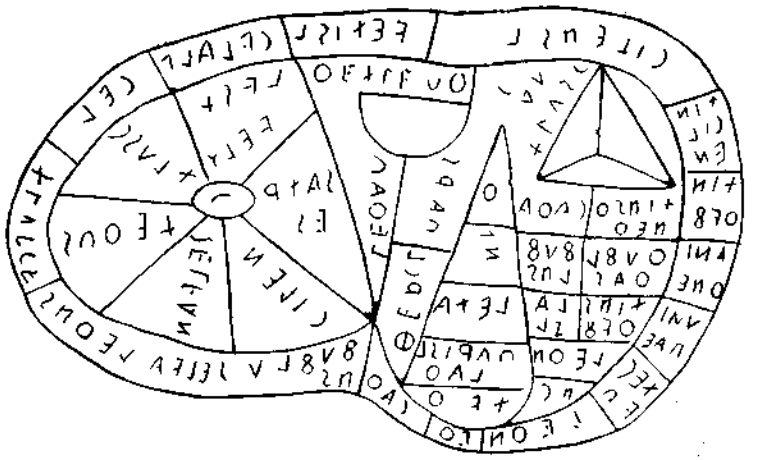
лишь одна возможность — попытаться заставить заговорить сами этрусские тексты.

Большинство из них — краткие надгробные надписи, относящиеся к VII—I вв. до н. э. Обычно на них указано лишь имя усопшего — и только. Иногда, правда, встречаются краткие указания на возраст покойного или занимаемую им должность. И лишь очень немногие саркофаги этрусков покрыты по-настоящему длинными надписями в сотню или даже три сотни слов.

Кроме надгробных надписей до нас дошли две свинцовые таблички, бронзовая табличка в форме печени с текстом, а также игральные кости, на которых вместо цифр написаны буквами числа от 1 до 6. И наконец, самый длинный и самый загадочный этрусский текст, найденный при весьма любопытных обстоятельствах.

В прошлом веке в городе Братиславе жил чиновник Михаил Барич, страстный любитель древностей. Мечтой Барича была поездка в великую страну пирамид — Египет. И в 1848 году эта мечта сбылась. Из египетской поездки он привез немало древностей, в том числе и длинный сверток, в котором была мумия женщины. Барич — непонятно почему — решил, что это — сестра венгерского короля Стефана. После смерти Барича его брат передал мумию в Загребский музей (тогда он назывался Аграмским от Аграм — так именовался официально Загреб в Австро-Венгерской империи).

И совершенно неожиданно немецкий египтолог Н. Кралль обнаружил в 1892 году, что на бинтах из льняного полотна, окутывавших мумию, начертаны письмена — и не египетские, а этрусские. Так ученые получили в распоряжение не только самый длинный текст на языке этрусков, но и единственный дошедший до нас экземпляр «полотняной книги» (такие «книги» имелись и у римлян, но не сохранились до наших дней). Кстати, этот текст является и самым поздним из этрусских — он датируется I в. н. э. Через сорок лет после его открытия, в 1932 году, текст, получивший название «за-



Этрусская бронзовая табличка в форме печени

гребская (или аграмская) пелена», был сфотографирован в инфракрасных лучах, и исследователи смогли увидеть все 1500 с лишним слов «полотняной книги».

Текст написан красной краской. Он разделен на части, вернее, разорван — его составляют шесть бинтов. До сих пор неясно, какой бинт следует после какого. Неизвестно также, каким путем попала «полотняная книга» к изготовителю мумий в Египте, который, разорвав ее, использовал бинты как материал для обертки. Зачем ему понадобилось делать это? Неужели он не нашел другого материала? На мумии сохранились следы позолоты — следовательно, умершая была богатой женщиной. Значит, бедняком был мастер, изготовлявший мумию? Или можно найти другое, более правдоподобное объяснение?

Его дал русский ученый А. Г. Бекштрем. Он предположил, что была мумифицирована этрусская женщина, которая жила в Египте. У египтян же существовал обычай обертывать мумии бинтами, на которых был написан текст из «Книги мертвых» — сборника заупокойных ритуальных текстов. У этрусков подобной «Книги мертвых» не было, и поэтому был взят ритуальный текст, какой имелся под рукой (кстати сказать, и египтяне рвали на полоски свои «Книги мертвых»).

Этруски заимствовали свой алфавит у греков; римляне, в свою очередь, заимствовали этрусский алфавит. И поэтому ученым, зная греческую и римскую письменность, было не трудно научиться читать этрусский текст. Но как понимать его?

«Интерес к памятникам этрусской письменности появился в Европе в конце средних веков, — пишет советский этрусколог А. И. Харсекин, — когда почти полностью изгладилась память об этом некогда могущественном народе, а его язык был совершенно забыт. В эпоху Возрождения этот интерес значительно возрос, одна за другой выходят в свет работы, авторы которых пытались разгадать тайну языка». Наиболее эрудированной работой эпохи Возрождения было сочинение Пьетро Франческо Джамбуллари, одного из основателей Флорентийской академии, вышедшее в 1546 году.

И Джамбуллари и его коллеги считали, что этрусский язык родствен древнееврейскому, который казался в те времена самым древним языком (ведь египетские иероглифы, которые, кстати, также пытались читать по-древнееврейски, не были еще прочтены, а «глиняные книги» Двуречья — были неизвестны). Но все попытки читать этрусские тексты на древнееврейском к успеху не привели.

Ученые XVIII в., как правило, считали этрусский язык родственным латинскому, оскскому, умбрскому, на которых говорили древние жители Италии. Но с 1828 года — времени появления в свет двухтомного труда К. О. Мюллера «Этруски» (по мнению специалистов, этот труд не утратил научной ценности и ныне) — большинство исследователей отказались от предположения родства этрусского и латинского языков. По мнению Мюллера, для того чтобы определить языковую принадлежность этрусков, нужно «всеобъемлющее сравнение языков». Сам Мюллер считал этрусков «пеласго-тирренцами», отдаленными родичами греков.

Но с его мнением не согласились другие исследователи. В 1842 году в Дублине вышла книга В. Бетама «Etruria celtica», в которой доказывалось, что язык этрусков был родствен языкам древних жителей Франции, Британии и Ирландии — кельтским. Немецкие филологи выпустили во второй половине XIX в. целый ряд работ, где проводилось сопоставление языка этрусков с языком древних германцев. Почти одновременно — в Лейпциге и Лондоне — появились книги, в которых доказывалось, что этрусский язык родствен древнеиндийскому языку — санскриту — и армянскому языку.

Были гипотезы о родстве этрусского с языком басков в Пиренеях, с языком албанцев на Балканах, с кавказ-

скими языками, с урало-алтайскими языками и целым рядом других. Наконец, норвежский филолог Стен Конов опубликовал работу, посвященную сравнению этрусского языка с языком темнокожих жителей Южной Индии — дравидов, а другой исследователь, Ядзини, сопоставил знаки этрусского алфавита с нерасшифрованными символами на керамике Центральной Индии, относящейся к III тысячелетию до н. э. Родиной этрусков предполагалась далекая Индия!

Эстонец Г. Трусман и москвич А. Д. Чертков пытались объяснить этрусские надписи на основании славянских корней. Трусман сближал этрусский не только со славянскими, но и с балтийскими — литовским, латышским — языками. Но их работы основывались на чисто внешнем сходстве, которое можно найти среди двух любых языков мира. Ни Чертков, ни Трусман не получили поддержки филологов, недаром Трусман, публикуя свою работу в 1911 году в Ревеле (нынешний Таллин), писал, что ему «отказано в опубликовании работы в академическом издании, поэтому автор издает ее сам».

Оригинальную методику в изучении этрусского языка применил знаменитый итальянский лингвист Альфредо Тромбетти. Для определения значения этрусских слов он практически привлек едва ли не все известные древние и современные языки. На первом этапе Тромбетти проделал большую работу, выявляя во многих языках мира слова со сходным значением и близким звучанием. Так, по-берберски слово «любить» звучит *ери*, по-монгольски — *ери* 'страстн желать', по-вогульски — *ер* 'нравиться', на языке малагасийцев (о-в Мадагаскар) *ири* означает 'желать', на языке буги (Индонезия) — *еро* 'любить', 'желать', на языке бразильских индейцев тупи — *ира-ва* 'любить'.

Далее Тромбетти рассуждал так: если подобный же корень имеется в этрусском языке, то он должен иметь то же значение, что и во всех остальных языках мира. И поэтому он трактовал этрусское *ри* как слово 'любить', 'желать'.

Но «метод» Тромбетти чреват опасностями, пожалуй, еще большими, чем простое сопоставление этрусского с каким-либо известным языком: ведь возможность ошибиться потенциально возрастает с числом языков, привлекаемых к исследованию! (Кстати сказать, впоследствии выяснилось, что этрусское *ри* является лишь окончанием слова *зизри*, а не самостоятельным словом.) Не менее оригинальную, но едва ли более правильную методику изучения этрусских текстов предложил академик Николай Яковлевич Марр.

Марр занимался этрусским языком в течение ряда лет и даже специально ездил в Италию, чтобы лучше ознакомиться с материалом. Но, как он сам признавался, все-таки «недостаточно освоился с техникой этрускологических исследований». Этрусский материал был нужен Марру лишь как дополнительное средство для обоснования пресловутой «яфетической теории». Для этого он использовал свой «метод палеонтологического анализа», когда на основании нескольких элементов сопоставляются слова самых различных языков, причем слова, почти не схожие по звучанию и различающиеся по значению. Нужно ли говорить о том, что Марра, как и Тромбетти, постигла неудача? Правда, следует отметить и другое: и Марр и Тромбетти обладали определенным лингвистическим чутьем, и в силу этого (но вопреки собственной методике!) им удалось сделать правильные выводы и интересные наблюдения в отдельных случаях.

Наконец, делалась попытка решить загадку этрусского языка с помощью... легенды о затонувшей стране Атлантиде, о которой писал Платон. Итальянец Николá Руссо, издававший в 1930—1932 годах журнал «Атлантида в Италии», объявил этрусков потомками легендарных атлантов, ссылаясь на труды малоизвестного греческого писателя Филокура. Местоположением же платоновской Атлантиды Руссо считал Тирренид, сушу, по предположению некоторых геологов существовавшую между Корсикой, Италией и Сардинией. В 1962 году французский атлантолог Гиньяр, предположив, что этруски являются выходцами из Атлантиды, «перевел» такой этрусский текст: «Рао (жрец-авгур) плывет парусами по направлению к острову женщин-гигантов Аттар-ланд-хит (земле предков)». Это «чтение» настолько фантастично, что никто из специалистов-этрускологов даже не стал опровергать его.

НАЧАЛИ ЛИ ГОВОРИТЬ ЭТРУСКИ?

«Этруски начинают говорить» — так называется написанная не так давно книга французского исследователя Э. Майани, которую перевели на русский язык и выпустили в 1966 году в нашей стране (издательство «Наука»). Майани в увлекательной форме рассказал о своих изысканиях в области этрусского языка, о долгих и

тщетных поисках «языка-ключа» и поведал о том, что ему наконец-то удалось найти этот ключ — им является албанский язык!

О родстве этрусского языка с албанским этрускологи говорили за много десятилетий до Майани. Более столетия назад немецкий этнограф и лингвист, бывший консулом Австро-Венгерской империи в Греции, Ган выпустил объемистый труд об обычаях, нравах, религии и языке албанского народа. Ган предположил, что албанцы являются ближайшими родственниками исчезнувшего народа — этрусков. Этрусков в древности называли «тусками», а жители юга Албании называют себя «тосками»; столица Албании, город Тирана, происходил, по мнению Гана, от другого названия этрусков — тиррены.

Гипотезу Гана поддержал итальянский лингвист Асколи, который в 1877 году писал: «Если кто-нибудь попытался бы расшифровать с помощью албанского языка таинственнейшие надписи этрусков, нельзя было бы утверждать, что он исходит из посылок, менее основательных, чем те, которые были избраны многими признанными учеными». Ровно через десять лет после этих слов Асколи его соотечественник Моратти попытался связать этрусское слово *рил*, переводя его как 'возраст', с албанским корнем *рри*, означающим 'расти'. Еще через два года, в 1889 году, Шнейдер выступил с утверждением, что этрусский язык можно расшифровать с помощью древнего албанского языка, однако его попытки добиться конкретных результатов к успеху не привели.

В 1912 году в столице Греции, Афинах, вышел толстый том, посвященный интерпретации этрусского языка с помощью албанского. Его автором был Томопулос. Прошло несколько лет, и выдающийся итальянский этрусколог Дж. Буонамичи подытожил все попытки применить «албанский ключ» к решению загадки этрусского языка.

Буонамичи показал, что прямое сопоставление албанских и этрусских слов неправомерно. Однако, по его мнению, в языке этрусков, как и в албанском языке, имеется много сходных элементов. Объяснить это сходство можно двояко — либо оно является результатом древнего родства языков, либо же и албанский и этрусский языки «наслоились» на какой-то древнейший язык жителей Балкан и Италии, на котором там говорили до появления албанцев и этрусков.

Албанский язык является «матерней, очень полезной для сопоставления с этрусским», — таков был осторожный и дипломатичный вывод заслуженного этрусколога. Действительно, албанский язык, по всей вероятности, является потомком, и притом единственным из «оставшихся в живых», древнего иллирийского языка (или языков, потому что иллирийских языков могло быть несколько), на котором говорило население Балкан, Центральной Европы и, возможно, древние жители Апеннинского полуострова. Многие элементы этого иллирийского языка могут быть и в этрусском языке. Не исключено, что и этрусский вообще является одним из иллирийских языков.

Значит, чтобы попытаться открыть этрусскую загадку «албанским ключом», нельзя прямо сопоставлять албанские и этрусские слова, сначала необходимо реконструировать «иллирийскую основу» в албанском, а только затем сравнивать полученные корни и грамматические формы с корнями и грамматикой этрусского языка. Только тогда мы сможем делать выводы, обладающие достаточной убедительностью. Но, к сожалению, такой реконструкции никто из этрускологов не проводил. Не провел ее и автор книги «Этруски начинают говорить» Э. Майани.

Вместо того чтобы сопоставлять язык этрусков с древним иллирийским языком, Майани — с весьма большой изобретательностью и остроумием — сделал попытку объяснить все этрусские слова с помощью слов албанских. Итогом этих сопоставлений явился «этруско-албанский словарь», содержащий около 300 слов. Казалось бы, такое число слов (при скудости дошедшей до нас этрусской лексики) говорит о том, что албанский язык действительно является ключом к этрусскому, но... Дело в том, что благодаря многолетним усилиям этрускологов удалось с достаточной достоверностью установить значение около 150 слов этрусского языка. А в словарик Майани из числа этих «бесспорных» слов вошло около десятка. Остальные же «бесспорные» слова туда не попали. Почему? Да потому, что здесь не нашлось албанских параллелей.

Такой порочный «метод умолчания» характерен для очень многих энтузиастов дешифровки, пытающихся во что бы то ни стало найти неизвестному языку или письму параллель в каком-либо известном языке или письме. К сожалению, его не избежал и Э. Майани.

Язык этрусков по-прежнему хранит молчание. Этруски не начали говорить!

ДВАДЦАТЬ ВЕКОВ ЭТРУСКОЛОГИИ

В монументальной монографии «Языки мира», которую от труда императора Клавдия отделяют два тысячелетия, крупнейший французский лингвист А. Мейе писал: «...до сих пор этрусский язык не удалось отнести ни к какой лингвистической группе». Через два года после выхода в свет нового издания «Языков мира», дополненного М. Коэном, в 1954 году, известный этрусколог Раймон Блок с грустью отмечал, что до сих пор не удалась ни одна попытка проникнуть в этрусский язык при помощи какого-либо известного языка. «Все эти провалы, которые зачастую происходили из-за недостаточной лингвистической подготовки любителей и из-за наивных претензий на видимость удачи в „переводе", — писал Р. Блок, — навлекли на этрускологию несправедливое недоверие некоторых здравых умов».

Действительно, порой этрускология превращалась в настоящую «этрускоманию»; фантазеры и дилетанты, не ознакомившись с трудами по этрускологии, не имея достаточной лингвистической подготовки, не располагая полным объемом дошедших до нас этрусских текстов, тем не менее смело кидались в бой, привлекая в качестве заветного ключа самые различные и экзотические языки мира. «Были тщетно испробованы почти все языки земного шара — от финского до коптского и от баскского до японского», — резюмировал эти героические, но — увы — бесплодные усилия французский ученый М. Ренар.

Сенсационные, но бездоказательные и скороспелые «расшифровки» этрусских текстов, естественно, вызвали закономерную реакцию на труды этрускологов-любителей. И реакция эта не могла не быть резко отрицательной.

«Я посетил секретаря одного парижского еженедельника,— рассказывает один из энтузиастов дешифровки этрусского языка. — Это был серьезный молодой человек с прекрасными манерами. И тут-то я ему сказал в упор, что работал над расшифровкой этрусского текста. Он пошатнулся, как будто бы я нанес ему удар в челюсть. Какую-то долю секунды земля колебалась под его ногами, и ему пришлось прислониться к камину. Я невозмутимо смотрел на него. Наконец, подняв голову, как ныряльщик, всплывающий из-под воды, он сказал с широкой улыбкой: „А! Вы занимаетесь этрусским языком!". Нужно было слышать это „А!" Это была целая симфония сочувствия и жалости. Он не помещал меня, конечно, на прямую АБ, где пункт А занимает искатель философского камня, а пункт Б — фальшивомонетчик. Чтобы серьезно говорить о расшифровке этрусского языка, ему был нужен автор „Античной истории" в трех томах или по крайней мере заведующий кафедрой. Но услышать, как об этом говорит человек обычный, да еще желающий поместить в его журнале маленькую статью, — это был для него удар! Я это понял и не обиделся. Ведь действительно речь шла об опасном предприятии».

Даже серьезные и эрудированные этрускологи с мировым именем не раз и не два совершали самые грубые ошибки (например, крупнейший этрусколог прошлого века Корссен перевел этрусское слово *таура,* означающее 'могила', как 'молодой бык', глагол *лупу* 'умер' — как 'высекать', слово *авилс,* значащее 'год', он посчитал за собственное имя *Авильс,* название этрусского чиновника *зилх* перевел словом 'камень' и т. п.). Что же говорить о тех многочисленных ошибках, которые делали дилетанты, пытавшиеся с налету разгадать тайну этрусского языка с помощью какого-либо «языка-ключа»!

И все-таки нельзя сказать, что наши знания об этрусском равны или близки к нулю. Мы достоверно знаем значение около двухсот этрусских слов и отдельные грамматические формы этрусского языка. Удалось перевести краткие надгробные, посвятительные и некоторые другие надписи. В обширных текстах расшифрованы отдельные слова и грамматические формы, иногда — словосочетания, вплоть до целых частей предложений. Мы имеем общее представление о характере и назначении длинных текстов («загребская пелена», например, является этрусским религиозным календарем). Все эти сведения удалось получить в основном благодаря так называемому комбинаторному методу исследования.

До сих пор мы говорили лишь об этимологическом методе, когда этрусские слова объяснялись с помощью слов какого-то известного ученым языка. Но метод этот, как можно было увидеть, результатов не дал. Комбинаторный же метод исследования построен на том, что при нем не принимается заранее какая-либо языковая гипотеза, исследуются лишь непосредственно сами тексты, их внутренняя структура. «При этом принимается во внимание обстановка, в которой были обнаружены данные надписи, назначение предметов, на которых они были обнаружены, рисунки, которые им иногда сопутствуют, а также ономастические формулы, которые они содержат. Так, идя от предполагаемого общего смысла, стремятся определить значение отдельных слов и их смысловую связь в предложении. Правдопо-

доность сделанных предположений проверяется сравнением с другими надписями, содержащими данные слова и сходные грамматические формулы», — пишет советский этрусколог А. И. Харсекин о сущности комбинаторного метода. Кстати сказать, Харсекин разработал так называемый комплексный метод исследования, который определяется им самим как особая «разновидность комбинаторного, в которой данные индуктивного изучения этрусских памятников дополняются материалами внешних источников».

Что же это за «внешние источники»? Мы знаем, что этрусская цивилизация самым тесным образом была связана с греческой и древнейшими культурами Италии. Многие обычаи, мифы, религиозные представления и обряды этрусков были заимствованы у греков или, напротив, заимствованы римлянами у этрусков. Надгробные и другие надписи (например, на вазах) греков, римлян и этрусков строились по одному типу. Значит, зная построение и содержание греческих и римских памятников письма, мы можем предполагать, что сходное построение и содержание имеют и памятники этрусков. Таким образом, мы как бы создаем искусственную билингву, получаем текст на языке, известном исследователям.

Ну, а настоящая билингва? Есть ли шансы найти ее? Ведь «открытие хотя бы одной-единственной подобной надписи оказало бы революционизирующее воздействие на исследования, проводимые во всех областях этрускологии; полученные в результате этого открытия столь важные для толкования текстов внешние данные, по всей вероятности, позволили бы раз и навсегда разрешить большую часть всего комплекса вопросов, накопившихся в течение столетий» — так писал крупнейший итальянский этрусколог Массимо Паллоттино в 1956 году в книге «Этруски». А через восемь лет, 8 июля 1964 года, тот же Массимо Паллоттино сделал замечательную находку, благодаря которой изучение этрусского языка смогло продвинуться вперед.

При раскопках древнего храма в 70 *км* от Рима были найдены три золотые пластинки с надписями. Одна из них была сделана на финикийском языке, хорошо известном исследователям. Две другие — на языке этрусков. И по размерам и по форме пластинки были одинаковы. Финикийская надпись состояла из сорока слов; этрусские — одна из 36 слов, другая — из 16. Внутри свернутой пластинки с 36 словами находились бронзовые гвоздики, и по количеству и по размерам точно соответствовавшие отверстиям на краях пластинки с финикийским текстом. Неужели наконец-то удалось найти долгожданную билингву?

Финикийский текст гласил: «Владычице Астарте место святое это, которое соорудил и которое даровал Тиберий Велиана, царь над Киширн, в месяце жертвы солнцу в виде дара... потому что Астарта возвела слугу своего в цари. Год третий 3, в месяце Крр, в день погребения божества...». А этрусская пластинка?

Прежде всего исследователи сравнили собственные имена в обоих текстах — Тиберий Велиана и Астарта. Они совпадали! Те немногие из этрусских слов, значение которых удалось установить ранее, также находились в соответствии с финикийскими словами. Значит, билингва найдена!

Правда, порядок построения этрусской и финикийской надписей был несколько различным, вероятно потому, что «формулы» написания торжественных надписей у финикийцев и этрусков были различны, как и грамматический строй финикийского и этрусского языков. Вот как переводит этрусский текст А. И. Харсекин: «Это святое место и этот храм его владычице Юноне-Астарте сооружен. Правитель... Тиберий Велиана, совершив приношение солнцу, даровал... Третий год, [месяц] Хурвар, [день] погребения. Потому что она (Астарта) возвела так слугу своего в цари...».

Все же в интерпретации этрусской части разные ученые подчас идут разными путями.

Находка билингвы (скорее, «почти билингвы») позволила пролить новый свет на отношения Карфагена и Этрурии. Но, конечно, самая главная ее ценность — в подтверждении правильности чтений слов, установленных комбинаторным путем, в увеличении наших знаний о словаре и грамматике этрусков.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ИЛИ НЕТ?

Различные исследователи в различное время предполагали родство этрусского языка с латынью, оскским, умбрским, греческим, армянским, албанским, кельтскими, славянскими, балтийскими, германскими языками. Все эти языки относятся к индоевропейской семье языков, все они произошли от одного древнего языка-основы. И если уж говорить об индоевропейском характере этрусского, то сопоставлять его нужно не с языками-потомками вроде албанского или умбрского, а с древними корнями и словами этого языка-основы. Причем брать нужно те слова, которые, как правило, не

заимствуются, а составляют неизменяемый «костяк» языка.

Некоторые лингвисты находили в этрусском корень *эс* 'быть'. А в языке-основе лингвисты реконструируют корень **эс*. Старое русское слово *есмь* восходит к индоевропейскому **эсми* — и вот слово со значением «есмь» нашли в этрусском: *эсми*! Индоевропейское «суть», реконструируемое в виде **сенти*, соотнесли с этрусским *сец*. Это хорошее доказательство. Но только если оно действительно доказательство. Как показали последние исследования, слов *эс* и *эсми* в этрусском нет, как, вероятно, и слова *сец*.

Известны, впрочем, другие этрусско-индоевропейские соответствия. Этрусское слово *нефтс* 'племянник' совпадает с индоевропейским **непот* 'племянник', это слово этруски заимствовали из языка индоевропейцев-умбров.

Ати по-этрусски 'мать', а слово *атта* 'отец' или 'мать' имеется не только в индоевропейских языках, но и во многих других, не имеющих ничего общего с индоевропейской семьей (например, по-турецки «отец» звучит *ата* — вспомните великого турецкого борца за свободу Кемаля Ататюрка, т. е. Кемаля — отца турок). Слово *атта* (или *ата*), имеющее значение 'отец', восходит скорей всего к словам так называемого детского языка, происходящим из лепета младенцев, который, так сказать, «интернационален». Такой же корень — *ма* в значении 'мать', например, по-дравидски слово «мать» — *амма*, по-древнекитайски *ма; ана* 'мать' и по-хеттски и по-узбекски и т. д.

Можно было бы привести еще много примеров, как лексических, так и грамматических, свидетельствующих о сходстве этрусского языка и с индоевропейскими (например, образование женского рода с помощью суффикса *-и, -иа*). И все-таки не меньшее число «основных слов» и грамматических показателей в этрусском и индоевропейских языках расходится! Например, этрусское слово *сех* 'дочь' не находит параллелей в индоевропейском языке-основе.

Мы уже упоминали о том, что археологи обнаружили две игральные кости этрусков, на которых буквами написаны числа от единицы до шестерки. Кроме того, этрусские числительные встречаются в эпитафиях, где указывается возраст умершего или число оставленных им детей. Среди лингвистов шли долгие споры, какое же из числительных обозначается тем или иным этрусским словом. Вот как звучат, по мнению некоторых современных исследователей, названия первой десятки этрусских числительных: *ту* 'один', *цал* 'два', *ки* 'три', *мах* (или *хут*) 'четыре', *хут* (или *мах*) 'пять', *ша* 'шесть', *семф* 'семь', *кецп* 'восемь', *ну (рф)* 'девять', *шар* 'десять'. Названия «шесть», «семь», «восемь», «девять» находят соответствия в индоевропейском языке-основе: **секс, *септы, *окт, *неун*. Зато числительные от «одного» до «пяти», а также «десять» не совпадают с индоевропейскими. Правда, некоторые исследователи, например один из крупнейших специалистов по языкам Эгеиды, профессор Хойбек, считают, что и в названиях числительного «четыре» можно найти параллели с анатолийскими языками. Если «четыре» по-этрусски действительно звучало как *мах*, то оно сходно с лувийским *мауа*, ликийским *му* «четыре». Но вот в 1969 г. в обобщающей монографии «Этрусский язык» австрийский этрусколог А. Пфиффиг предложил такой порядок числительных: *ту, цал, ки, ша, мах, хут, семф, кецп, нурф, шар*.

Названия числительных от «двух» до «пяти» весьма устойчивы в языках. Как правило, они не заимствуются из других языков. А это означает, что в образовании этрусского языка принимал участие кроме индоевропейского еще какой-то неизвестный нам язык. Какой? Мы не знаем и можем лишь предполагать, что им был один из многочисленных языков, на котором говорило население Средиземноморья до прихода индоевропейцев. Соотносимые же с индоевропейскими числительные от «семи» до «девяти» могут быть не унаследованными от индоевропейского языка-основы, а заимствованными из какого-нибудь древнего индоевропейского языка.

ЭТРУСКИ, ХЕТТЫ, ЭГЕИДА

Этруски сформировались как народность в начале I тысячелетия до н. э. А распад индоевропейского языка-основы начался на несколько десятков веков ранее. Это означает, что этрусский язык отделился не прямо от индоевропейского «предка», что он приходится ему не «сыном», а скорее «внуком». И среди других «внуков» индоевропейского языка-основы могут оказаться близкие «родственники» этрусского. Некоторые ученые пытались показать, что ближе всего к языку этрусков стоят индоевропейские языки Малой Азии, называемые анатолийскими (или хетто-лувийскими), ныне полностью вымершие.

Еще в 1928 году на первом Международном съезде этрускологов чешский профессор Бедржих Грозный, расшифровавший письмена хеттов, предположил родство этрусского и анатолийских языков. Он отметил общие черты в морфологии и словаре хеттов и этрусков, а также сходство их религии (так, этруски почитали бога

грозы Таркомна, а хетты — такого же бога под именем Тарху). Но идеи Грозного не встретили сочувствия большинства этрускологов.

В 1962 году в Софии вышла книга академика Вл. Георгиева «Хеттский и этрусский язык», где язык этрусков рассматривался как прямое продолжение хеттского. «Этрусский язык есть диалект хеттско-лувийской языковой группы, а именно ближайше родственный хеттскому и его потомку — лидийскому. Этрусский есть не что иное, как продолжение хеттского», — писал Георгиев в начале своей книги и приводил затем многочисленные случаи совпадения хеттских и этрусских слов и грамматических показателей. Надо сказать, что в установлении хетто-этрусских параллелей Георгиев допустил много ошибок.

Однако «... большинство действительно полученных им хетто-этрусских лексических и грамматических соответствий возникло, очевидно, не в результате хеттского происхождения соответствующих этрусских форм, но как следствие развития тех и других из первоначального источника», — пишет советский этрускolог Харсекин в рецензии на книгу Георгиева.

Еще Геродот утверждал, что родиной этрусков является Лидия, расположенная в Малой Азии. И действительно, в последнее время добыто много фактов, подтверждающих сходство этрусского и лидийского языков: здесь и совпадения некоторых имен, например имеющих основу *масн-*, и сходство графического облика слов (например, скопление согласных в слове), одинаковое звучание и значение некоторых оборотов, например совпадает оборот *нах... нах...* (по-русски его можно перевести 'как... так...'), и многие другие черты сходства. В лидийском, так же как и в других алфавитах Малой Азии, имеется знак восьмерки — 8, передающий звук [ф]. Точно такой же звук передает и восьмерка в этрусском алфавите, а ведь у греков, создателей алфавита, этого знака не было (может быть, малоазийцы взяли этот знак у семитов: он есть в южноаравийском алфавите, но обозначает здесь не [ф], а нечто вроде английского *th*).

Еще одним доказательством правоты Геродота может служить такой знаменательный факт. В 80-х годах прошлого века на острове Лемнос, у западного побережья Малой Азии, была обнаружена надгробная стела, изображающая воина с копьем. На стеле была высечена надпись. Язык этой надписи был очень похож на этрусский: лингвисты насчитали в ней до десятка корней и семь суффиксов, а также целые выражения, подобные этрусским!

Правда, скептики предполагали, что эта стела на Лемносе была надгробным памятником какому-то богатому этруску, жившему на острове: ведь обнаружили же в Египте самый большой памятник письменности этрусков! Однако впоследствии были найдены и небольшие памятники письма на Лемносе, и язык их тоже был сходен с этрусским. С малоазийским «адресом» этрусков можно связать и само их название, видимо содержащее ту же основу, что и название Троя (см. выше, стр. 158).

Наконец, на древнем острове Кипр также были найдены тексты, написанные на языке, возможно родственном языку загадочного народа этрусков.

Так от берегов Малой Азии через острова Эгеиды к древней Италии протягивается цепь «этрусских» языков. Скорее всего, этрусский язык вовсе не индоевропейский, а эгейский. В таком случае, он мог бы быть родственным минойскому или хаттскому (кстати, во всех трех языках не было звонких согласных). Те ученые, которые отвергали родство этрусского с индоевропейскими языками, все же допускали, что такие окончания, как этрусское *-хун* и хеттское *-хун* (1-е лицо прошедшего времени глагола), не могут быть простыми совпадениями. Они объясняли это соответствие заимствованием, но окончания не заимствуются![1] Спор разрешился просто — оказалось, что в этрусском такого окончания нет. Так был устранен последний серьезный довод в пользу родства этрусского с хеттским.

Что же касается таких соответствий, как окончания *-с*, *-л* (родительный падеж в этрусском и в хеттском), то они могут быть совпадениями или же свидетельствовать (это касается, правда, лишь окончания *-с*) о древнем, «ностратическом» родстве языков. Об этом родстве свидетельствуют и такие устойчивые формы, как *ми*, *мини* (местоимение 1-го лица единственного числа в этрусском). Но «ностратическое» родство объединяет очень широкий круг языков — сюда входят и индоевропейские, и семитские, и уральские, и алтайские, и

[1] Иногда, правда, считают, что в самом хеттском окончание *-л* родительного падежа не индоевропейское, а заимствованное. Дело в том, что в индоевропейских языках окончания *-л* не было (впрочем, имелись притяжательные прилагательные на *-ли*).

дравидские, и эскимосские, и древние хуррито-урартские языки. Так что вопрос, «с какими языками был в родстве этрусский», по сути дела, остается открытым.

ЭТРУСКИ И КИБЕРНЕТИКА

Электронные вычислительные машины, кибернетическая техника могут с успехом применяться не только для автоматического перевода с языка на язык, но и для изучения древних письмен — это убедительно показали первые опыты машинной дешифровки, проведенные в нашей стране. Нельзя ли применить машины и для решения этрусской загадки?

В конце 1965 года в США вышло два объемистых тома, названных «Материалы для изучения этрусского языка». Их авторами были М. Фаулер, Р. Вольф и... вычислительная машина СДС 1604 Висконсинского университета (г. Мэдисон, штат Висконсин). Несмотря на то что этрускология насчитывает добрых двадцать веков, до сих пор еще не было ни одного полного словаря этрусского языка (если не считать устаревшего словарика А. Фабретти, вышедшего в 1867 году). С помощью вычислительной машины был составлен этрусский словарь.

Больше того, «электронный филолог» привел данные о встречаемости всех букв этрусского алфавита; списки сравнительных частот слов этрусков, разделенные по географическим районам Италии (это важно для решения вопроса, был ли этрусский язык единым или же он распадался на несколько диалектов); список наиболее длинных этрусских слов; непосредственное языковое окружение всех числительных; список средней частотности 1, 2, 3, 4-й букв в конце и в начале слов (это нужно для выявления грамматических частиц языка); выписку непосредственного окружения слов и другие материалы.

Разгадки тайны языка этрусков работа американцев не дала. Впрочем, исследователи и не ставили перед собой этой задачи. Их цель была в том, чтобы снабдить этрускологов необходимым справочным аппаратом, фундаментом для дальнейших изысканий. (Ведь этрускологи, стремясь поскорее перевести загадочные тексты, мало внимания уделяли созданию прочной базы для исследований, так как она требовала не одного года утомительной и кропотливой работы.) Но «справочные материалы» М. Фаулера и Р. Вольфа, несмотря на всю их важность, не свободны от недостатков.

Во-первых, потому, что они не использовали всех имеющихся в наличии текстов этрусков — ведь это сразу же снижает ценность статистических материалов! (Достаточно назвать такие цифры: в настоящее время опубликовано более 10 тысяч надписей этрусков, в то время как машиной обработано всего лишь 6 тысяч.)

Во-вторых, потому, что Фаулер и Вольф не учли важных исправлений в транскрипции этрусских текстов, сделанных в последнее время (так, один только венский этрусколог А. Пфиффиг в своей работе 1964 года дал поправки к 150 надписям). Так, машиной обрабатывались слова *анешни* и *хустифе*, в то время как ныне их читают *капенати* и *рустике*. Что и говорить, разница весьма существенная! И таких расхождений в чтениях в этой работе немало.

Разумеется, при новом издании «Материалов для изучения этрусского языка» все эти недостатки можно устранить. Но советским исследователям представляется, что кибернетическая техника может быть использована гораздо шире, чем это сделали американские ученые. С помощью статистической обработки возможно установить общую тенденцию развития этрусского языка; ведь памятники этрусского языка охватывают почти тысячелетие и язык за это время, конечно, изменялся.

В декабре 1966 года в Москве состоялась третья Всесоюзная конференция по информационно-поисковым системам и автоматизированной обработке информации. На ней А. И. Харсекиным был сделан доклад, посвященный возможностям машинной обработки этрусских текстов. «Прежде всего экспериментами М. Фаулера не исчерпываются возможности привлечения ЭВМ для быстрого выполнения вспомогательных операций, — говорилось в этом докладе. — Это, в частности, наглядно демонстрируется проведенными во Всесоюзном институте научной и технической информации работами по составлению прямых и обратных словарей, своим объемом значительно превышающих результаты исследований М. Фаулера». («Прямой» словарь — это словарь, где материал расположен в привычном для нас алфавитном порядке, «с начала» слов; «обратный» словарь — такой словарь, где слова даны по окончаниям, например для русского языка: *баба, борьба, орава, ватага, дворняга, надежда* и т. п.).

Электронные вычислительные машины могут оказать

существенную помощь в фонетической обработке этрусских текстов. Ведь тексты эти происходят из разных местностей, относятся к разным эпохам, порой разделенным почти тысячелетием. До сих пор никто еще не изучал закономерности различий этрусского языка «в пространстве и во времени». «Прогресс может быть достигнут только путем статистической обработки всей совокупности наличных надписей, которая должна выявить общие тенденции фонетического развития этрусского языка», — говорит Харсекин. Всю кропотливую статистическую работу могут проделать электронные вычислительные машины за короткий срок.

С помощью вычислительных машин можно было бы проделать комбинаторную обработку этрусских текстов. Не беда, если бы при этом частично дублировалась работа, сделанная когда-то этрускологами «вручную», — у машины такое дублирование отняло бы немного времени. Зато новые материалы, полученные с помощью неутомимого и точного машинного работника, с лихвой компенсируют эти затраты!

Вероятно, имело бы смысл таким же комбинаторным способом обработать и памятники письма Малой Азии, чтобы окончательно решить вопрос о происхождении этрусков, а также письмена островов Лемноса и Кипра, язык которых сходен с этрусским. Можно на основе строгих научных принципов привлечь к рассмотрению и ряд других языков. И после всех этих совместных действий этрускологов и «электронного филолога», быть может, наконец-то удастся решить многовековую тайну, загадку номер один современной лингвистической науки — загадку этрусского языка.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЧТО ЧИТАТЬ ТЕПЕРЬ?

Теперь, когда вы прочли или пролистали эту книгу, вам, возможно, захочется поглубже «войти в материал». Мы можем предложить вам прочитать другие популярные книги о древних народах и их языках, например, книгу Э. Церена «Библейские холмы» или К. Керама «Узкое ущелье и черная скала» — это книга о хеттах. Недавно вышла интересная книжка Замаровского, которая так и называется — «Тайны хеттов». В двух последних книжках прочтите очерки Вяч. В. Иванова, посвященные хеттской культуре, их истории и языку. О дешифровке М. Вентриса есть специальная книжка С. Я. Лурье «Заговорившие таблички». Если она покажется вам чересчур популярной, прочтите послесловие И. М. Дьяконова к замечательной книге И. Фридриха «Дешифровка забытых письменностей и языков» (которую тоже полезно прочитать). Это послесловие составлено по материалам книга Дж. Чэдуика о М. Вентрисе. Книга Дж. Чэдуика, написанная в общем недавно, но выдержавшая уже несколько изданий и переведенная на одиннадцать языков, выйдет в русском переводе и с предисловием автора, обращенным к русскому читателю, в сборнике «Проблемы дешифровки»[1].

В этом сборнике кроме замечательной книги Дж. Чэдуика вы найдете очень важную работу — статью г. Ипсена о Фестском диске (она не требует специальной подготовки), статью Г. Ноймана о результатах исследования письма Фестского диска, статьи о письменности долины Инда и другие материалы. Проблеме «средиземноморских» письменностей уделено особенно много места; переводные работы прокомментированы советскими исследователями.

[1] Об истории письма на русском языке нет пока ни одной хорошей работы, но скоро выйдет из печати неплохая книга И. Фридриха «История письма», переведенная с немецкого.

Интересна статья И. М. Дьяконова о принципах дешифровки; она написана по поводу неудачной дешифровки Турчаninова (который занимался так называемой Майкопской надписью) и опубликована в «Вестнике древней истории» (№ 2 за 1966 год). Еще есть у И. М. Дьяконова интересная статья «Дешифровка древних письменностей», напечатанная в журнале «Наука и жизнь» (№ 4 за 1966 год). И конечно же, читайте прекрасную книгу Эрнста Доблхофера «Знаки и чудеса».

О языке этрусков написано мало. Популярная книга Э. Майани «Этруски начинают говорить», к сожалению, никуда не годится[1].

О «ностратическом» языкознании писал Я. А. Долгопольский в популярных статьях в журнале «Знание — сила» можно прочесть его статья в «Русской речи» (№ 6 за 1967 и № 2 за 1968 годы).

Можно поупражняться в дешифровке, решая задачи, которые печатаются время от времени в журнале «Наука и жизнь» (см. начиная с 1965 года).

Вообще же, если кто-нибудь из вас решит в будущем серьезно заняться изучением древних письменностей и языков, то наш добрый совет вам — «поднажать» на изучение современных языков. Ученый должен хорошо знать несколько языков (немецкий, французский и английский прежде всего), причем, конечно, не только современных. Но кроме языков нужно знать и массу всякого другого. Можно, конечно, попробовать на досуге дешифровать Фестский диск, но по-настоящему серьезной работа исследователя может быть лишь в том случае, если он долгие годы готовился к ней.

Это все, что мы хотели вам сказать. Желаем успехов!

---

[1] Книжка, правда, написана увлекательно, и если вы решите ее прочесть, то посмотрите заодно и «разгромную», но вполне справедливую рецензию на эту книгу, опубликованную в виде письма в редакцию А. А. Королевым и В. П. Назаровым в «Вестнике древней истории» (№ 1 за 1967 год).

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ 3
ГЛАВА 1. ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ КРИТ 5
ГЛАВА 2. ГРАЦИЯ ДО ГРЕКОВ 33
ГЛАВА 3. РАЗНЫЕ СЛЫШАТСЯ ТАМ ЯЗЫКИ 51
ГЛАВА 4. ЗАГАДКИ МЕДНОГО ОСТРОВА 74
ГЛАВА 5. В КАКУЮ СТОРОНУ КРУТИЛСЯ ДИСК? 90
ГЛАВА 6. ПИСЬМЕНА СТРАНЫ ХАТТИ 111
ГЛАВА 7. МАЛЫЕ ХЕТТЫ 148
ГЛАВА 8. «ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН» 173
ГЛАВА 9. ЯЗЫК НЕИЗВЕСТЕН 202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЧТО ЧИТАТЬ ТЕПЕРЬ? 225